

**ЖАСМИН
ИВАНОВА**

ПЕРВОКУРСНИЦА

Отец бесцеремонно меня обрубает, с холодком глядя в лицо: — Не до шуток сейчас. Хочу, чтобы ты к нему присмотрелась. В недоумении таращусь на отца, широко распахнув глаза. Стран... интересный он сегодня! — В каком смысле присмотрелась? — Он влиятельный человек. Бизнесмен. Обеспечен. Работает в горуправе. Зампред комиссии, определяющей строительные тендеры. Такой человек пригодится в зятях. Чувствую, как начинает дрожать подбородок, на глаза наворачиваются слезы. Хватаю подушку, прижимаюсь к ней лбом, глубоко дышу. Это абсурд какой-то, сон дурацкий!

- [Глава 1. Мира](#)
  - [Глава 2. Мира](#)
  - [Глава 3. Влад](#)
  - [Глава 4. Мира](#)
  - [Глава 5. Мира](#)
  - [Глава 6. Влад](#)
  - [Глава 7. Мира](#)
  - [Глава 8. Мира](#)
  - [Глава 9. Мира](#)
  - [Глава 10. Макс](#)
  - [Глава 11. Мира](#)
  - [Глава 12. Мира](#)
  - [Глава 13. Макс](#)
  - [Глава 14. Мира](#)
  - [Глава 15. Влад](#)
  - [Глава 16. Мира](#)
  - [Глава 17. Мира](#)
  - [Глава 18. Мира](#)
  - [Глава 19. Мира](#)
  - [Глава 20. Макс](#)
  - [Глава 21. Мира](#)
  - [Глава 22. Мира](#)
  - [Глава 23. Мира](#)
  - [Глава 24. Влад](#)
  - [Глава 25. Мира](#)
  - [Глава 26. Мира](#)
  - [Глава 27. Влад](#)
  - [Глава 28. Макс](#)
  - [Глава 29. Мира](#)
  - [Глава 30. Мира](#)
-

Глава 1. Мира

— Как прикажешь тебе девушку искать, когда ты отказываешься бороду брить? Думаешь приятно целоваться с кактусом?

Отчитываю его на полном серьезе, мне не до шуток. Совсем недавно опросила подруг и поняла, что мало кому нравятся бородатые. Хочу найти Владу хорошую девочку, но все попытки терпят крах. Из-за бороды, не иначе! Ловлю его возмущенный взгляд, вслед за чем в серых глазах загораются веселые огоньки и рука небрежным махом взлетает в воздух.

— Ты права. Дело гиблое. Разрешаю больше никого себе не искать.

— Ну уж нет! Вот сбреешь бороду — обязательно тебя к кому-нибудь пристрою! Даже не сомневайся!

Подхожу к Владу и утешительно тереблю его плечо. Приходится сильно задрать руку, чтобы до него дотянуться. Хотя я и не мелкая, но парень просто огромный, под два метра в высоту. Высокий, худой. Как жердь. Как истощавший на голодном, общажном пайке великан. От этого баскетбола никакой пользы фигуре! Надо бы парня в качалку отправить, профицит калорий организовать. Откормить мамиными пирожками! На землю меня спускает привычный баритон:

— Ты сейчас домой?

— Какое там! Мне через пол часа историю архитектуры исправлять, — с трудом удержавшись от зевка, жалуюсь, — Сегодня пол ночи доклад переписывала. Боюсь, там каша, но мне лишь бы сдать. Уже все равно, на что!

— Кто препод?

— Игорь Денисович Курт — так его зовут, моего мучителя.

— Такой мелкий, лысый мужик?

— Ага. Мелкий, лысый, но о-очень вредный!

Внезапно вижу, как Влад меняется в лице. Губы плотно сжимаются, глаза мрачнеют. Из темно-серых превращаются в почти черные. Он просит:

— Не ходи к нему! Поговаривают, что он слишком любит молоденьких студенток.

— Любит? Цепляться к человеку по поводу и без — это теперь «любит» называется?

Возмущаюсь, завожусь с пол оборота, а сама невольно вспоминаю, как профессор придирался к моей работе. Пустяки какие-то выискал и уперся, как ишак: «Не зачту. Жду на пересдачу с новым докладом!» Значит, вот что ему нужно?

Мы сидим в фойе, занимая удобные кресла около выхода на улицу. Дверь нараспашку открывается хохочущей, покрасневшей от холода студенткой, поджидающей бегущую подружку. Оттуда веет морозом и я ежусь. Привычный глазу вестибюль универа вдруг теряет половину обволакивающего уютот тепла. Становится не по себе, но я храбрюсь. Пытаюсь даже не Влада, а саму себя убедить, что не все так плохо.

— Мало ли что говорят! Оценки сами себя не исправят. Что, ну что может в его кабинете случится? Приду, сдам доклад и адью!

Влад недоверчиво кивает, молчаливое несогласие в его глазах еще сильнее настораживает. В руках его опять появляется кубик Рубика — еще одна дурацкая привычка, от которой никак не могу его отучить. Когда нервничает, размышляет, достает свой крохотный брелок, и в считанные секунды сортирует цветные квадраты по граням. Убирает брелок в карман и протягивает мне пухлый рюкзак. Пора идти. Вскокиваю с кресла,

подхватываю рюкзак и, криво улыбнувшись, поспешно обнимаюсь с Владом. От него приятно пахнет терпким мужским одеколоном. Не забыть бы потом узнать название — куплю потом отцу такой же.

Механически переставляя ноги, двигаюсь по длинному, светлому коридору без окон. Если поддамся страху, жуткой горой сдавившему грудь, то доклад не пересдам и тогда адью скажу второму курсу! Папа живьем меня съест! А мама опять схватится за сердце и попросит поискать в аптечке валидол.

Подхожу к кабинету профессора и замираю перед открытой дверью, не решаясь переступить порог. Но препод уже меня заметил. Он сидит за столом, расположившись почему-то спиной к окну, лицом ко мне и машет рукой, приглашая зайти. Отступить поздно.

Захожу в узкую, продолговатую комнатку, заставленную стеллажами с книгами, папками и какой-то техникой. Одновременно ковыряюсь в рюкзаке, пытаюсь вытащить доклад, не сильно его помяв. Вдруг слышу:

— Самохвалова, вы в лифте живете?

— Что? — в недоумении смотрю на профессора. Тот буравит меня глазами из-за линз массивных очков. Парализует, как кролика. Наконец, тонкая нить рта с издевкой выплевывает:

— Что, что... Дверь за собой закройте!

Послушно исполняю приказ, тщетно пытаюсь отогнать дурное предчувствие. Это ведь просто дверь в кабинет. Не в мышеловку, не в капкан, не в ловушку! Наконец, слегка дрожащими пальцами достаю помятый доклад, прижимаю к себе. Цепляюсь за него, как за соломинку, будто прячусь за щит, ненадежный и ломкий. Профессор протягивает мне руку. Глупо таращусь на его ладонь, пытаюсь сообразить, что от меня хотят.

— Самохвалова, вы сегодня тупите бесподобно! Доклад мне дадите?

Вручаю ему тонкую бумажную стопку и быстро направляюсь на выход, торопясь поскорее отсюда исчезнуть.

— И куда вы собрались?

Приходится опять развернуться и вопросительно заглянуть в его глаза. На сей раз просто насмешливые, не злые.

— Я прямо сейчас прочитаю ваш опус. Не желаете узнать результат?

— Желаю, конечно!

Мне начинает импонировать тон разговора. Чисто деловой, по существу, хоть и насмешливый. Да пусть он смеется надо мной сколько угодно, лишь бы поставил зачетный балл и отпустил с миром!

Мужчина, просматривая странички, вдруг требует, даже не отрывая лица от доклада:

— Садитесь! — и указывает на стул, стоящий в каких-то тридцати сантиметрах от его собственного.

Робко жмусь к двери и вежливо качаю головой:

— Нет, спасибо! Я постою.

Как назло, я сегодня в сером шерстяном платье, чуть выше колен. Если сяду, оно задерется еще выше. Не хочу своими голыми ляжками сверкать перед этими плотоядными глазами, опять с суровой неумолимостью вззирающими на меня.

— Это не просьба, Самохвалова. Подойдите и сядьте. Если у меня возникнут комментарии, вопросы, замечания, как мне показывать вам текст? Или у вас дальновзорность? Вы с порога все увидите?

Вынуждена подойти. Одергиваю платье пониже и сажусь на самый краешек стула, как можно дальше от этого деспота. Сейчас власть в его руках и мне ненавистно чувство собственной уязвимости. Он хмурится, и красной ручкой перечеркивает почти всю страницу. Недовольно ворчит:

— Напустила туману... Нужны примеры, четко мысль излагай! Этот лист перепишешь.

Сердце, испуганно колотясь, ухает в топкую пропасть отчаяния. Да что же это такое? Не выдержав возмущаюсь:

— В прошлый раз вы к этому месту никаких претензий не имели! Мне опять все заново переписывать?

— Конечно, — смешок и внимательный взгляд из-под очков, — Или у тебя есть другие варианты?

Смотрю на него растерянно. Теряюсь в догадках. Что ты от меня хочешь? Решил отыграться на бедной студентке? Ты женоненавистник? Или диктатор? Тебя мама в детстве недолюбила? Какие комплексы кроются в твоей лысой башке?

Всем корпусом развернувшись ко мне, он все также пристально смотрит в глаза. Вдруг, поражая своей откровенной, бесстыдной наглостью, взгляд опускается на мою грудь, прожигая от нее позорную дорожку к коленкам, покрытым лишь тонким слоем капрона. До предела натягиваю платье, но колени так и остаются открытыми. Наша деловая встреча скользит по грани фола, рискуя превратиться в обыкновенное домогательство. Хочется сбежать, но вдруг мне показалось? Вдруг накрутила себя, нафантазировала триллер вместо скучной мелодрамы? Наконец, чуть хрипловатым голосом, профессор весело заявляет:

— Все-то тебе разжевать надо, первокурсница! Ты даешь то, что нужно мне, а взамен получаешь то, что нужно тебе. Засчитаю работу, поставлю хороший балл, не поскуплюсь, — он хищно скалится и добавляет, — Я прошелся по твоим оценкам. Тебе всего ничего не хватает до стипендии. Сильно хочешь стипендию?

Своими толстыми пальцами накрывает мне бедро, по-хозяйски сжимает. Это прикосновение окончательно подтверждает мои худшие опасения. Вскликаю тут же, с отвращением отмахнувшись. Сердито кричу:

— Вы, Игорь Денисыч, часом не охренели?

В этот момент дверь открывается и в кабинет уверенно и спокойно, как к себе домой заходит Влад. Его фигура разом заполняет всю комнатушку. Футуризм какой-то, иллюзия невозможная! Он невозмутимо приближается к нам и засовывает руку в карман моего рюкзака. Вытаскивает оттуда смартфон под негодующие выкрики хозяина кабинета:

— Да что ты себе позволяешь, наглец? Прощайся с университетом, невежа!

Мой спаситель никак не реагирует. Тонкие, длинные пальцы уверенно бегают по экрану смартфона, пока не раздаются наши голоса: мой и профессора.

— Все-то тебе разжевать надо, первокурсница! Ты даешь то, что нужно мне, а взамен получаешь то, что нужно тебе. Засчитаю работу, поставлю хороший балл, не поскуплюсь.

Влад произносит сухо, без эмоций:

— Мира, достань зачетку. Игорь Денисович сейчас поставит тебе отметку за доклад. Хороший, щедрый балл — он обещал не скупиться.

На профессора жалко смотреть. Лицо покраснело, в глазах беззубая ярость вперемешку со страхом и отчаянием. В жалкой попытке сохранить лицо он двигает к себе зачетку и ухмыляется:

— Неуд по тебе плачет, Самохвалова, но я сегодня добрый. Пусть твой паж сотрет

запись так, чтоб я видел. Тогда получишь нормальный балл.

Влад отрицательно мотает головой.

— Сотру запись и ваша щедрость улетучится. Не пойдет.

Профессор пожимает плечами, ставит в зачетку высший балл, витиевато расписывается.

Торжественно вручает мне зачетку, затем разводит руками и добродушно заявляет:

— В конце концов, ничего *такого* я тебе не сказал, Самохвалова. Но стипендию тебе дарю, так и быть. Можешь не благодарить. Теперь идите, наш разговор закончен.

Влад хватает меня за руку и тащит на выход. На пороге оборачивается:

— Запись не сотру. Но если забудете про красивых студенток, я забуду про запись. Она нигде не всплывет, даю слово.

После этого обещания мы окончательно выходим, аккуратно закрыв за собой дверь. Влад по-прежнему тащит меня прочь, и я, нелепо подпрыгивая, быстро переставляю ватными ногами, пытаюсь за ним поспеть. В вестибюле он, наконец, останавливается перед раздевалкой, достает из кармана номерок, отдает гардеробщице и поворачивается ко мне с упреком:

— Не хочу этого говорить, но... Я же тебя предупреждал!

Отвожу глаза, киваю. Предупреждал, да. Но разве был у меня другой выбор?

Надев пальто, выхожу с Владом на улицу. Тихо говорю:

— Спасибо, что выручил. Ты хороший друг.

Он долго смотрит на меня, будто хочет что-то сказать, но не решается. Потом, махнув рукой, отрезает:

— До завтра!

И быстро направляется в сторону общежития.

Глава 2. Мира

— Мирослава, вечером у нас будет гость, — папа стоит на пороге моей комнаты серьезный и напряженный, сжимая в руке смартфон. Торжественное выражение его лица и формальное ко мне обращение плохо сочетаются с мокрыми волосами, баннным халатом и бирюзовым полотенцем, небрежно перекинутом через плечо.

Сажусь на кровати по-турецки, настороженно интересуюсь:

— Кого ждем?

— Придет мой хороший знакомый, — отец произносит это с важностью, с нажимом. Как будто объявляет о прибытии короля. От волнения потирает подбородок, заросший однодневной щетиной, местами уже седой. Не успел еще побриться.

— То есть убираемся сегодня особенно тщательно? — уточняю. — Не переживай, пап, пижаму в ванной сегодня точно не забуду! Краснеть из-за меня не придет...

Папа бесцеремонно меня обрубает, с холодком глядя в лицо:

— Не до шуток сейчас. Хочу, чтобы ты к нему присмотрелась.

В недоумении тарашусь на отца, широко распахнув глаза. Стран... интересный он сегодня!

— В каком смысле присмотрелась?

— Он влиятельный человек. Бизнесмен. Обеспечен. Работает в горуправе. Зампред комиссии, определяющей строительные тендеры. Такой человек пригодится в зятях.

Чувствую, как начинает дрожать подбородок, на глаза наворачиваются слезы. Хватаю подушку, прижимаюсь к ней лбом, глубоко дышу. Это абсурд какой-то, сон дурацкий! Не может же мой родной отец мне брак по расчету устроить! Он меня должен защищать, беречь, направлять к любви и счастью. Не использовать меня, как козырную даму в своем строительном бизнесе.

Слышу шуршание тапок. Кровать оседает под его весом. Нос щекочет хвойный запах папиного шампуня. Гладит бережно по голове. Прикосновения его неприятны. Как будто чужой человек меня трогает. Бывший когда-то родным и предавший. Голос его из каменного, стального чуть теплеет.

— Ты еще молодая, сопливая. Витаешь в розовых облаках. Веришь в рай в шалаше и прочий бред. Я тебе добра хочу. Если он тебе будет противен, можешь забыть. Но обещай хотя бы присмотреться!

Отец отводит подушку от моего лица, обхватывает двумя руками, стирает жесткими пальцами влажные дорожки на щеках. Заглядывает в глаза пытливым, по-доброму.

Если бы не сказал ту фразу про «можешь забыть», не простила бы его! Ни за что! Никогда! Но эта небольшая оговорка все в корне меняет.

Бормочу тихо:

— Ладно, присмотрюсь. Но ничего больше не обещаю!

— Большого и не надо, — заверяет в ответ.

Весь день идет уборка. Стараюсь сфокусироваться на пыли, энергично орудую тряпкой, чтобы не думать о вечернем визитере. Пытаюсь не волноваться. Квартира у нас большая, трехкомнатная. На неделе все заняты, не до уборки. На выходных приходится отдуваться.

Мама берется за пылесос, нагибается и тут же со стоном хватается за спину.

— Олег, ну, пожалуйста! Давай уже робот-пылесос купим! Меня радикулит замучил!

Из кухни до нас долетает голос отца, заглушаемый скворчанием сковороды:

— Чтобы ходить и спотыкаться об ползающую железку? Ни за что!

Мама, нахмурившись, досадливо качает головой, потирает спину. Передаю ей тряпку для пыли, а сама берусь за пылесос. За хлопотами проходит весь день. Отец злой, придирчивой фурией летает по квартире, зыркает по углам, проводит пальцем по шкафам, под кроватью. Проверяет, качественно ли мы убрались. С грустью понимаю, что в библиотеку сегодня не успею. Пишу Владу сообщение, извиняюсь. Мы собирались за книжками вместе посидеть, но из-за этого дурацкого бизнесмена все планы накрылись медным тазом.

К вечеру квартира вылизана и блестит, как леденец на палочке. Ни пылинки, ни пятнышка. Стол по-праздничному накрыт. Аромат мяса и выпечки заставляет истекать слюнками. Сажу в своей комнате на кресле у торшера, слушаю щебет амадинов, листаю странички учебника по европейской архитектуре, но сфокусироваться не удается. Взгляд то и дело срывается на настенные часы. Наблюдаю, как толстая стрелка медленно ползет к цифре шесть. Когда минутная стрелка замирает в верхней точке циферблата, а часовая в нижней, раздается гудение домофона. Папа, сломя голову бросается к двери. Его поспешность и нервозность никак не вяжутся со степенным внешним видом: рубашкой, отутюженными штанами, гладко выбритым лицом. Через минуту входная дверь открывается и в прихожую заходит гость.

Ожидала появления зрелого, пузатого дядьки, папиного ровесника. В лучшем случае, парня с блеклым лицом и водянистыми глазами — такого однажды встретила у папы на стройке. Вместо этого вижу перед собой фитнес модель. В одной руке у него бутылка вина, в другой пышный букет роз, который он тут же вручает маме. Глупо моргаю. Мне не верится, что такие красавцы бывают вживую, не по телевизору. И уж точно они не ходят к нам домой на субботний ужин. Высокий, смуглый брюнет лет тридцати. Широченные плечи, мощный торс — все, как я люблю. Умные карие глаза, правильные, чуть резко очерченные черты лица. Маленькая родинка на правой щеке. Слышу папин голос, как сквозь туман:

— А это наша дочь Мирослава, можно просто Мира.

Вижу протянутую мне широкую ладонь. Тяну в ответ свою для пожатия. Он неожиданно наклоняется и целует запястье. Меня, как молнией обжигает. Лавой кипящей обдаёт. Говорит что-то, но я ничего не слышу. Как будто вата в ушах. Лепечу:

— Извините, — и бросаюсь в свою комнату. Стыдоба какая! Веду себя, словно малолетка влюбленная. Будто чокнутая, которую недолечили. Не выйду к нему больше! Не стану позориться! И присматриваться не буду! На него смотришь — и глазам больно от этой яркой, совершенной красоты. А я кто? Девочка-студенточка. Самая обыкновенная.

Жду со страхом, что в комнату ворвется папа, отругает и потащит к гостю. Но никто не появляется. Слышу размеренный ритм разговора. Папин голос, мамин и бархатный баритон красавца. Как будто Ургант в нашей гостиной сидит, свои байки травит. Потихоньку успокаиваюсь.

Папа мне велел присмотреться, но между нами ведь и быть ничего не может. Что толку в гляделки играть? Такой классный парень, как он, никогда не взглянет на обычную, рядовую девчонку вроде меня. Буду с ним вежливой, милой, и только. В животе начинает бурчать от голода. Я ведь толком не ела сегодня! Подхожу к зеркалу, поправляю блузку, волосы и направляюсь в гостиную. Меня встречают радостными взглядами. Без осуждения, без нотаций. Это приятно.

— Проголодалась, наконец-то! — приветствует меня папа.

— Так ведь целый день жду твоего мяса, место в животе придерживаю, — голос мой вибрирует от волнения, звенит натянутой струной. Непослушными пальцами накладываю себе хорошую порцию. Ужасно стесняюсь есть при этом красавце. При нем даже дышать робею. Злюсь на себя за дурацкие страхи. Мне с ним не светит ничего, так к чему переживать?

С аппетитом урча, приступаю к еде.

— Пап, ты превзошел самого себя! Баранина нежнейшая, тает во рту!

— Правда, правда! — живо подхватывает красавец. — И букет специй интересный! Никогда такого в ресторанах не пробовал! Поделишься рецептом?

Папа хитро подмигивает.

— Это вообще-то семейный рецепт, Макс. По наследству от бабушки получил. Но если ты с нами породнишься, станешь частью семьи, то непременно его узнаешь.

Краснею и возмущенно таращусь на отца. Обязательно так откровенно позориться? С удивлением слышу ответ Макса:

— Я вообще-то не против.

Смотрю на его сияющие глаза, широкую, белоснежную улыбку, обращенную ко мне. Насмехается? Приколист несчастный!

— Пап, ты всегда мечтал о сыне. Вот усынови Макса, и сможешь тогда ему свой рецепт передать!

Папа задорно смеется, Макс улыбается.

— С характером у меня дочка! — с гордостью заявляет отец, глядя на гостя. — Но когда надо, послушная, шелковая. Хорошая жена будет.

Хочется кинуть в него чем-нибудь. Отплатить за свое унижение. Но я держусь. Лишь усерднее мясо пережевываю, до скрипа в зубах. Это же отец. Почитать его велено в десяти заповедях. Уважение к родителям с молоком своей матери-грузинки впитала. Оно у меня в крови сидит, как лейкоциты и тромбоциты. Ничем не вытравишь. Улыбаюсь натужно и заявляю:

— Может и стану когда-нибудь хорошей женой, до этого еще дожить надо. Но хорошей дочерью я точно быть перестану, если мы тему не сменим.

Снова взрыв хохота. Только на сей раз мне показалось в глазах Макса мелькнуло странное выражение. Сочувствие?

Мама, видимо, сжалившись надо мной, принимается за расспросы. Чем занимается наш гость? Как поживают его родители? Есть ли у него хобби?

Макс, разумеется, тут же расписывает свою жизнь сладкой картинкой. Специально, наверно, чтобы меня подразнить. Идеальная внешность дополняется совершенным образом жизни. Занимается винным бизнесом. Нет, он не сомелье, хотя однажды им был, и в винах прекрасно разбирается. По работе часто путешествует, много где побывал. Заседает в горуправе, работа там не пыльная. Главную бумажную волокиту берет на себя секретарь. Но когда назначают очередное собрание по поводу тендера, вынь да положь вовремя явиться. В качестве хобби у него, конечно спорт. Карате и бокс. Вот откуда взялась фигура атлета. Родители живы-здоровы. Пенсионеры, живут в частном доме. Он им помогает финансами. На этих словах моя мама окончательно уверяется, что лучше зятя ей не найти. Охает, ахает, восхищаясь его уважением к старшему поколению, многозначительно на меня поглядывает. Мол, такого парня упускать нельзя! Игнорирую ее сигналы. Я тут точно не при делах. Ем,

радуясь от души, что отец оставил свои неприличные намеки.

Вместе с сытостью, запитой бокалом вина, все тело охватывает приятная истома. Напряжение исчезает куда-то вместе с кристальной трезвостью. Не привык организм к алкоголю. Незаметно для себя становлюсь добродушной, бесконфликтной душкой. Хочу уже потихонечку скрыться в своей комнате под предлогом уроков и немного вздремнуть, как Макс внезапно замирает, наострив уши и задрав указательный палец. Заявляет через секунду, что кому-то звонят.

Мы тоже прислушиваемся, но знакомых мелодий не улавливаем. Только амадины щебечут в моей комнате. Папа вдруг хохочет:

— Ты наших птичек с рингтоном спутал!

— Не может быть? Это реально птицы? — поражается Макс. Густые брови недоверчиво сдвигаются, образуя две вертикальных складки.

— Вы шутите?

— Да нет же! У Миры в комнате амадины живут. Хочешь, сам посмотри! — предложил отец, щедро наполняя свой бокал.

— Мира, покажешь? — Макс обращается ко мне осторожно, почти робко.

— Запросто! — щедро обещаю я и бодренько вскакиваю с дивана.

Проходим в мою комнату. Он внимательно осматривается и я, следуя за его взглядом, осматриваюсь вместе с ним. Обои пастельных тонов. Светлая мебель, карта желаний над персиковой кроватью, раскидистая пальма в углу, на столе клетка с амадинами. Прежде, чем подойти к клетке, он задерживается около карты желаний. С интересом изучает мою голову, наклеенную поверх идеальной фигуры Алессандры Амбросио в бикини. Снизу подпись «вешу 51 кг». Нет уж, это слишком личное! Подхожу и решительно оттаскиваю его за локоть в сторону пернатых.

— Две белые птички — самочки. Серые с пестрыми крылышками — самцы, — объясняю ему. — Песенки, которые ты слышал, поют мальчики. Девочки только чирикают.

— Все, как у людей, — заявил Макс. Гляжу на него с улыбкой, мол шутку его оценила. Но в его глазах нет и доли веселья. Не успеваю возмутиться про «только чирикающих девочек», как вдруг один самец начинает верещать высоким, жалобным писком.

— Что это с ним? — интересуется Макс.

— Мм... Готовится стать отцом, — смущенно признаюсь я и, кажется, краснею. Мы наблюдаем, как амадин подлетает к самочке и, отчаянно махая крылышками, завершает свою птичью любовь, напоследок тоненько, еле слышно посвистывая.

Мне почему-то не по себе. Стоим тут одни в моей комнате, затаив дыхание, любуемся птичьим интимом. Неоднозначная ситуация. Опять становится стыдно. Утомляет меня это чувство. Хочется отстраниться подальше от этого красавчика с модельной внешностью. Чтобы выдохнуть, наконец, и зажить старой жизнью. Без этого бесконечного «стыдно» и «неловко».

Он ко мне подходит вдруг близко-близко, внимательно осматривает, будто впервые. Его лицо вблизи моего создает иллюзию близости. Он рядом физически, а внутренне фиг знает где. Только не здесь. Не со мной. Совершенно неожиданно поправляет мне за ухо упавшую на лицо прядь и произносит задумчиво:

— А ты красивая. Фигуристая, с аппетитными изгибами. Губки так и просятся на поцелуй.

Внезапно разворачивается и направляется прочь. Так просто.

Остаюсь в своей комнате. Больше не выхожу даже попрощаться. Странный он парень. Опасный. Непонятный. Интригующий. Манящий и отталкивающий одновременно. Но больше отталкивающий, думаю я. На этих мыслях, похоже, засыпаю.

Глава 3. Влад

Впервые я встретил Миру в первых числах сентября. Новый учебный год только-только начался и рабочий настрой все еще не появился. Вместе с одноклассниками я ждал препода по «Определению энергоэффективности зданий». До лекции оставалось пять минут и я изо всех сил боролся со скукой, наблюдая за разноцветным потоком опаздывающих студентов. Мира растерянно плыла по универскому коридору и отчаянно вертела головой, разглядывая номерные таблички на дверях аудиторий. Обеими руками она прижимала к себе огромную тетрадь и всеми силами пыталась не поддаваться панике.

Большие, карие глаза на открытом, доверчивом лице. Платице и сиреневый шарфик подчеркивали ее хрупкий, воздушный образ Белоснежки из диснеевского мультфильма. В детстве у меня на стене висели фотообои с персонажами из сказок. Перед сном мама включала мне ночник и я подолгу любовался красочными картинками, которые, как оказалось, накрепко осели в подкорке.

Мне вдруг стало ужасно жаль это нежное, потерянное создание, проходившее мимо. На волне внезапно нахлынувшего сочувствия подошел к ней, поинтересовался:

— Не можешь аудиторию найти? Помощь нужна?

Девушка коротко кивнула. Волнуясь и нервничая, она умудрилась тепло мне улыбнуться, будто желая приободрить нас обоих, и пробормотала:

— Ничего, скоро найду. Нашла же я однажды выход из Римских катакомб! Уж кабинет по эстетике я как-нибудь разыщу! Правда же?

Когда я увидел эту ее улыбку, понял, что попал. Ее сияющее лицо затмило коридор, студентов, учебу, универ в целом. Мне вмиг стали неважными и энергоэффективность зданий, и строгий препода, и вероятные проблемы из-за опоздания. Плюнул на грядущие последствия, подхватил свой рюкзак и бросился ее провожать.

Шли мы быстро, почти бегом. Успели вовремя, в аудиторию она впорхнула вместе с лекторшей — строгой, импозантной дамой лет сорока. На прощанье успела мне помахать и широко улыбнуться.

Когда она зашла в аудиторию, я так и остался стоять столбом около двери — ждать окончания пары. До чертиков боялся ее потерять. Отправил сообщение однокласснику, попросил сделать аудиозапись пропущенной лекции. После окончания пары сразу выцепил ее взглядом из вытекающей в коридор толпы сокурсников. Подбежал, запыхавшись от волнения, предложил:

— Хочешь, поработаю сегодня твоим личным гидом? Буду провожать тебя по учебному маршруту самыми короткими путями. Со мной не заблудишься!

Она чуть смутилась, глазки опустила, щечки сразу порозовели. Стала такой хорошенькой, что глаз не оторвать! Но, к счастью, кивнула. И не подумала выпендриваться! Проводил ее до очередного кабинета, но отклеиться от нее никак не мог.

Слушал ее певучий, выразительный говор, ее истории о сегодняшнем суматошном утре, и на сердце сладко щемило. Не отказался бы даже застрять в бесконечном дне сурка ради одного этого момента! Она вдруг всполошилась. Вытащила смартфон и говорит:

— Я себе не прощу, если из-за меня ты опоздаешь на пару. Скажи мне свой номер.

От ее вопроса захотелось прыгать до потолка. Как щенку двухмесячному. Еле сдержался. Продиктовал ей свой номер ровным, скучным голосом. Она мне тут же

позвонила и говорит:

— Видишь? Теперь мы точно не потеряемся! Буду тебя ждать после пары здесь же. Если что-то случится, созвонимся!

Сердце ликующе застучало, посильнее отбойного молота. Даже удивился, как она не услышала.

Старт мы взяли отличный. Я показал ей местную столовку, ввел в курс лучших местных блюд. Проводил в библиотеку, мы вместе позанимались. В спортзал отвел на йогу.

Все подумывал, как бы пригласить ее на свидание и куда. Этим летом я помогал родителям строить дом, работать на себя практически не получилось и бюджет мой оказался сильно ограничен. Батя мне пробовал деньги всучить, но я отказался. Унизительно здоровому парню брать деньги у предков. Не инвалид, руки-ноги есть. Сам выкручусь. Заплатил за общагу, сразу за весь год. И сейчас об этом сильно жалел. Хотелось придумать для моей особенной девочки нечто масштабное, сногшибательное. Но финансы, поющие романсы, не позволяли сильно разойтись. Хотел подыскать работу на выходных. Но ведь это означало бы меньше времени с моей ненаглядной девочкой. С моим личным наркотиком. Мучался, прикидывал. Доприкидывался.

— Как хорошо иметь такого друга, как ты! — однажды заявила она, игриво ударив меня по плечу, пока я провожал ее до остановки. — Никаких дурацких приставаний! Никаких проблем, метаний, эмоциональных качелей! С тобой так легко и спокойно.

Я обомлел от ужаса. Мне бы возразить, воскликнуть: «Какой нахрен друг?! Я спать не могу, о тебе мечтаю!» Но я стормозил. Смалодушничал. Если ей только как с другом со мной хорошо, вдруг откажется от меня, если правду узнает? Промолчал, как дурак. Идиот! Трус презренный!

И теперь обитаю в ее френдзоне. Так мне и надо! Сам виноват!

С тех самых пор она чисто по-дружески пытается устроить мою личную жизнь. Отказа моего от ее помощи не принимает, обижается. А однажды посмотрела на меня настороженно и спрашивает:

— Тебя ведь девочки интересуют? Если в целом брать?

И смех, и грех! Пришлось подтвердить свою ориентацию, знакомясь с ее подружками. Хотя я им даже понравиться не пытался. Зачем? Молчал всегда с ними, как глухонемой дебил. Еле-еле из себя вежливые фразы выдавливал. Только и думал, как бы поскорее от них слинять. А Мира все удивлялась, почему ее подружки от меня не в восторге. Пыталась даже научить, как с девушкой общаться.

— Представь, — говорит, — что это не девушка, а подружка. Такая, как я, например! Вообрази на ее месте меня! О чем мы с тобой болтаем, — о том и с ней говори! Увидишь, ты ей сразу понравишься!

Наивная глупышка. Лучше бы научила, как влюбленному парню выйти из ее френдзоны! За такие знания душу бы продал!

А пока обнадеживает лишь фраза, которую однажды батя проронил ненароком:

— Мы с твоей мамой всегда были лучшими друзьями. Наверно, поэтому и серебряную свадьбу недавно отметили.

Может, и мне так повезет однажды. Не знаю.

Глава 4. Мира

— Покажи мне, как ты живешь в общежитии! С соседом по комнате познакомь! Сколько мы с тобой дружим, а в гостях у тебя еще ни разу не была! — с упреком гляжу на Влада. Он хмурится, задумчиво чешет затылок. Моя просьба ему явно не нравится.

— Давай-ка лучше после сессии к моим родителям рванем? — предлагает он, заметно оживившись. — Тебе у нас точно понравится! Свой дом, чистый воздух. Утки в пруду плавают круглый год. Они, хоть и дикие, но к нам привыкли. Почти одомашнились.

Со вздохом гляжу на парня, возмущенно откладывая на блюдечко пирожок и чай отодвигаю подальше от края стола. Какие утки? Какой воздух? Я ему про Фому, он мне про Ерему. Да что, ради всего святого, он прячет в своей общажной комнате? Артефакт бесценный? Алмаз раджи индийского? Любопытство пребольно кусает за пятую точку, не давая смириться с отказом.

А вот от его предложения приходится отнекиваться. Тут без вариантов.

— Папа меня ни за что к парню с ночевкой не отпустит. Ты же знаешь, в плане морали родители в позапрошлом веке живут. Им не докажешь, что мы с тобой только друзья. Сто раз пыталась! Они не верят в дружбу между мальчиком и девочкой.

Ловлю на себе его взгляд. Пристальный, серьезный и как будто расстроенный одновременно. Отхлебнув глоток кофе и поморщившись (обжегся бедняга!) уточняет недоверчиво:

— Тогда откуда такая уверенность, что тебя в общагу к парню отпустят?

Жму плечами и хитро улыбаюсь.

— А кто же папу об этом спрашивать будет? Сегодня у нас по три пары. Давай после лекций сразу к тебе? Поучимся пять минут — тогда скажу своим предкам, что с тобой занималась. И даже формально не совру!

Влад смеется.

— Упорства и хитрости концентрат! Вижу, что по-хорошему не отстанешь. Раз уж твердо решила прийти, дай мне хотя бы время на уборку!

— Ладно. Пятнадцать минут погуляю вокруг общаги. Ты не бойся, носки на полу меня не испугают!

После третьей пары я, распрощавшись с подружками, натаптываю круги у выхода в вестибюле. То и дело мимо проходят знакомые, но Влада не вижу. До меня вдруг доносится щебет амадинов из рюкзака. Лезу в боковой карман за смартфоном. После встречи с Максом не удержалась, записала их пение в качестве рингтона.

Думала, это Влад звонит, но на дисплее красуются незнакомые цифры. Опять реклама? За последнюю неделю уже два раза звонили. То мобильный интернет пытались продать, то какой-то дигипакет. Ума не приложу, где я свой номер засветила! Отвечаю на вызов и слышу знакомый бархатистый голос. Вокальный двойник Урганта.

— Привет. Это Макс.

Сердце с размаху ухает об пол. Прямо всмятку бьется. Вдребезги. Стою, молчу. Пытаюсь в голове порядок навести. Его нет. Только ошметки, обрывки безумных идей в полном хаосе мелькают. Макс? Не может быть! Так не бывает! Ошибся номером? Бред, не то! Если только...

— Макс? Почему ты мне звонишь? С папой все в порядке? — в ужасе тараторю.

Воображение тут же рисует картинку: папе вдруг становится плохо, прямо на объекте. И Макс, по счастливой случайности оказавшись на той же стройке, с подачи отца, первым делом набирает меня.

— Не знаю, — отвечает, кажется улыбаясь. — Он стоит неподалеку. Ругает прораба. Вроде жив, здоров.

Опять затихаю. Собираюсь с мыслями, сиганувшими в закутки сознания испуганными мышками. Мой собеседник и не думает мне помогать, беседу как-то поддерживая. Вместе со мной молчит. Похоже, его нисколько не тяготит эта звенящая тишина. Спрашиваю:

— Зачем ты звонишь, Макс?

— Ты мне понравилась. Хочу с тобой увидеться.

Его слова мне кажутся чужими. Нереальным глюком, фантазией. Будто не со мной это все происходит, а в параллельном витке бытия с другой совершенно девушкой. Хочется уточнить, не пьян ли он, не обколот? Вместо этого прижимаюсь лбом к холодной стене вестибюля, предлагаю:

— Так напросись на очередной субботний ужин! Родители тебя обожают — они с восторгом дорогого гостя примут.

— А ты, — говорит он вкрадчиво, — тоже примешь меня с восторгом?

Ах, вот как? В упор обстреливает? Из бронебойных? Ну, раз он со мной не церемонится, то и я не стану!

— Приму, конечно. Но с осторожным оптимизмом и большой долей скепсиса.

Сзади кто-то подходит и обнимает меня за плечи. Вздрагиваю и, резко обернувшись, вижу улыбающегося Влада. Успокаиваюсь немного и показываю ему на смартфон, одними губами произношу: «Я сейчас!»

— Макс, мне некогда. Не могу говорить.

В ответ слышу решительное:

— Мне не нужен еще один ужин с твоими родителями. Я хочу с тобой встретиться. Сегодня четверг... Завтра вечером сходим в «Олд ханса», согласна?

«Олд ханса» считается одним из лучших ресторанов в старом городе. И, как водится, одним из самых дорогих. Но в ресторан не хочется. По пятничным вечерам, как правило, сижу в ванной с зажженными свечами, добавив в воду аромамасла, и расслабляюсь после напряженной недели. Смотрю потом фильм или читаю книжку. Однако Макс меня интригует. Завораживает. Цепляет. Быстро, чтоб не передумать, говорю:

— Я согласна. Во сколько за мной заедешь?

— В семь.

— До завтра!

— До завтра, птичка моя!

Птичка? Ну-ну! Как он там сказал? Девочки только чирикают. Так он меня видит? Легкомысленным, щебечущим воробышком?

Влад уже одет в парку цвета хаки. Надо признать, выглядит он отлично. Скуластое лицо, глаза серые, чуть раскосые. Высокий, подтянутый, атлетичный. Он слегка набрал вес за последнее время, что добавляет его облику мощности, авторитета. На нем запросто военную форму представляешь. Особенно, когда серьезный и сосредоточенный стоит, как сейчас. Интересуется между делом:

— Кто звонил?

Видю, что ему любопытно до ужаса, с кем я на завтра договорилась о встрече. Ничего

скрывать не собираюсь. Чем хорош друг — он способен помочь мне понять все хитросплетения мужской психики. Как бы это сделал брат, к несчастью, у меня отсутствующий.

— Меня недавно отец с парнем познакомил. Говорит, что хорошая для меня партия. Мы всего один раз виделись, но я никак не могу понять, что в его адрес чувствую. Он какой-то необычный. Вроде хороший, но я его никак ощутить не могу. Он, как туман от меня ускользает. Прости, что так сбивчиво объясняю. Просто пока и сама не понимаю, что происходит.

Гляжу на Влада, он опять хмурится. Смеюсь и тянусь пальцем к его межбровной морщинке.

— Не морщись! А то состаришься раньше времени!

Но он в ответ и не думает улыбаться. Мою руку за запястье ласково берет и, чуть задержав в своей теплой ладони, отпускает. Задумчивый стоит, как на экзамене. Вдруг требует:

— Познакомь нас!

Удивленно приподнимаю брови.

— Зачем?

— Все говорят, у меня чуйка отличная. Хочу этого чувака пробить своей интуицией.

— Ээ... Не знаю, получится ли это сделать. Мы с ним завтра в Олд Ханса идем, но я понятия не имею, получат ли наши отношения продолжение. Этот папин Макс — один сплошной вопросительный знак.

Влад тянется к карману. Знаю, что опять свой кубик Рубика задумал вытащить. Как же коробит меня эта привычка! Моя подружка Ирка, услышь мои мысли, наверняка отрубилась бы: «Не завидуй!» Пожалуй, мне и правда немного завидно. Вот человек нервничает, теряет. Но стоит ему повернуть в руках свой волшебный кубик, как мысли чудесным, непостижимым образом раскладываются по полочкам, волнение проходит и он успокаивается. Со мной бы так не сработало. Драматично смотрю на часы-шагомер, с надрывом восклицаю:

— Влад, поторопись! Мы и так задержались. Через пятнадцать минут я отправлюсь к тебе!

Он срывается с места и за несколько секунд скрывается из вида.

Не спеша, променадным шагом отправляюсь в продуктовый магазин, через дорогу от общежития. С пустыми руками в гости не ходят. Особенно, к студентам. Вхожу в небольшое, светлое помещение. Здесь узкие проходы, тесно, но выбор большой. Как ни странно, нахожу здесь все, что задумала. Покупаю свежее испеченный багет с чесноком и сыром, несколько видов салата, курицу гриль, овощи тушеные и наполеон. Рассовываю еду в два пакета и топаю к общаге. Пакеты больно впиваются в ладони и я останавливаюсь рядом со скамейкой, чтоб перевести дух.

Сзади слышу слегка неразборчивое, гортанное:

— Девушка, вам памошь?

Обернувшись, замечаю невысокого чернокожего паренька в зеленом пуховике и серой шапке. В нашем универе полным полно иностранцев. Поначалу было непривычно, но потом приоровилась понимать их акцент. Хоть и с трудом.

Улыбаюсь, отнекиваюсь. Но парень твердо намерен взять на свои плечи бремя моих пакетов. С добродушной улыбкой подходит и спокойно, степенно забирает со скамейки мои

покупки. Так и не дождавшись на то моего позволения. В голове успевает мелькнуть картинка, где он, сверкая пятками, бросается в далекую даль, зажав подмышкой добычу. Но мои опасения не оправдываются. Парень, указав на близлежащую пятиэтажку, интересуется:

— Фы живеть в том апщижити?

Киваю и семеню вслед за ним. Почему-то не хочется сейчас уточнять, что я иду в гости. Не будешь ведь выкладывать незнакомцу с улицы свои ближайшие планы, да еще в подробностях!

— На какой ытаже?

Так. Триста седьмая комната, по идее, должна находиться на третьем этаже. Говорю:

— На третьем.

Парень смело, уверенно проходит мимо вахтерши, открывает электронной карточкой дверь, и по лестнице взбегаёт наверх. Еле за ним поспеваю. Вот, что значит суровая, африканская закалка! Опять спрашивает:

— Где фаш комнат?

Озираюсь по сторонам в попытке сориентироваться, и мой добровольный помощник с любопытством наблюдает за тем, как растерянно я верчу головой.

— Номир комнат какой?

— Триста седьмой, — сознаюсь я. И он, недоуменно на меня глянув, направляется в другой конец длинного, хорошо освещенного коридора.

Подходит к нужной двери, ставит пакеты на пол. И стоит, уходить не торопится. Вот же попала! Неужели приставать собирается? Говорю ему с легким поклоном и с весомым таким намеком:

— Спасибо большое! Вы мне очень помогли!

Он также вежливо со мной расшаркивается:

— Пажалста! Мне ни трудно!

И дальше стоит. Совсем теряюсь. Не посылать же его прямым текстом! Невежливо. Международных разборок мне только не хватало! Стучусь в дверь и очень надеюсь, что хозяин комнаты с этим волонтером-носильщиком как-нибудь сам разберется.

Дверь открывается. На пороге светлой, просторной комнаты стоит Влад, взгляд его с тревогой падает на чернокожего паренька и он растерянно восклицает:

— Сэм? Мира? Когда вы успели познакомиться? — и отходит в сторонку с приглашающим жестом.

Захожу внутрь, парень по имени Сэм вслед за мной заносит пакеты.

— Так фы тут живеть? — опять уточняет он, обратившись ко мне.

Покраснев, объясняю, что я тут в гостях. Вот, покушать принесла другу. Сэм хохочет. Он успел решить, что я девушка Влада. И с сегодняшнего дня собираюсь заселиться в их общую комнату. Жить втроем было бы странно.

Торжественно вручаю другу покупки и, пока он их раскладывает на столе и широком подоконнике, осматриваюсь. Здесь светло-зеленые стены нежного, пастельного оттенка. Внутриоконные жалюзи. Две кровати, две длинные полки над ними, битком заставленные книгами, два стола перед огромным окном, два больших шкафа и мини холодильник. На полу коврики. С удивлением, ощущаю себя, как дома. Здесь приятно. Уютно. Чисто. Почему же так непросто оказалось сюда попасть?

Садимся обедать, все втроем. Чувствую, что Владу, в отличие от его соседа, не по себе. Никак не пойму причину. Сэм осведомляется, есть ли у меня бойфренд. Со смехом

признаюсь, что холостячка. Он уверяет, что это ненадолго. Спрашивает, нравятся ли мне сильные, умные парни? Будущие инженеры? Такие, как он? Нравятся, безусловно! Но мои родители традиционно мне выберут жениха из местных. На этих словах Сэм понимающе кивает. Да, против воли родителей не попрешь! Иначе предки накажут. Его, например, родители благословили найти невесту-чужестранку. А без их согласия он бы ни за что не осмелился с местными девушками флиртовать. Он до сих пор учится, как за европейскими девушками ухаживать. Непростая наука для выходца из патриархальной системы. Влад во время разговора все больше мрачнеет. Может, на фоне своего харизматичного соседа экстраверта он чувствует себя слишком... интравертом?

Вгрызаясь в курицу, Сэм внезапно интересуется, знаю ли я девушку Влада?

— А у него есть девушка? — восклицаю я, возмущенно глядя на этого молчуна-партизана. Внутри шевелится неприятное, гаденькое чувство. Всю душу ему выворачиваю наизнанку, а он от меня свою девушку прячет? Разве так поступают честные друзья?

— Да, — отзывается Сэм. — Есть у него одна любимая девушка. Но он мне ни гаварит, кто она.

— Влад, это правда? — спрашиваю его строго.

Он кивает. В глазах его внезапно мелькает обреченность и такая мука, что я перевожу тему на впечатления Сэма от местных красавиц, торжественно обещая себе потом, в более подходящий момент вытрясти из Влада заветное имя.

Глава 5. Мира

Пятничный вечер подкрадывается ко мне незаметно, исподтишка. И застаёт врасплох. Как егерь добычу. Весь день самозабвенно училась, чтобы не думать о предстоящем свидании, не стрессовать понапрасну. В просторных аудиториях прилежно строчила конспекты. В библиотеке жадно вгрызалась в гранит науки. Недолгие паузы от учебы коротала в столовой — обедала да подстегивала кофеином свои пресыщенные, ошалевшие от обилия информации мозги.

И вот, в шесть вечера я дома. Лежу в своей комнате, таращусь в потолок, и живот скручивает от волнения. Вспоминаю проведенные наедине с Максом мгновения. Его близость волнующую. Паникую. Как перед прыжком в неизвестность, в туман густой и опасный. Но зовущий к себе соблазном сладким.

Слышу мамины шаги у двери. Заглянув в комнату, просит вынести мусор. Из моих грез вырывает на землю.

Вскакиваю с кровати, выхожу в прихожую и, накинув серо-зеленое пальто, хватаю ведро и топаю с ним на улицу, к клетушке с контейнером. Возвращаясь налегке, сталкиваюсь на лестнице с тетей Олей, нашей соседкой с третьего этажа.

В первый раз ее встретив пару лет назад, порядком испугалась. Немолодая тетенька, лет шестидесяти, с морщинистым лицом стояла на лестнице перед почтовыми ящиками. Бельмо на правом глазу, одета в темную, потрепанную фуфайку. На голове серая вязаная шапка, вся в катышках. В руках рекламные проспекты. Подбежав ко мне, она принялась оживленно ими размахивать, жестикулируя и силясь что-то сказать. Из рта вырывалось непонятное сочетание звуков. Только с пятого раза я поняла: «Ддасту» — значит «здравствуй!» Каждый раз при виде меня глухонемая соседка подходила, чтобы рассказать про своих внуков, двух жизнерадостных, веселых мальчишек. Про дочку, работавшую страховым агентом. Понимать ее лучше так и не научилась. На расшифровку каждой фразы до сих пор уходит минуты две, не меньше. Но потихоньку к виду ее привыкла и даже замечать ее необычный, чуть бомжеватый облик перестала. Хорошая, добрая женщина. Немного оторвана от реальности просто.

Сейчас тетя Оля на правах старой знакомой хватает меня за руку. Начинает что-то объяснять. Кажется, про скидки в магазине. Тыкает пальцем в картинку с кабачками и что-то говорит. Похоже на «Дешево как, смотри!» Вежливый взгляд бросаю на рекламу. Улыбаюсь виновато и поглядываю на свои фитнес часы. Шесть двадцать два. А мне еще надо по-быстрому в душ заскочить, накраситься, одеться. Я, конечно, умею оперативно собираться, но до Флеша мне далеко!

Начинаю медленно передвигаться в сторону своей квартиры. Соседка машинально за мной по лестнице следует, тыкает в другую картинку, что-то спрашивает. «Как тебе такие яблоки? Уже их пробовала?» Отрицательно мотаю головой и, воспользовавшись небольшой паузой, показываю на часы и медленно, отчетливо шевеля губами, выговариваю:

— Простите, я спешу. Я сейчас занята.

Она кивает и интересуется, куда иду:

— Дда ддѐ?

Быстренько отвечаю:

— На свидание, тетя Оля, — и прежде, чем женщина успевает раскрыть рот, машу ей

ручкой и проскальзываю за дверь. Совесть грызет. Невежливо, наверно, вот так убежать. Немилосердно. Ей общение нужно, как воздух, — вон даже дочка к ней почти не ходит, внуков редко водит. Бедняжке приходится соседей около почтового ящика караулить — лишь бы с кем-нибудь поболтать. Обещаю себе зайти к ней в гости на этих выходных. Куплю что-нибудь к чаю, наобщаемся вдоволь!

Следующие пол часа проходят на одном дыхании. Вспоминаю необыкновенную пунктуальность Макса и понимаю, что надо спешить. Лететь со всех ног. Адреналин заставляет тело действовать слаженно и быстро, без единого лишнего движения. Душ, как в армии или даже быстрее — за пять минут. Укладка — ай, неважно, как там волосы лягут, лишь бы высушить! И накрасилась тоже небрежно, в стиле ля натюрель: чуть, припудрилась, глаза подвела, тушью ресницы подмахнула и по губам красной помадой мазнула. Натянула синие джинсы в обlipку, водолазку молочно-кремовую из джерси. К пунктуальному, точь-в-точь в семь часов приходу Макса я была совершенно готова. Правда, уровень адреналина еще не упал, поэтому стояла в своей комнате напряженной, натянутой тетивой, готовая то ли сражаться, то ли бежать на все четыре стороны.

Дверь ему открывает мама. До меня доносятся комплименты в ее адрес. Произнесенные его неторопливым, чуть вкрадчивым голосом они кажутся вдвойне особенными:

— Выглядите великолепно! По-королевски. Вы сегодня тоже куда-то собираетесь с Олегом Владимировичем?

— Ох, спасибо! Ну что вы! Это вам, молодым, в пятничный вечер обязательно надо куда-нибудь сходить, развеяться. А нам, старикам, охота дома посидеть, косточки старые погреть, сидя у телевизора!

Мама, конечно, кокетничает! В свои сорок пять выглядит лет на тридцать. Много на тридцать пять. Моложавая, стройная, ухоженная брюнетка. С яркой, экзотичной внешностью, особенно необычной для нашего северно-западного городка.

Выхожу из своей комнаты и наталкиваюсь сразу на его взгляд. Восхищенно осматривает меня, с ног до головы. Откровенно меня глазами пожирает, без тени смущения. Я же украдкой им любуюсь. Подглядываю исподтишка. Вроде образ небрежный: кроссовки, штаны спортивные, пальто поверх жилета, а чувство такое, будто стилист его одевал.

Свое пальто с вешалки снимаю, но он его из моих рук отбирает со словами «Позволь тебе помочь!», чуть своими пальцами кисти рук накрывает. От этого мимолетного прикосновения жгучей волной меня обдаёт. Никакого пальто больше не нужно. Жарко становится, как будто внутри раскаленная печка пылает. Так бы и выбежала на декабрьскую заснеженную улицу в водолазке! Принимаю его галантный жест, бормочу тихо: «Спасибо!» Теряюсь рядом с ним. Мне бы вечер продержаться и не выставить себя полной дурой!

Подходим к машине. Красивая, черная, мощная, от чистоты блестящая. Для властного, сильного мужчины подходит. Такого, как Макс. Открывает мне дверь учтиво. Забираюсь в салон, на переднем сиденье устраиваюсь. Между нами напряжение дрожит такое, что электричество, наверно, треснет скоро по швам. Отрубят напрочь пол города!

Наклоняется вдруг ко мне всем корпусом, губы его манящие, чуть обветренные, перед лицом моим мелькают, дразнят близостью недоступной. Поправляет уже мной пристегнутый ремень безопасности, медленно проводит ладонью вдоль его долгой линии. То ли выравнивая, то ли лаская. Чувствую его запах мускусный, пьянящий. Закрываю глаза. Погружаюсь в свои ощущения неоднозначные.

Макс вдруг отстраняется, заводит мотор и мы выезжаем.

Всю дорогу молчу. Знаю, что бы сейчас не сказала, все будет фальшивым, приторно-вежливым. А лгать ему не хочется. Посматриваю на него временами. Спокойный, уверенный за рулем. Щетина на лице чуть отросла, делая его еще неотразимее. Хочется провести по ней пальцами, ощутить жесткие покалывания на коже.

Паркуемся в центре. В старом городе парковка запрещена — нам предстоит прогуляться, и я с детским восторгом оглядываюсь по сторонам. Улицы усыпаны снегом, бодро скрипящем под ногами. Зимняя иллюминация вокруг, витрины в новогодней тематике обставлены. Идем потихоньку, не спеша. Доходим до рождественской ярмарки на ратуше. Здесь пахнет глинтвейном и имбирными пряниками. Ароматы праздника повсюду. Макс берет меня за руку и нереальное ощущение волшебства бьет по всем органам чувств.

Наконец, мы подходим к Олд Ханса — ресторану в ганзейском стиле, гнездящемся в белом старинном здании. У входа нас встречает милостивая девушка, одетая в костюм средневековой крестьянки. Чуть замерзла бедненькая. Кутается в толстый бардовый плащ, гостеприимно провожает к столику, усаживает, снимая при этом табличку «зарезервировано». Внутри тепло, негромко звучит живая музыка, сильно напоминающая волынку. На дощатых столах горят свечи, создавая интимный полумрак. Глазею по сторонам, желая впитать в себя всю красоту этого места. Идеальное продолжение зимней сказки.

Заказываем еду, и я, наконец, расслабляюсь. Никуда не надо спешить и делать ничего больше не надо. Сиди себе, наслаждайся моментом в приятной компании! Макс обхватывает руками свечку, крутит ее осторожно, поглаживает. Признается неожиданно:

— Перед тем, как тебя пригласить, я поклялся твоему отцу вести себя пристойно. Но даже представить себе не мог, как тяжело будет выполнить это обещание.

В ответ на эти слова в душе взрываются фейерверки радости. Но тут же чувствую, как изнутри нарастает соблазн. Хочется почему-то его подразнить, на прочность проверить. Ладонями обхватываю его руки вокруг свечи и спрашиваю лукаво:

— А ты не забыл за спиной пальцы скрестить, когда обещание давал?

Печальная улыбка в ответ и отрицательный взмах головы.

— Жаль, — откидываюсь назад на стуле и с озорным задором смотрю на Макса. Переживания отошли куда-то и мне, наконец, становится с ним легко и уютно. Предлагаю:

— Поиграем в вопросы?

— Не люблю играть по правилам, — он с сомнением качает головой, переплетает перед собой пальцы, но все же интересуется:

— А что за игра?

— Мы будем откровенно отвечать на вопросы. По очереди. Если ты отвечаешь на мой вопрос, то я обязуюсь ответить на твой. В любой момент можно прервать игру. Можно я спрошу первая?

— Валяй, — отвечает он, скрестив руки на груди и выжидающе на меня смотрит.

— Ты же умный, успешный, привлекательный, — на этих словах Макс шутливо кланяется. — Разве не должна быть с тобой рядом какая-нибудь умница с модельной внешностью? Как такие парни, как ты, могут быть свободными? Да еще в самом сочном возрасте?

Рот его вдруг плотно сжимается, в глазах ни капли игривости не осталось. Серьезный, суровый становится. Неужели я что-то не то спросила? В груди леденеет, когда слышу:

— Моя жена умерла два года назад. От рака.

Между нами зависает молчание. Густое, холодное, тягостное. Чувство вины меня заполняет с головы до пят, парализует. Укоры совести болючими иголками впиваются. Доигралась! Молодец! Если что-то и не стоило сейчас спрашивать, так именно это!

— Соболезную, — тихо говорю. — Можешь меня спросить все, что хочешь. Только просто так, без игры. А то как-то играть расхотелось.

К тому моменту перед нами раскладывают тарелки с грибным супом, рульки свиные с капустой и какой-то кашей. И мы принимаемся за еду. Аппетит пропал, жую что-то механически, но больше в тарелке ковыряюсь. Мой собеседник молчит и я с тоской озираюсь по сторонам. Перемотать бы время на пять минут назад! Ни за что бы его об этом не спросила!

Макс вдруг меня удивляет внезапным вопросом:

— Почему ты выбрала архитектуру?

Глупо моргаю глазами.

— Откуда ты знаешь, где я учусь? — И тут же сама себе отвечаю, — Папа рассказал! Кто же еще!

Макс ухмыляется:

— Или я тебя в фейсбуке нашел.

Глядя на его улыбку, на сердце легчает. Отвечаю подробно, не спеша:

— Это случилось, когда мне пятнадцать лет было. Мы поехали с мамой к ее родне в Тбилиси. Зашли в храм Самеба. Атмосфера там особая. Возвышенная. Я ходила и глазела по сторонам, разинув рот. Красота вокруг сногшибательная, словами непередаваемая! И мне вдруг стало очень плохо, обидно до ужаса, что этот храм построил кто-то другой. Не я. Представляешь? Я вышла оттуда и разревелась. Мне мама говорит: «Доченька, радуйся! Сегодня мы поняли, что ты станешь архитектором!» Она мне в тот день торт купила. Сказала, это великое счастье для человека — распознать свое предназначение. Потом мама мне репетиторов нанимала специально. По физике, математике. В изо отдала. Не потому, что я отставала от программы, нет! А для того, чтобы еще лучше освоила. Напитать меня хотела. В города меня разные возила с красивой архитектурой.

— Значит, ты избалованная девочка, — то ли спрашивает, то ли утверждает. — Я тут подумывал тебе Венецию показать, но кажется, ее тебе до меня показали.

Чувствую, как покрываюсь румянцем. Умеет же он меня в краску вогнать! Преодолеваю смущение и подсказываю между делом:

— Я еще в Египте не была, Макс. И в Индии. Мама считает, что настоящая архитектура в Европе возводилась. А мне так пирамиды давно хочется посмотреть! И Тадж Махал тоже.

На этих словах про Тадж Махал он опять мрачнеет. Готова выдернуть себе язык от досады! Ну надо же мне именно сейчас вспомнить про дворец, возведенный мужем в память своей любимой, почившей супруги. Вот балда! Мысленно даю себе увесистого леща. Безо всякого аппетита возвращаюсь к ужину. Лишь бы еда не пропала.

В этот момент к столику кто-то подходит и останавливается в двадцати сантиметрах от меня. Поднимаю лицо и встречаюсь с веселым взглядом знакомых серых глаз.

— Влад, — радостно вскрикиваю я. Подпрыгиваю, чуть стул не уронив, и бросаюсь ему в объятия. Тут же замечаю, что он не один. Рядом с ним стоит высокая красавица. Шикарные, каштановые волосы. Черты лица изысканные, утонченные, как у фарфоровой статуэтки. И фигурка отличная. Под паркой много не разглядишь, но, судя по ножкам, стройная, как лань.

— Познакомься, Мира, это Света.

Девушка мне кивает и я ошарашенно киваю ей в ответ. Сзади раздается деликатное покашливание. Оборачиваюсь и выдавливаю из себя:

— А это Макс, ребята. Прошу любить и жаловать!

Глава 6. Влад

Как только Мира вышла за дверь нашей комнаты, досчитал до десяти, глубоко руки в карманы засунул, чтобы не двинуть кое-кому по роже, подскочил к Сэму и осведомился, нависая над ним стеной:

— Слышал когда-нибудь такое выражение по-русски: «слишком длинный язык»?

Болтливый, черный засранец покачал головой и осклабился, как невинная ромашка. Попросил меня объяснить. Мне ужасно захотелось ему все растолковать доходчиво, по-мужски! Аж руки зачесались! Еле сдержался! Отошел от него подальше, в другой конец комнаты, схватил подушку и смял что было сил, до хруста в суставах. Немного полегчало. Потом к соседу повернулся и отчеканил сердито:

— Слишком длинный язык — у тех людей, кто бесстыже выкладывает чужие секреты. Заруби себе это на носу!

Сэм помотал головой и прокорявил:

— Я прекрасн знать, што такой «длины изыг». Скажи, почиму ти злой на миня! Што я сделал?

— Зачем растрезвонил Мире, что у меня есть любимая девушка?

Сэм склонил голову, задумался. Раньше надо было размышлять, коротышка! До того, как чужую тайну разболтал!

— Ты ее лиубишь.

Удивленно на него уставился, промолчал. Не ожидал, что этот пустозвон окажется настолько головастым! Но он на этом не остановился, продолжил. Если бы с самого начала знал, что я в Миру влюблен, он бы давно мне помог. Знаю ли я, что дедушка его обучил древней магии вуду? Он может девушку ко мне приворожить всего за неделю, и ее ко мне потянет, как миленькую! Правда, она немного изменится. Станет более вялой, более инертной. Зато в моих руках послушной глиной будет.

Переспросил его несколько раз. Вуду? Колдовство? Все никак не верилось, что он такую гнилую, протухшую гадость предлагает! Если бы он попросил на Миру помои вылить, я бы и то меньше разозлился. Закричал на него, не сдержался:

— Хрен ты бездушный, а не сосед по комнате! Как вообще твой поганый язык повернулся такое произнести?

Сэм подбоченился, насупился. Посмотрел сурово, выдал, что повезло мне — ведь он меня до конца не понял. А если бы понял, то не спустил бы обиду.

Расселись мы в разных концах комнаты и молчим, как каменные истуканы. Дуется друг на друга. Вдруг Сэм оживился немного, лицо засияло, ввращивает неожиданно:

- В мой диревнь, кагда парню девушка нравится, он начинает за ие падругай ухаживть.

— Бред это все, — говорю. — В моей деревне, когда девушка нравится, ты за ней самой и ухаживаешь.

Сэм на меня выразительно так посмотрел, что даже у виска крутить не пришлось. Мол, чего ж я тогда за Мирой не ухаживаю, раз все так просто и понятно? Подумал-подумал и говорит:

— Ти ей слишкам даступны. Сичас она выбирает, а ти нет. Надо, штоб и ти выбирал, ни толко ана.

Короче, предложил мне свой рейтинг повисить. Мол, когда на товар большой спрос, то

и цена на него поднимается. Если Мира увидит меня с другими девушками, то и ценность моя в ее глазах возрастет. Никогда я так не мудрствовал в делах сердечных! Но, возможно, потому меня и зафрендзонили, что вел себя так же просто и понятно, как осенний лист на асфальте?

Решил, а чем черт не шутит? Может, стоит попробовать?

Прошвырнуться с какой-нибудь симпатичной девчонкой прямо перед Мириными глазами и посмотреть на реакцию. Достал кубик, запутал цвета и начал опять их по граням сортировать. Ну, а дальше мысли сами собой слаженными шестеренками закрутились.

Вспомнил про Светку Шачкову, знакомую с первого курса. Она меня с самого начала выделяла, при каждом подходящем случае глазки строила. Но, когда я узнал, что она выпивает по-черному, не по-детски, у меня к ней все чувства пропали, как отрезало. Она по пьяни сессию завалила, вылетела из универа после второго семестра и на этом наши дорожки разошлись. Хотя номер ее телефона почему-то сохранил. Шачкова пару раз звонила, предлагала встретиться, но мне тогда не до шур-мур было, на учебу налегал. Да и побаивался — вдруг увижу окончательно спившуюся бабенку. Сейчас же решил, раз такие дела, что все звезды сошлись дугой, позвоню ей, узнаю, как поживает. Мосты наведу.

Позвонил. Ответила мне быстро, и двух гудков не прошло. Хороший знак. Поздоровался. Приврал, что ее вспоминал, думал о ней. Вот, говорю, хотелось бы узнать, чем она занимается? Оказалось, что Светка учится в бизнес колледже, а работает в банке. В свободное время в фитнес зале зависает. Сама предложила встретиться. Прозрачно намекнула, что в пятничный вечер свободна. Я ухватил эту возможность за хвост. Решил ее в Олд Ханса сводить — туда же, куда завтра Мира со своим хахалем отправятся. Заодно и ее ухажера увижу, оценю своего конкурента и попробую разобраться, насколько тот опасен. Если страшный фасад окажется, то неважно, насколько богатый. Мира не согласится с таким сблизиться, несмотря на выгоду и папино напутствие. Уж я-то ее знаю. Эстетку и визуалку из нее ничем не вытравишь.

В пятницу встретились с Шачковой ровно в семь на площади Свободы, как и договаривались. Правда, у меня накладочка вышла. Я высматривал в толпе полненькую девушку, крашеную блондинку. И ужасно удивился, когда ко мне подошла стройная красотка с роскошной каштановой шевелюрой. Светка похудела и от этого похорошела нереально. Челюсть от удивления так и отвисла. Увидев мою на нее реакцию, она просияла, засмеялась мелодично. Даже смех ее изменился. Раньше грубоватым был, немного гусарским. А сейчас женственно, деликатно смеяться научилась, тонким колокольчиком.

Прошли в Олд Ханса. Света хотела на первом этаже устроиться, но я ее на третий этаж потащил. Специально там место зарезервировал, чтобы Миру по дороге найти. Почти все столики вечером оказались заняты, народа полным-полно. Еле-еле ее разглядел в темноте. По королевской осанке обнаружил. Что бы там ни происходило, спинка у нее всегда ровная, прямая. А вот лицо моей девочки совершенно несчастным казалось. Обреченным каким-то. Захотелось ее оттуда вытащить. Рассмешить, растормошить.

Она, когда меня увидела, обрадовалась, как Санта Клаусу. Доверчиво обняла, ласково прижалась. Так бы и стоял, не в силах от нее оторваться! Малышка моя нежная. А потом я этого ее сопровождаителя увидел и все настроение упало ниже плинтуса. Красавец, фронт лощеный. И глаз хищным блеском на нее горит. Собственник хренов! Предполагалось, я своим появлением со спутницей в Мире ревность вызову, а получилось, наоборот. Я так распалился при виде этого пижона, что даже не знаю, чем бы все кончилось, если бы не

Светка. Она знатно ситуацию выкрутила. Потянула меня за рукав и щекотно прошептала мне на ухо:

— Я после фитнеса голодная, как тигрица. Либо мы наш столик сейчас найдем и ужин закажем, как все нормальные люди. Либо я тебя съем. Выбирай!

Выбрал, разумеется, первый вариант. Извинился перед Мирой, расшаркался по всем правилам, и отправился со Светой на третий этаж. Она по дороге парку сняла, в руке зажала и поднималась передо мной на лестнице, соблазнительно покачивая стройными бедрами прямо на уровне моих глаз. Спецом мне демонстрируя, что красоткой по всем фронтам стала. Круче, чем гейша мозги вспорола.

Уселись мы за столиком на третьем этаже. Вид вокруг потрясный. Романтика, свечи, все дела. Света выбрала рыбу по-монастырски, овощи тушеные и меню отложила. Я ее спрашиваю:

— Что-нибудь выпить выберешь? Вино здесь тоже, говорят, обалденное. Готовят на травах.

Она улыбнулась и совершенно спокойно, мило так заявляет:

— Так и быть, на первый раз тебя прощаю, раз ты не в курсе. Я с алкоголем завязала. И если ты мне хоть раз предложишь когда-нибудь, хоть капелюшечку спиртного, ты меня больше никогда не увидишь.

И в ее глазах читалось: не врет. Правда, уйдет, если такое случится. И даже не оглянется. Честно говоря, порадовался за Светку, заужавал ее, умничку!

В общем, обсудили мы старых знакомых, кто где учится и чем занимается. Потом на фитнес перешли — оказалось, Светка недавно на конкурсе мисс Бикини второе место заняла. Говорит, чуть-чуть ягодичных мышц и трицепсов не докачала. Как по мне, ее ягодичные мышцы выше всяких похвал. Жаркая мечта любого парня. Так ей и сказал!

Когда речь зашла о личной жизни, оказалось, что она свободна. Сказала, что поклонников у нее немало (охотно верю, при таких-то внешних и внутренних данных!), но она еще не определилась.

— Своим вчерашним звонком ты мне задачу немного усложнил, — добавила она, загадочно улыбаясь. И тут же озадачила еще больше, — А, может, и наоборот упростил. Время покажет.

Про себя рассказал, что девушки нет. Но добавил также, надеюсь, что это ненадолго. И не соврал ведь!

Света, аккуратно разрезая ножичком мясо, чересчур проникательно осведомилась:

— Что за девушка, с которой вы внизу нежничали?

— Моя подруга.

Нахмурился. Не хотел бы я сейчас Миру здесь обсуждать. Это, как о чем-то сокровенном за рюмкой водки разглагольствовать. Перевел тему на приближающийся Новый год. Спросил, где его Света справлять собирается. Еще не решила, говорит.

— Не хочешь ко мне присоединиться?

Отказываться сразу, наотмашь было бы невежливо. Обещал подумать.

Посидев где-то полтора часа, мы вышли из ресторана. Проходя мимо столика на втором этаже, Миру не увидел. Цапнула мысль, что она сейчас где-то со своим щеголем гуляет. Посреди всей этой романтической красоты. Сдуру, как будто Мире в отместку, предложил Светку до дома проводить. Та улыбнулась довольно — видно, что мои слова ей по вкусу пришлись.

Думал, что она все еще с родителями живет. А оказалось, одна. Уже год квартиру снимает. Когда ее до двери в подъезд проводил и хотел уже распрощаться, она вдруг меня за руку взяла. Пальчиком по ладони провела, чуть ноготком меня щекотнув, посмотрела призывно и спрашивает:

— Зайти не хочешь? Десертом угощу. Сладким, нежным и совершенно не приторным.

Не скрою, этот вопрос меня застал врасплох, чуть на него не повелся! Тело проклятое подвело. Среагировало похотливо. Но, к счастью, хватило воли отказаться от десерта. Даже сладкого и воздушного. Сказал, что сыт, на десерт сейчас не тянет. Она улыбнулась грустно, но ладонь мою выпустила. Поблагодарила за вечер, прекрасный ужин и быстренько ускользнула за дверь.

По дороге в общагу совесть меня в клочья изгрызла. Подло со Светкой поступил, некрасиво. Использовал для своих целей и был таков. Решил, что не стоит оно того. И советов Сэмовских больше слушать не буду. Ну его со своими коварными махинациями и хитроумными рокировками! Пусть сам теперь в свои африканские игры играет!

Глава 7. Мира

Во время короткой встречи с Владом я, как будто глоток свежего воздуха вдыхаю в душной, насквозь прокуренной комнате. Хочется в него вцепиться, как в спасательный жилет. С трудом его отпускаю. Когда он со своей девушкой наверх уходит, оживленно о чем-то болтая, остаюсь грустить с минорно настроенным Максом. Кажется, не зажила его старая рана, хоть и времени много прошло. Колет от малейшего прикосновения. Даже если не трогать, все равно саднит болью тупой и упрямой, радоваться жизни мешает.

Жаль, конечно, но со мной парню не повезло. Неважный из меня целитель. Чужие души врачевать не умею. Кажется, только хуже все делаю, будто слоном в посудной лавке топчусь. Намереваюсь дотерпеть это неуклюжее свидание до конца, постаравшись опять его за большое место не зацепить. А затем с облегчением отправлюсь домой. Предвкушаю теплую расслабляющую ванну с аромамаслами, каждой клеточкой тела желаю в нее поскорей погрузиться. Чтобы смыть с себя это странное, неловкое послевкусие.

К моему изумлению, стоило Владу уйти, как Макса, словно подменяют. Страхнув с себя хандру, он вдруг включает харизму и превращается в душку. С широкой улыбкой, с горящими глазами рассказывает про обычаи стран, в которых побывал. Про ЮАР больше всего вспоминает. Описывает предсвадебный рацион африканской невесты, желающей увеличить свои габариты и усилить свою привлекательность в глазах жениха. Мимолетная зависть к тем девушкам мелькает. Я бы перед свадьбой на жесткой диете сидела, пытаюсь эльфийской прозрачности достичь. Упоминает невзначай, что женихи там за девушек немалый выкуп родителям платят. В голове тут же мелькает догадка, почему Сэма его родители благословили на чужестранной невесте жениться. И выучится человек, и женится бесплатно. Эконом вариант, два по цене одного.

Слушаю Макса и не верится, что мой собеседник в начале ужина и в конце — один и тот же человек. Словно в нем батарейка старая закончилась не вовремя, а запасная не сразу включилась. Но, включившись, запустила человека-праздника. Смешит меня, экспрессивно жестикулирует, очаровывает своими историями. Хочется слушать его бесконечно. Любоваться задорной улыбкой, оживленным лицом.

На выходе из ресторана предлагает прогуляться по старому городу и я соглашаюсь. Берет меня за руку, наши пальцы сплетает. От его прикосновения теплого и током пронзающего я сахарной патокой растекаюсь. Лгну к нему, чтобы не упасть, и он меня крепко за плечи обнимает. Каждый раз, глядя на него, задираю голову, и снежинки метко планируют мне в глаза, заставляя жмуриться и глупо моргать.

— Не замерзла еще? — спрашивает заботливо, и я мотаю головой. Подмораживает знатно, но возвращаться домой нет желания. Хочется этот особенный вечер продлить хоть немного. Так и бредем с ним по снегу, в свете фонарей и нарядной иллюминации, за руки держимся и болтаем. Тихо вокруг, мало прохожих. Только изредка кто-то из встречных баров выходит поодиночке или группами. Мороз все крепчает и в какой-то момент понимаю, что пальтишко мое на такой дубак не рассчитано. Начинаю мелко дрожать, он это замечает и поспешно, самой короткой дорогой ведет меня к машине.

Включает обогреватель на полную мощность, сбрасывает свое пальто и накрывает им меня. Сижусь, сжавшись в дрожащий комочек, и под слоями одежды оттаиваю. Вскоре, минут через десять, снимаю пальто и возвращаю ему. Он смотрит на меня алчно. Будто каждую черточку

в память въедает. Мне вдруг хочется ужасно к его губам прижаться, ощутить их вкус на своих. Смаковать их медленно и неспешно.

Из-за этих внезапных желаний в голове вдруг загорается сигнал тревоги. Меня волной тревоги накрывает, освежает ушатом холодной воды. Кто ты, загадочный незнакомец? Пару часов назад хотелось бежать от тебя домой, в норку зарыться, чтобы прийти в себя от ужасной взаимной неловкости. Час назад ты мне голову вскружил своей харизмой, похлеще матерого ловеласа. А сейчас при взгляде на тебя мне крышу сносит от жгучего желания. Сколько еще ипостасей в тебе скрыто?

Бросаю взгляд на часы и спрашиваю:

— Отвезешь меня домой? Уже поздно.

Он кивает расстроено, пристегивается, и мы трогаемся с места. Едем в тишине. Разочарованием в салоне сквозит. Стараюсь на него не смотреть, в окно вжимаюсь. Виноватой себя чувствую. Не хочу никого расстраивать, играть ни с кем не хочу. Но и с кем попало сблизиться не собираюсь! Инстинкт самосохранения не дает. Одергивает, на место ставит, мозги прочищает получше самой усердной дуэньи.

Подъезжаем к дому, прямо к подъезду.

— Я тебя провожу до квартиры, — заявляет он решительно. Молча киваю.

Открываю магнитным ключом дверь в подъезд. Идти недолго — я живу на первом этаже. Но к лестнице пройти не успеваем. Он берет меня за руку и просит:

— Подожди, Мира.

Останавливаюсь и вопросительно на него смотрю. Он оглядывает стену, пальцами по рельефной штукатурке водит. Молчит, с мыслями собирается. Наконец, тихо произносит:

— Ты, как бабочка, от меня улетаешь все время. Хочу тебя рассмотреть поближе, но не успеваю. Проходит секунда — хоп, и ты закрылась. Крылышки сложила и спряталась. Со мной тебе, наверно, нелегко. Но надеюсь, ты поймешь, почему, и дашь мне время.

Собираюсь с мыслями. Даже и не знаю, что сказать. И как раз в этот момент дверь в подъезд открывается и внутрь заходит тетя Оля. От нее веет морозным воздухом, но больше пахнет фufайкой, давно не стираной, и прокуренной. Соседка при виде меня оживляется. Приближается, размахивая руками, говорит, как хорошо сейчас на улице, красиво. Киваю вежливо, мечтая, чтобы она поскорее оставила нас одних. Макс, похоже, мечтает о том же. Он с плохо скрываемым раздражением смотрит на тетю Олю, рот плотно сжимает. Говорю ей одними губами, беззвучно:

— Я сейчас занята. Давайте потом поговорим.

Женщина кивает и, указав на Макса, спрашивает:

— Ссым хычиш ггаври?

Соглашаюсь с ней кивком головы и тетя Оля кивает мне в ответ, мол поняла. Поднимает руку и силится попрощаться. Из рта вылетают непонятные звуки. Вдруг Макс разворачивается к тете Оле. Лицо его искажено гневом. Он всем корпусом на нее надвигается стеной угрожающей, указательный палец почти прижимает к ее лицу и рычит:

— Отвяжись от нас, бомжиха! Вон пошла! Топай прочь в свой вонючий бомжатник!

Женщина замирает от страха. Не знает, куда бежать. Наверно, ужас ей ноги скрутил. За секунду очухавшись от шока, бросаюсь к Максy, хватаю его за рукав пальто и требую, повысив нехило голос:

— Оставь ее в покое! Сейчас же!

Он переводит взгляд на меня, руку опускает, и в глазах его происходит мгновенная

трансформация. Гнев из них утекает, остается только сожаление.

— Прости, — говорит, потирая лоб. — Сам не знаю, что на меня нашло. Прости!

И кидается на выход.

Подхожу к тете Оле, по плечу успокаивающе глажу, спрашиваю:

— Вы в порядке?

Та сама не своя стоит, лицо растерянное. Слезы в глазах, губы трясутся, к стене прижимается всем телом. Вдруг она пальцем тычет в сторону двери, из которой только что Макс вылетел, и произносит громко:

— Паххо! Он паххо!

Плохим его называет. И спорить с ней не собираюсь. Радуюсь, что у меня с Максом до поцелуя не дошло. Теперь уже и не дойдет, наверно. Провожая тетю Олю до ее квартиры под ручку. Она поднимается медленно, грузно ступая. Одной рукой за перила держится, другой за меня цепляется. Прощаясь с ней, говорю:

— Мне очень жаль! Простите его, пожалуйста!

Она взмахивает рукой, мол, ничего, она уже в порядке. И произносит с напрягом:

— Он тиббе нни ппара!

Киваю опять. И спускаюсь на первый этаж. Захожу в квартиру, раздеваюсь. Поздно уже, почти одиннадцать. Родители, кажется, спят. Дома темно и тихо. Только часы настенные мерно тикают. Ощущаю усталость, опустошение какое-то. Будто из меня все чувства выкачали. К себе в комнату захожу с телефоном. Собираюсь его на зарядку включить, как вдруг слышу короткие попискивания — уведомления о приходящих сообщениях. Беру телефон. На дисплее вижу одно сообщение от Влада:

— Привет, красотуля! Сходим завтра в библиотеку? Кстати, выглядела ты сегодня отпадно! Мега, супер стильно! Надеюсь, этот везунчик тебя оценил!

И пять сообщений от «везунчика»:

— Прости меня за сцену! Ужасно стыжусь того, что натворил.

— Пожалуйста, не суди меня по одному проступку!

— С меня букет роз и торт твоей соседке. Может, ей что-то еще подарить? Деньги? (озадаченный смайлик) Напиши, чего ей не хватает!

— Как я могу загладить перед тобой вину?

— Не усну, пока ты меня не простишь! Или пока не дашь мне шанс на прощение!

Так. Быстро пишу ответ:

— Букет роз и торт соседке — однозначно да! Деньги ей тоже пригодятся. Но только в сопровождении с твоими искренними извинениями!

— Про меня можешь забыть. (гневный смайлик)

— Если не поспишь ночку-другую, может, в другой раз будешь думать, прежде чем людей оскорблять!

Подозревая, что уведомления Макса на этом не закончатся, выключаю телефон на ночь. Бухаюсь без сил в кровать и тут же отрубаясь.

Глава 8. Мира

Просыпаюсь от ароматов жареных оладушков и кофе, вкусно щекочущих нос. Сквозь плотные шторы пробиваются лучи солнца, рисуя на стенах неровные, яркие изгибы. Ковыляю к окну, открываю занавески и жмурюсь от брызнувшего в глаза слепящего света. Комната тут же наполняется щебетом амадинов, очнувшихся от сонного оцепенения. Меняю воду в поилке, корма подсыпаю, и они, быстро подлетев к кормушке, принимаются работать клювиками.

Привычно тянусь к телефону. Включив его, нахожу несколько сообщений от Макса. Спрашивает, где живет моя соседка, как ей цветы передать? Растерянно таращусь на телефон. Без согласия тети Оли ни за что ее адрес не дам! Сначала придется с ней обсудить. Но это потом, а сейчас завтрак!

Быстренько принимаю душ, иду на кухню. Здесь тоже светло и по-праздничному нарядно. В центре столешницы нежно-розовый букетик, салфетки льняные по краям. На плите уютно шкварчит сковородка. Мама накладывает папе в тарелку оладушки, кофе наливает. Он сидит, расслабленно облокотившись локтями на стол и довольно, с многозначительной улыбкой на меня поглядывает. В ожидании своей порции наливаю себе воды, устраиваюсь рядом на свободном стуле, и папа, нетерпеливо поерзав, приступает к вопросам:

— Как вчера время провели?

Значит, он из-за нашего свидания с Максом так сейчас радуется? Становится не по себе. Внутри деревенеет все от накотившего напряжения. Неприятно родителей разочаровывать.

— Так себе, — отвечаю осторожно. — Я к нему присмотрелась, как ты и хотел. Но то, что увидела, мне не понравилось. Так что, — пожимаю плечами виновато, — ничего у нас не выйдет!

Отец хмурится и весь подбирается, будто к рукопашной готовясь. Оладушек продолжает уплетать, но, кажется, больше по инерции, без удовольствия. Уточняет угрюмо:

— И что не так?

— Он вчера на тетю Олю в подъезде наорал. Она не вовремя к нам подошла и получила за это по полной, бедненькая. Он такой злой был, словами не передать!

В ответ летит насмешливый взгляд отца.

— Хочешь сказать, я никогда ни на кого не ору?

— Ты кричишь иногда на сильных, но ленивых мужчин на своей стройке. Женщину-инвалида оскорбить со всей злости — это совсем другое. Подло и жестоко.

Мама, наконец, подсаживается к нам и накладывает скромную порцию вкусняшек в свою тарелку. Вместо сметаны себе йогурт малокалорийный добавляет. На ее красивом лице написано беспокойство. Тоже за Макса вступается:

— Мира, ты знаешь, сколько денег он в благотворительные фонды жертвует? А то, что он родителям помогает — это ты уже забыла?

Отодвигаю в сторону тарелку. Двое на меня одну, да еще до первой чашки кофе. Это нечестно вообще-то! Но сдаваться не собираюсь.

— Ты сама меня учила: когда оцениваешь мужчину, смотреть надо не на внешний блеск, не на мишуру, которая в глаза бросается, а на маленькие неприметные детали. Как он относится к большим, слабым, детям — всем тем, от кого не сможет ответка прилететь.

Истина кроется в мелочах, так ты говорила.

Мама смущается, на секунду в ее глазах растерянность мелькает, но быстро находится с ответом:

— Вот и смотри на детали! Я же от своих слов не отказываюсь! Но не на одну деталь обращай внимание, а на все. Нельзя на человеке из-за одной единственной ошибки крест ставить! Все ошибаются, и ты в том числе! Дай ему шанс себя всего показать, а потом оценивать будешь всю картину, целиком.

Тоскливо смотрю на свой завтрак. Села за стол голодная, как стая волков, а сейчас весь аппетит испарился куда-то. Туда, наверно, где на девушек за завтраком не набрасываются собственные родители. Жалко себя становится, еле сдерживаюсь, чтобы не заплакать. Опустив глаза, прошу:

— Можно я в своей комнате поем?

Мама, бросив на отца быстрый взгляд, кивает:

— Иди, конечно. Побудь одна, если хочешь. Но о словах наших все-таки подумай!

Киваю, хватаю тарелку с оладушками, чашку с кофе и выскакиваю из кухни. Влетаю в свою комнату, дверь плотно прикрываю. Подхожу опять к окну. Так хорошо на улице: солнце от снега ярко отсвечивает, небо чистое-чистое, голубое. На фоне прекрасной погоды еще очевиднее чувствую испорченное вдрызг настроение. Берусь за телефон, пишу подруге в ватсапе:

— Ир, меня родители хотят свести с парнем, который вчера на нашу соседку-инвалида наорал. Грубо так! Богатый и влиятельный зато. Как тебе новость?

Ира присылает мне смешную фотку с текстом: «Как у таких глупых родителей мог родиться такой умный ребенок?»

Отправляю ей хохочущий смайлик. И задумчиво пишу:

— Может, пора из дома делать ноги?

— Куда?

Ира человек-реалист. Сразу все с практичной точки зрения просчитывает.

— Не знаю. А что, если и тебе, и мне работу найти? Квартиру однокомнатную снять?

— Неее. (улыбающийся смайлик) Мне и дома хорошо. Вовремя убираюсь, допоздна не гуляю, хорошо учусь — и родители, как шелковые!

Посылаю ей виртуальный поцелуйчик и закрываю чат.

На оладушки смотрю, как на врагов. В горло ничего не лезет, при мысли о еде становится плохо. Выпиваю кофе. Отношу посуду на кухню, убираю остатки завтрака в холодильник. Слышно, как душ шумит — это папа, наверно, моется. Мама тут же, на кухне закладывает белье в стиральную машинку. И я с облегчением понимаю, что сводничать никто вроде бы не собирается. По крайней мере, в ближайшее время. И все равно дома теперь неуютно. Бежать отсюда хочется со всех ног. Спрятаться от родительской власти, тугим узлом стянувшей горло.

Пишу сообщение Владу в ватсапе:

— Встретимся в библиотеке через час?

Ответ приходит через минуту. Зевающий смайлик и большой палец, задранный вверх. Одеваюсь поспешно, по-простому: джемпер розовый, джинсы. Взглянув на градусник за окном (минус пятнадцать), достаю из шкафа длинный бардовый пуховик. В нем точно не замерзну!

Крикнув уже на пороге: «Я учиться!», быстренько выбегаю из квартиры. Поднимаюсь на

третий этаж, стучусь к тете Оле. Но ее дома нет, кажется. Ничего, после библиотеки к ней зайду!

Мороз на улице щиплет за щеки. Холод кусачий почему-то хорошо мозги прочищает, и депрессивное настроение мигом уходит. Люди мимо меня куда-то спешат, бодро шагая по скрипучему снегу, и мир предстает в совершенно других красках: ярких, насыщенных, энергичных. Вчерашние воспоминания кажутся дурным сном.

А что, если я не права? Я вон в девятом классе на одноклассницу так наорала, что голос себе сорвала. Когда она меня в новой, только что купленной куртке, в грязь толкнула. Ленка не инвалид, конечно, но тоже не от мира сего, в голове каких-то винтиков не доставало. И подлой я себя при этом не чувствовала.

В библиотеке сразу подхожу к нашему с Владом любимому месту. Два кресла развернуты к стеклянной, трехметровой стене, через которую открывается впечатляющий вид на сосновый парк. Кроны деревьев усыпаны снегом, серебрящимся в лучах яркого солнца. Чувство такое, что сидишь на улице, а не в помещении. Аж дух захватывает от панорамы! Кресла стоят в сторонке от читательских столов, и их уединенное расположение дает возможность тихонько переговариваться. В одно из них опускаюсь и сижу, любуюсь на фантастичный пейзаж. Вдруг перед моим лицом выплывает справа бумажный стаканчик, пахнущий родным кофеином, и бумажный пакетик. С улыбкой оборачиваюсь и вижу смеющиеся глаза Влада, в обеих руках у него по кофе и по круассану. Одет он в немного помятые свитер и джинсы. Собирался, наверно, на бегу.

— Ты уже завтракала?

— Нет, — отвечаю неуверенно. — Ведь кофе за завтрак не считается?

Влад опускается в соседнее кресло, достает круассан и с жадностью в него вгрызается. Мычит:

— Ну? Рассказывай!

— О чем? — смеюсь, ставлю на близлежащий столик стаканчик и осторожно распаковываю булочку, стараясь не шуметь. Вообще-то здесь есть запрещающий знак, если застукают, нам не поздоровится. — Признаюсь, меня давно волнует один вопрос. Как ты мучное ешь со своей бородой? У тебя ведь все крошки там застревают?

— Я умею есть аккуратно, без крошек. В отличие от некоторых! — и сурово меня взглядом охаживает. В серых глазах ни капли веселости не осталось. Обиделся что ли? Так, поняла. Бороду пока не трогать! Поскорее перевожу тему на первое, что влетает на ум.

— Не знаешь, сколько стоит аренда однокомнатной квартиры неподалеку от универа?

— Знаю. Самая крошечная однушка, метров в пятнадцать, — пара сотен евро. Плюс коммунальные платежи.

От этой новости грустнею. Дорого и тесно. Не радужная вырисовывается перспектива!

— А не знаешь, какую подработку реально было бы студентке на выходных найти?

Влад на меня пристально смотрит, запихивая в пустой стаканчик блестящую упаковку от булочки. В его глазах мелькает тревога.

— Почему спрашиваешь? Что-то случилось?

— Да нет. Пока нет, — добавляю я, отпивая капучино. — Родители хотят меня с одним парнем свести. Они не сильно давят пока, но все-таки уже сейчас охота разобраться, есть ли у меня варианты отступления?

Влад мрачнеет.

— За кого? За того пижона, с которым ты в ресторане сидела?

— Он не пижон! То есть да, он модно одевается, но ведь дело не в этом! — чуть повышая голос от нахлынувших эмоций, и до нас доносится шиканье от ближайших к нам столиков. Оттуда на нас с упреком таращится какая-то блондинка в очках. Перехожу на шепот:

— Он вчера вечером мою соседку оскорбил глухонемую. Вот в чем проблема!

Влад задумчиво кивает, достает из кармана кубик Рубика и принимается за свою обычную цветосортировку. Пока смотрю на мелькание красок в его умелых руках, в голове ни одной дельной мысли не возникает. У меня от этого процесса почему-то обратный эффект: паралич мозга происходит. Пару раз собрав кубик, он говорит:

— Напротив моей общаги есть еще одна пятиэтажка, семейное общежитие. Для студенческих пар. Я слышал, в этом году там не все квартиры заняты. Одношка в сорок квадратов будет стоить сто пятьдесят евро, почти без коммунальных.

— Почему без коммунальных? — удивляюсь я.

— На крыше солнечные батареи установлены, которое все общежитие электричеством снабжают.

Я пожимаю плечами. Иронизирую, не удержавшись:

— Нет, солнечные батареи — это, конечно, сила! И цена отличная! Но с кем я туда заселяться буду? С каким-нибудь мифическим парнем?

— Мифическим? Ты мне льстишь!

На мгновение дара речи лишаюсь. Мне это послышалось ведь? Широко открываю глаза, переспрашиваю:

— Что?

— Не бойся, кусаться не буду. Друзей я не ем.

С облегчением вздыхаю.

— Ты решил по-дружески меня выручить? Нет, ну а как же тогда ты будешь... Мм... Девушек к себе приглашать? Там же одна комната! Вот, например, Света...

Он меня перебивает. Жестко немного слова чеканит, будто на место ставит:

— С ней у меня ничего не сложилось. И вообще за меня не волнуйся, ладно?

Не утерпев, вскрикиваю сердито:

— И с ней не сложилось?! Это все борода твоя! Еще одна девочка от тебя сбежала из-за кактуса на подбородке!

Он тоже разозлился не на шутку. Подскакивает с кресла, мощной горой надо мной теперь возвышаясь. Руки в карманы сует и рычит сдавленно:

— Самохвалова, не нарывайся!

— Сбрей ее, наконец! — шиплю, умоляюще сложив руки.

— Ну все! Сама напросилась!

И, быстро наклонившись ко мне, впивается в губы. Я сижу, прижавшись к спинке кресла и увернуться не успеваю от неожиданности. Губы его чуть соленые после круассана. Борода мягкая и совсем не колется, правда! Скорее, будоражит, щекочет ласково, волнует. Провожу осторожно пальцами по его заросшей щеке. Ммм, и на ощупь приятно! Сознаю вдруг, что не хочется совсем от его губ отрываться, и настойчивых, и нежных. Все нутро мое на их призыв откликается, волной желания заливая. И поймав себя на этой мысли запретной, резко отворачиваюсь. Ладонью рот зажимаю. В глаза его смотрю испуганно и подтверждаю голосом немного охрипшим:

— Не колется все-таки. Ты прав.

Глава 9. Мира

Еду в автобусе, забившись на заднее сиденье и уткнувшись в окно. От других пассажиров отворачиваюсь и варежку ко рту прижимаю. Выглядит странно, безумно, наверно. Но по-другому не получается. Мне кажется, лицо и губы, в особенности, меня предательски выдадут. Всем встречным расскажут про поцелуй.

После произошедшего я ужасно старалась свою неожиданную реакцию на Влада запрятать поглубже. Под напускную веселость и дурашливость. Однако актриса из меня никудышная, как оказалось. Влад тоже пытался балагурить по-прежнему, но между нами то и дело проскальзывала неловкость. Даже шутки неуклюжими стали. Неповоротливыми, как медведи. Я сдалась первой. Встала, подхватив свой рюкзак, и предложила:

— Ну что, пойдём-ка теперь поучимся для разнообразия!

И мы разошлись каждый своей дорожкой. Больше в библиотеке не пересекались.

Подходя к дому, вспоминаю, что собиралась навестить тетю Олю. Поднимаюсь на третий этаж, стучусь, но она опять не открывает. Начинаю волноваться. Хочу ей позвонить, но мы никогда близко не общались. Ее номера у меня нет. Даже уверенности нет, имеется ли у нее телефон вообще.

Спускаюсь на первый этаж, достаю ключи. Открываю дверь и понимаю уже на пороге: что-то не так. У нас везде свет включен, сильно розами пахнет. Но цветов не видно нигде. Оживленные голоса звучат. А среди этих голосов один красной нитью выделяется. Бархатный баритон, от которого сердце сразу быстрее стучать начинает. И противоречивые желания одолевают: то ли бегством спастись, то ли лететь мотыльком на огонь, к себе манящий. Пока раздеваюсь неторопливо, все еще сомневаясь, успеваю вспотеть в теплом пуховике. В прихожую заходит отец и громко, радушно меня приветствует:

— О, наша Мирочка пришла! А мы тебя ждали!

Вижу, что он навеселе. Жесты стали вальяжнее, небрежнее. На рубашке рукава закатаны, ремень на брюках ослаблен и его полнота от этого еще заметнее становится. Что здесь происходит? Неизвестность пугает. Делаю попытку спрятаться в свою комнату. Лепечу извиняющимся голосом:

— Пап, у меня учебы много. К понедельнику еще реферат по три дэ проектированию писать. Я вообще-то сейчас учиться собиралась.

Но отец меня просто так отпускать не собирается. В глазах упрямый блеск появляется, руки по-хояйски на пояс ставит. Зуб даю: сейчас командовать начнет!

— Так. Учебники в комнату относишь. И присоединяешься к гостям. И чтоб без разговорчиков в строю! Усекла?

Уныло киваю и подчиняюсь беспрекословно. Когда такой тон слышу в папином исполнении, время для переговоров и компромиссов закончилось. Так и не начавшись.

Захожу в гостиную. За кофейным столиком, загруженным под завязку вкусняшками, чайными чашками, бокалами с вином сидят родители, Макс, рядом с ним на диване незнакомая какая-то женщина лет сорока и тетя Оля. На нее смотрю дольше всех. На фоне нарядно одетых родителей, стильного Макса она выглядит черной, заблудшей овечкой, попавшей сюда случайно. Серый, растянутый джемпер весь в катышках, со старинным принтом родом из девяностых, похоже. Взлохмаченные короткие волосы цвета зрелой пшеницы с поседевшими прядями. В единственном видящем глазу застыла растерянность.

Она жметя к краю дивана и явно чувствует себя не в своей тарелке. Здороваюсь со всеми, свой стул пододвигаю к ней ближе, улыбаюсь ободряюще и спрашиваю одними губами:

— Как у вас дела?

Папа отпивает чая глоток и громогласно объявляет:

— Шептаться в нашей кампании не стоит. Познакомься, кстати, с Татьяной, сурдопереводчиком. Если что-то хочешь нашей соседке сказать, Татьяна переведет.

Киваю ей, произношу формальные любезности.

И понемногу, в процессе разговора узнаю предысторию этой встречи.

Оказывается, Макс, не дождавшись от меня адреса тети Оли, взял все в свои руки. Связался с родителями, а те и рады стараться! Устроили встречу прямо у нас дома. Макс решил извиниться с размахом. Нашел сурдопереводчика, купил торт, другие сладости, несколько десятков роз — это от них в прихожую аромат доносился. Конвертик с деньгами я разглядела ненавязчиво спрятанным в шикарной подарочной коробке, в которой к тому же лежал шарфик ручной работы. Фирма известная, стоит бешеных денег. Телефон мобильный, с проплаченной сим картой тоже в коробке лежит. Кнопочный, простой — чтобы старой женщине легче в нем было ориентироваться. Ко всему прочему, Макс умудрился с сурдологом договориться о приеме. Уже на следующей неделе. Собирается ей оплатить предстоящее обследование и гаджеты, которые ей подберут.

На словах о сурдологе я окончательно таю. Не ожидала от Макса таких обстоятельных извинений. Смотрю на него совсем другими глазами. С благодарностью и даже с восхищением. Человек, способный так щедро искупить свой косяк, достоин как минимум уважения.

Сейчас он ведет себя естественно, всех и вся обаяв. Обходительность и харизма царят в каждом слове. Расспрашивает тетю Олю о ее здоровье, родне. Руки Татьяны порхают в легкой, быстрой жестикуляции. Тетя Оля отвечает ей так же. Не приходится мучиться, слова из непослушного горла выдавливать. Теплое чувство к Максиму нарастает. Продумал все, молодец!

Вскоре наша соседка собирается уходить, и родители вызываются помочь ей цветы донести с тортом. Она недоверчиво улыбается. Бойтся поверить, что о ней так заботятся. Прижимает к себе коробку с шарфиком, телефоном и деньгами, со мной прощается жестами. Сурдопереводчик на пороге обращается к Максиму деловито:

— В общем, мы сейчас с Олегом Владимировичем и Ниной Сергеевной поднимемся к Ольге. Попрощаемся с ней, и тогда моя помощь больше не будет нужна?

Кивок быстрый в ответ, и дверь закрывается. Мы остаемся в прихожей вдвоем. Макс ко мне приближается вплотную. Мощное, тренированное тело в двадцати сантиметрах от меня, близко-близко. Плечи его широченные теперь почти всю прихожую от меня заслоняют. Чувствую его запах терпкий, одуряющий. В его глаза, меня пожирающие, робко заглядываю. Податливой ватой рядом с ним делаюсь. И координация движений вдруг окончательно терпит крах. Прислоняюсь к стене, чтобы больше не покачиваться. Пусть хоть видимость останется, что себя контролирую.

— Я прощен? — спрашивает, тыльной стороной ладони по щеке меня глядя.

— Более чем, — признаюсь честно. Лукавить смысла нет никакого. Он ведь и сам уже это в моих глазах прочитал. Но его руку от себя отвожу мягко, сама себе удивляясь. Откуда только воля взялась к сопротивлению!

— Но торопиться не будем. Если хочешь со мной встречаться, начнем все сначала, с

нуля.

— Прости. С нуля не получится. Не с тобой.

В глазах его тону и вижу. Да, не получится. И у меня тоже никак не получится. Губы его к моим тянутся, а сил отвернуться в себе не найти.

К счастью, наверно, в этот момент ключ в замке поворачивается, и лицо его отодвигается от моего на безопасное расстояние. Вздыхает еле заметно, но с улыбкой родителей встречает. Магия притяжения между нами слабеет и я облегченно перевожу дух. Макс надевает пальто, шапку, шарф накидывает на шею. Потом ко мне обращается:

— Завтра хочу тебя пригласить в одно место. Куда — секрет. Пойдешь?

Родители на меня смотрят выжидательно. Их взгляды меня продавливают, выбора не оставляют. Но на сей раз я и сама не прочь согласиться. Отвечаю после короткого раздумья:

— Форма одежды какая? Не хочу в вечернем платье в боулинг играть.

— Оденься просто, но тепло.

— Ну хоть немного подсказки, куда мы пойдём!

— Ладно, последняя подсказка. Пусть на тебе будет одежда, которую не жалко замазать.

Улыбаюсь, согласно кивая. Значит, мне не придется сидеть в ресторане и снова давиться едой из-за случайного комментария. Это обнадеживает!

Когда Макс закрывает за собой дверь, мама мечтательно произносит:

— А дети какие красивые у вас будут!

И тут же, игнорируя мой возмущенный взгляд, отправляется в гостиную и приступает к уборке.

Глава 10. Макс

В последнее время навалилось столько проблем, что меня опять мучает бессонница. Сплю по три часа и уже не разберу, за что хвататься первым делом. Маман вчера аж три раза звонила. «Сыночек, почему ты отменил визит к психиатру?» «Максим, ты же продолжаешь пить антидепрессанты?» «Ты хорошо питаешься?» «Позволь мне приехать к тебе, чтоб готовить и убираться!» Как же меня это достало! Ее контроль долбаный, который она под заботу маскирует, ее приставучесть, которую она любовью называет, — все это надоело, уже в печенке сидит! Не сдержался, прикрикнул на нее, чтобы оставила в покое взрослого сына! Она сразу шмыгать в трубку начала. Ненавижу эти ее хитрые приемчики! Манипуляторша! Пришлось на этой неприятной ноте разговор закруглить.

Счета их оплачиваю, родители сыты-обуты, живут в своей любимой деревне в окружении экологически чистых коз и кур — вот и считай, что свой сыновний долг выполнил. Им со мной повезло немерено! Столько деточек в наши дни и в бородатом возрасте на шее у родителей сидят! Моим предкам бы радоваться, а они все никак не угомонятся! В жизнь мою лезут. Злят чудовищно своей навязчивостью.

На дневной тренировке напарнику не повезло. Из-за неприятного разговора с маман такой хук ему впаял, что пришлось тут же тренировку закончить осмотром у врача. Теперь Мартину нужно как минимум пару недель восстанавливаться. Сорян, конечно! Но, как говорится, никто из нас не застрахован.

На работе тоже запарка. На следующей неделе аж три крупных проекта предстоит рассмотреть. А документы подготовить и проверить надо заранее. Секретарша старая уволилась. Дура нерасторопная, истеричка. Пришлось новую искать. И это сейчас, в самый час пик! На ее место пришла неопытная совсем. Всему ее учить надо с нуля: и какое кофе я люблю, и какие документы необходимы для рассмотрения каждого тендера, и сроки оформления документации. Такое чувство, что не она секретарша, а я ее секретарь. Кручусь вокруг нее и на каждом шагу подсказываю, как ее же работу выполнять. А вместо благодарности эта идиотка малахольная только сердито на меня зыркает, рот поджимает недовольно и какие-то замечания мне смеет бросать по поводу вежливости с персоналом.

Ладно, с работой как-нибудь разберусь. Теперь бы личную жизнь устроить! Тут недавно со мной Олег Самохвалов связался. Он уже не раз пытался тендер выиграть на городской объект, но у него все не получалось. И неудивительно! Качество он предлагал хорошее, тут не поспоришь, но смету хреначил запредельную. Со своими расценками ни единого шанса сам себе не оставлял. Тогда этот плут решил с другого бока зайти. Поймал меня после работы на парковке горуправы, упросил пять минут дать на разговор.

Сели ко мне в машину. Он, естественно, сразу к делу:

— Сколько ты хочешь?

За идиота меня держит что ли? Чтобы я сам себя подставил, позволил на аудио записать? Я естественно в отказку пошел. За кого вы меня принимаете? О чем вы толкуете, гражданин хороший?

Потом через пару дней я к нему неожиданно сам на объект приперся. Шум там ужасный, запись сделать нереально. Назвал сумму отката, он согласился. А потом ему дочь позвонила. Он взял свой телефон и на дисплее фотка высветилась. Как увидел ее, так сразу и понял: это моя жена.

Попросил фотографии семьи показать. Самохвалов и не прочь был похвастаться своей умницей-красавицей. Продемонстрировал ее в разных ракурсах. Тут уж я еле смолчал. Закашлялся, подавился собственным криком. Моя Аня умершая, один-в-один! Только моложе чуть-чуть. Ее глазки карие, огромные. Взгляд чуть застенчивый, но с чертинкой из-под густых ресниц. Носик изящный, как скульптором высеченный. Губки аппетитные, манящие. Словом, продолжение моей Ани. Знакомое, родное, любимое, желанное. До ноющей боли в груди, до дроби барабанной в башке! Только одна загвоздочка имеется. Я ей никто. Чистый лист. Придется начинать все с самого начала.

В общем, поставил Самохвалову ультиматум:

— Деньги мне не нужны. Мне твоя дочь понравилась. Я тебя проконсультирую по поводу тендера бесплатно. Подскажу соотношение цены и качества, научу, как сэкономить на проекте. Словечко за тебя замолвлю. А ты мне за это дочь сосватаешь.

Он пытался юлить, конечно, сумму отката повысить, но я уперся и ни в какую. Пришлось ему согласиться. Правда с оговоркой.

— Я, — говорит, — вас познакомлю и всячески ваше общение поддержу. Но если ты моей дочери не понравишься, то ничего тут не попишешь. Насильно мил не будешь.

На что получил такую же откровенность:

— Если Мира меня на роль жениха не одобрит, то и помощи с тендером тебе не видать.

Когда я ее живую увидел впервые, думал, что удар меня хватит — так сильно ее захотел разложить, прямо здесь же, на полу! Красавица писаная двигалась с грацией танцовщицы и все время очень мило смущалась. Ее тоже цапнул наш взаимный магнетизм, химия неодолимая, я это сразу почувял. Ее неловкость лучше слов все сказала.

Потом это нервное свидание в ресторане. Мира вела себя, как милая беззаботная пташка. Щебетала, что попало. Портила мне настроение, сама же при этом расстраивалась. Внезапно пришел ее универский «друг» с кралей какой-то. Когда моя Мира прыгнула ему на шею, думал, что эту шею ему сейчас и сломаю, не удержусь. К счастью, удалось себя приструнить. Зато его приход хорошо мне на место мозги вправил. Помог собраться и включить, наконец, нужный настрой. Это сработало. Мира повелась на мои старые пикаперские наработки. Я уже предвкушал знойный, страстный вечер у себя в квартире.

Но рано радовался. Ей мало оказалось взаимного влечения. Странно выглядели все ее непонятные сомнения. Я себе цену знаю, не первый день на свете живу! Меня девки нарасхват, в ключья рвут, как только видят. Могу любую получить по первому щелчку. Как выяснилось всех, кроме Миры. Сначала не сообразил, что ей еще надо, растерялся. Но когда увидел, с какими глазами она ту бомжиху защищала, до меня дошло! Она из тех девчонок, которые идут работать в какой-нибудь Грин Пис или становятся врачами без границ. В общем, идейная. И как я, дурак, этого сразу не понял?! На самодельном плакате, который над ее кроватью висел, одним из пунктов значилось: «Я приношу пользу окружающим» и фотомонтаж сделан, где она кормит африканских детишек.

Когда еле-еле исправил свой просчет с бомжихой, она сменила гнев на милость. Если бы не родители, так некстати вернувшиеся, я бы уже распробовал на вкус ее сладкие губки. Но ничего. Тише едем — дальше будем. Самое главное, что она согласилась на очередное свидание.

Тут уж я не сплеховал. Отправился в приют для животных. Спросил, не нужна ли им помощь в выгуле собак? Выяснилось, они этого не практикуют, их работники прекрасно и сами справляются. Если же я желаю помочь, то могу взять себе питомца или сделать

денежный перевод. Вынужден был представиться. Козырнул, что работаю в горуправе. Заверил, что для меня лично стало бы большим счастьем выгулять завтра их собачку. В общем, напрягся по полной! Заведующая согласилась скрепя сердце. Как будто личное одолжение мне сделала. Бюрократка чертова!

Пришлось подмахнуть ей коробку конфет и конвертик. Добро делать оказалось накладно. Зато с Мирой свидание прошло гладко, как по маслу.

Приехали с ней в питомник. Она по собачьему лаю, вони характерной сразу догадалась, где мы. Глазки мгновенно загорелись, чуть в ладони не захлопала! Опять щечки порозовели от удовольствия, улыбка широченная появилась. Так бы и любовался ею весь день! Зашли с ней в приют, сначала нам предложили кошек покормить. Мира с удовольствием им корм насыпала. А когда ей котенка облезлого разрешили на ручки взять, она аж запищала от восторга. Трогательно так, еле слышно. Уж так она его наглаживала, никак на нее наглядеться не мог! Думал, какой же хорошей мамкой она будет нашим детям!

Потом мы пошли с овчаркой гулять. Нам заведующая специально самую послушную выделила для прогулки. Погода, к счастью, не подкачала. Солнце, морозец легкий. Погуляли хорошо с собачкой. Даже не замазались. Оказалось, Мира животных обожает. Она, глазами сияя, заявила, что в свою семью обязательно возьмет собачку какую-нибудь. Сейчас ей родители не разрешают, но когда она сможет решать сама... Чуть не высказался на этих словах, что не позволю ей никаких мохнатых тварей дома держать. Но вовремя удержался. Пока еще рано. Когда она втюрится в меня по уши, тогда буду четко свою линию гнуть. Она сама еще не понимает, но папка ее послушной для меня воспитал, для будущего мужа. Конечно, придется пока потерпеть. Свои ожидания в задний проход засунуть. Но придет время — она обязательно свое место узнает!

Глава 11. Мира

Прошла почти неделя с момента нашего примирения с Максом. Каждый день он напоминает о себе. Присылает нежные сообщения в течение дня: «Как спала, малышка?», «Какие у тебя планы на сегодня?». Цветы с курьером по вечерам, просто так без повода. Две наши дежурные вазы уже заняты цветами. На третий день заталкиваем с мамой роскошный букет из красных роз в трехлитровую банку.

Папа, вернувшись вечером с работы, недовольно качает головой. Мол, не дело такой шикарный букет в банке из-под огурцов мариновать. Уходит куда-то и через пол часа возвращается с вместительной хрустальной вазой.

Каждый раз, проходя мимо цветов, вдыхаю их аромат и Макса вспоминаю. Приятно. Хоть за окном и погода не очень: снег подтаял, слякоть и снежная жижа везде, но дни все равно особенными становятся. Наполняются ощущением праздника.

В пятницу Макс снова на вечер планирует какой-то сюрприз. Не говорит какой, томит неизвестностью. Хотя недолго осталось, всего несколько часов — и узнаю. На сей раз, наученная горьким опытом, собираюсь на свидание заранее. Принимаю неспешно ванну, после делаю укладку. Когда остается пару прядей высушить, сквозь жужжание фена слышу, как гудит домофон. Заканчиваю возиться с волосами, и до ушей доносится шелест маминых тапок — идет открывать. Вскоре дверной замок щелкает и через несколько секунд мама появляется на пороге ванной. Лицо растерянное, даже слегка испуганное. Говорит:

— К тебе пришел молодой человек.

Выбегаю в прихожую и вижу Влада. От шока замираю на месте. Опускаю глаза и лицо краснеет. Наверно, как рак краснею от смущения. С тех пор, как мы в последний раз виделись в библиотеке, я боялась встретиться с Владом. Саму себя стыдилась. Как будто я к брату родному влечение испытала. Но он ведь не брат мне! Просто друг. Хотя теперь, наверно, уже и не друг. Ведь с друзьями так не целуются. Не знаю больше, в каком он статусе. Родной для меня человек, близкий мне парень, много для меня значащий. Это все, что о нем могу теперь думать.

Влад мне раз двадцать писал и звонил за эту неделю, но я его звонки и сообщения игнорировала. Терялась, не знала, что делать, как себя вести. Пряталась от него. Но он все равно как-то мой адрес узнал.

И сейчас на пороге моей квартиры стоит, в краску вгоняет. Надо бы его пригласить, радушно встретить. Это ведь закон гостеприимства, мамой в мою кровь впечатанный. Улыбаюсь робко и приглашаю пройти. Влад протягивает мне цветы, букет розовых хризантем, снимает куртку и говорит с улыбкой:

— Знаешь, о чем говорят хризантемы на языке цветов?

Мотаю головой и Влад заявляет:

— Ты крепкий орешек, детка, но я умею ждать!

Прыскаю от смеха, не удержавшись.

— Я тыщу раз хризантемы маме дарила, потому что это ее любимые цветы! Фу, Влад, ты все мои подарки маме опошил!

— Прости, — глаза его тоже смеются. — Не знал. Я вообще-то твои любимые пирожные принес, твоя мама на кухню их унесла. Мы их увидим еще? Она сильно сладкое любит?

Смеюсь невольно и успокаиваю дорогого гостя:

— Тебя теперь ожидает масштабное чаепитие. Мама сейчас весь этот столик вкусняшками заставит и, пока ты все не съешь, живым от нас не уйдешь. Это грузинское гостеприимство, детка! — делаю смешной жест рукой.

Влад подходит ко мне и обнимает, прежде, чем я успеваю отстраниться. Шепчет на ухо:

— Мне тебя не хватало, смешнулька.

Прижимаюсь на секунду лицом к его груди. Вдыхаю его родной запах, чувствую литые мышцы под знакомым свитером из верблюжьей шерсти. В его крепких объятиях всегда защищенно и уютно себя чувствую. Но вдруг борода немного щекочет затылок, навевая крамольные воспоминания, и я поспешно отстраняюсь.

Отвожу глаза и признаюсь поспешно:

— Я вроде как с Максом встречаюсь. Помнишь его?

— Это тот чувак, который на твою соседку наорал? — Влад хмурится, взгляд мрачнеет.

— Да, тот самый. Но он уже свою ошибку с лихвой исправил. Устроил тете Оле встречу с сурдологом, подарил ей конвертик с деньгами, букет роз шикарный, торт. Тетя Оля очень довольна.

— Откупился, значит? — скалится в недоброй насмешке.

— Зачем ты так? Мы все ошибаемся. Но достойный человек берет ответственность за свои ошибки, а посредственность пустоголовая косячит, ни за что не отвечая.

— Ладно. Пусть так. Но что ты о нем еще знаешь? В чем еще заключаются его достоинства, помимо того, что он разрулил последствия собственного хамства?

— Мм... Он обаятельный, спортивный. Ответственный, наверно, раз ему такую работу доверили в горуправе.

— В общем, ничегошеньки ты о нем не знаешь, помимо внешнего шика-пшика. Моя Мира, с которой я пол года общался, намного разборчивее была.

— Ты забыл про презумпцию невиновности. Пока за человеком не доказано никаких грешков, он имеет право считаться чистым, как стеклышко.

— Мира, ты говоришь сейчас, как наивный, доверчивый ребенок, знать не знающий о хищниках в овечьих шкурах! Как будто тебя знакомство с господином Куртом ничему не научило!

Голос его чуть поднимается на эмоциях, и к нам в гостиную заглядывает мама. Заносит первые тарелочки с вкусняшками. Пирожные меренговые — наверно, те, которые Влад принес. Козинаки, чурчелу, марципановые конфеты, которых у нас всегда дома полно, как маминых самых любимых.

Вскакиваю и начинаю ей помогать. Мама интересуется, какой чай Владу заварить. Он просит кофе с молоком, если есть, и мы с мамой вместе идем на кухню. Я точно знаю, какой кофе Влад любит. Хочется его хотя бы такой мелочью порадовать.

Первое, что вижу на кухне, это букет Влада, засунутый в трехлитровую банку. Мама виновато пожимает плечами:

— Больше ваз нет.

Когда запускаю кофеварку, она тихонечко спрашивает:

— Зайка, как мы папе объясним, что к тебе парень приходил? Ты же знаешь его мнение на этот счет! Молодой человек приходит к нам домой только тогда, когда у тебя с ним все серьезно. Никаких дружб с парнями папа не поймет и не примет. И уж тем более не одобрит идею одновременно с двумя мальчиками встречаться!

— Но это и правда мой друг. И у нас с ним очень, очень серьезная дружба. Он меня столько раз выручал в универе, что папа первый должен ему руку пожать в знак благодарности!

Мама беспомощно разводит руками.

— Ну раз так, то ладно. Но не забудь, дорогая, что через полтора часа за тобой придет Макс. Надеюсь, твоя очень серьезная дружба и очень серьезная влюбленность не столкнутся лбами?

— Кто говорил про влюбленность? — возмущенно протестую. Но кофеварка уже шумит и сердито плюется в знак готовности, и я ловко наполняю Владу кружку, развожу молоком, добавляю сахар и отношу в комнату.

— Как Сэм? — спрашиваю, уплетая любимое безе. — Не нашел еще себе невесту?

— Нет, он в процессе. У него на примете несколько кандидатур. Трудно выбрать, когда все девушки красивы, как на подбор.

Вспоминаю вдруг слова Сэма о любимой девушке Влада, и меня аж потряхивает от нетерпения. Алчно жажду подробностей! Оценить ее, просканировать, достойна ли его избранница такого, как Влад?

— А ты? Уже выбрал себе девушку?

— Да, — отвечает небрежно. — Давно уже.

Чувствую легкое сожаление из-за его ответа. Так долго искала ему пару, но не рассталось у него ни с кем. Мне бы теперь радоваться, но вместо этого неуютно становится. Наверно, обидно немного, что он сам, без меня отлично разобрался на личном фронте. Спрашиваю с нетерпением:

— Кто она?

Влад меня окидывает задумчивым взглядом.

— Красивая. Умная. Веселая.

Я со смехом его перебиваю:

— Мне бы ее имя больше хотелось узнать, чем качества характера!

Но в этот момент к нам присоединяется мама. Подходящий момент для признаний упущен. Мама добавляет последний штрих — пахнущий мятой чайный сервиз с нежно-желтым японским узором, и подсаживается к столу. Благодарит Влада за угощение, цветы и сразу седлает свою любимую тему: как зовут его родителей? Где они живут, как их здоровье?

Влад уже собирается рассказать о своей семье, как вдруг дверь открывается и в квартиру заходит отец. Поначалу, заметив куртку Влада, он радуется. Думает, наверно, что это Макс сегодня пораньше заглянул. Но, шагнув за порог гостиной, он видит Влада, и его крупное лицо удивленно вытягивается. Рот сжимается недовольно, утяжеляя носогубные складки, миг накидывая лишний десяток лет. Ловлю на себе мамин тревожный взгляд и мне становится не по себе. Тут не влюбленность схлестнется с дружбой, а отцовская опека, что еще хуже. Столкновение Титаника с айсбергом. Только кто из них Титаник и кто айсберг?

Глава 12. Мира

Отец устраивается за столом. Усаживается молча в кресло напротив Влада. Движения его неторопливые, солидные, но каждый жест увесисто заявляет: «Я здесь главный по праву». Локтями уперевшись в колени, сводит руки в замок и выжидающе таращится на нашего гостя. В противовес к маминому радушию папин прием — это ушат ледяной воды. Пинок в пятую точку с разворота. Влад реагирует нейтрально, коротким приветствием:

— Добрый вечер!

Чугунный взгляд из-под тяжелых век прожигает в парне дыру. Голос папин ехидно сообщает:

— Даже и не знаю, добрый ли?

Сердце учащенно бьется. Мне стыдно за отца. Исчезнуть отсюда хочется. Хоть куда, лишь бы подальше от этого позора! Думаю лихорадочно, как положение спасти? Как успокоить отца, этот его торнадо, спрятанный под напускным спокойствием. Как назло, ничего в голову не лезет, кроме фразы: «А где у нас тут валерианочка?», но я малодушно молчу. Влад сухо осведомляется:

— Я не вовремя?

— Да нет, вовремя! Самый подходящий момент, чтобы выяснить, что ты за птица!

Отец немигающим взглядом буравит нежданного гостя. Пытаясь сломить его, под себя прогнуть. Атмосфера накаляется все больше, скоро молнии полетят и грянет гром. Влад тяжелый взгляд невозмутимо выдерживает. Аккуратненько пирожное берет и откусывает со вкусом. Указывает на сладости и предлагает:

— Угощайтесь, не пожалеете! Вкусотища!

Я хватаю безе из солидарности, хоть и обьяелась, начинаю бесцеремонно хрумкать. Ерзаю на стуле, непоседничаю тоже из солидарности. Мама принимается хлопотать вокруг отца, приносит ему чашку. Чай мятный подливает. Хочет ему суп подогреть. В этой суете дезориентирующей, сумбурной ему тяжело узды контроля в своих руках удерживать. Угнетать, давить своим присутствием не получается. Отец на минуту теряется. Потом осведомляется, голос повысив:

— Как тебя звать?

— Владислав Ерохин. А вас?

— Для тебя я Олег Владимирович, — отец недовольно морщится. Ему не нравится реакция Влада. Не тушует парень, ведет себя естественно. — Вот что, Владислав Ерохин! Объясни-ка мне, что у тебя с моей дочерью общего?

— Мы вместе учимся в университете, Олег Владимирович.

— На одном курсе?

— Не совсем. Но я тоже учусь на инженерном факультете, как и Мира. Мы часто пересекаемся.

— И как же вы пересекаетесь, интересно?

— В библиотеке, в столовой. В аудиториях даже.

Влад по грани ходит. В тон отцу отвечает. Вроде вежливо все, не подкопаешься, но при этом понятно сразу, что ерничает парень. Отец не привык к отпору. На стройках у себя он самый главный. С партнерами седовласыми он на равных говорит. А тут юнец едва знакомый осмелился его тон ироничный подхватить.

— Знаешь ли ты, Влад Ерохин, что у моей дочери уже есть парень?

— Мира, у тебя есть парень? — Влад насмешливо, в шутливом удивлении на меня тарашится. Я ему тут же подыгрываю:

— Есть, представь себе! Даже больше тебе скажу! Вы с ним уже знакомы!

— Не может быть! Когда мы успели?

— Помнишь двойное свидание? Ты со своей девушкой в ресторан пришел, а я с Максом. Там вы и познакомились!

Пока с Владом хохмим, отец нахмурившись переваривает услышанное. Фразы про двойное свидание специально вворачиваю, чтобы его хоть немного сбить с толку. Увидев, что орешек твердый ему попался, отец пускает в ход тяжелую артиллерию:

— Мира, отойдем на минуту.

Он не просит, а приказывает.

Поднимаюсь и иду вслед за ним в свою комнату. Когда захожу, дверь за мной плотно закрывается. Внутренне готовлюсь к натиску и не напрасно.

— Я не потерплю, чтоб моя дочь хвостом крутила направо-налево, — цедит сквозь зубы. — У тебя уже есть Макс.

— Кто так решил? — спрашиваю возмущенно. — Мы с ним только знакомимся. Четыре раза всего встречались! Брачных обетов друг другу не давали. Он мне не муж. Я к нему все еще присматриваюсь, папа.

Отец качает головой упрямо. Такой ответ его не устраивает.

— Пока ты встречаешься с Максом, никаких Владов у тебя не будет.

— Ладно, — говорю со злостью. — Ты мне помог определиться. Больше с Максом я не встречаюсь. Прямо сейчас могу позвонить, отменить сегодняшнюю встречу. Хочешь?

Отец к стене подходит и кулаком ее припечатывает. Злой, как черт. На месте удара замечаю небольшую трещину. Не верю своим глазам. Это сон, кошмар какой-то? Он, как усатый диктатор сейчас поступает. Шаг влево, шаг вправо — расстрел. Грубо отчеканивает:

— Поговори еще с отцом в таком тоне! Дерзкая стала в своем универе? Может, пора тебе заканчивать мозги коптить? На работу устроить уборщицей?

В этот момент дверь открывается, мама заглядывает осторожно:

— Олег, там Влад уходит уже. Надо с гостем попрощаться.

Я бегом направляюсь к Владу. Танком мимо родителей прорываюсь, боюсь, что остановят меня в любой момент. В глазах слезы стоят. Папа меня сейчас по больному ударил. По самому уязвимому. Грозит у меня желанную профессию отобрать, любимого дела лишиться. Из-за дурацкой выгоды готов судьбу дочери искорректировать.

Влад стоит в прихожей уже одетый.

— Прости, — говорит вполголоса, еле слышно. — У тебя из-за меня проблемы.

- Не переживай! — очень хочу его обнять, но, и не оборачиваясь, знаю, что за нами отец наблюдает. Смотрю на Влада в отчаянии. Если бы умела телепатически общаться, сказала бы ему, что он мне очень дорог! Что ценю безмерно то, что пришел ради меня в логово льва, не побоялся! Что его присутствие со мной рядом, как воздух сейчас необходимо. Но с родителями за спиной только и могу, что пролепетать:

— Я рада, что ты пришел! Честно-честно! Увидимся в универе!

Влад кивком прощается и уходит.

Почти в ту же секунду раздается гудок домофона. Кажется, это Макс.

Глава 13. Макс

Поднимаясь по лестнице, сталкиваюсь со старым знакомым. Мирин «друг» как раз из ее квартиры спускается. Глянул на меня, как на заклятого врага, взглядом окрысившимся, и дальше пошел. Невыносимо, до зуда в ногах, хотелось его догнать, поинтересоваться, что у него общего с моей будущей женой, но пришлось себя одернуть. Рано пока права качать. Придется все слова в куплете допеть — только тогда главный приз получу! Зубы сжал, и вперед потопал, к своей принцессе. Единственное утешение, приятно нервы мазнувшее, — видок у него не шибко радостный. Видно, встреча с ней неудачно прошла.

Когда зашел в квартиру, увидел, что рады мне не все. Старшие Самохваловы улыбками зашлись, приветствовали, как дорогого гостя. А Мира только минут через десять появилась, с глазками заплаканными. На меня не смотрит даже, взгляд отводит. Что за хренотень? Неужели тот придурок ее довел, с которым я на лестнице пересекся? Хотелось ее утешить, но при родителях пришлось все приличия соблюсти.

— Мира, ты фея. Я околдован.

Она сухо кивает и куда-то влево от меня смотрит:

— Спасибо. Я вообще-то хотела спросить, во что мне одеваться? Ты же опять не предупредил, куда мы идем!

Упрек в ее голосе больно резанул. Что-то случилось. Но неясно, что. И от этой неизвестности в душе неприятно саднит.

— Клубный стиль подойдет.

Мира удивляется. Настолько, что вопросительно смотрит мне в глаза и уточняет:

— Мы в клуб пойдем?

Уклончиво отвечаю:

— Не только. Скоро увидишь.

Через десять минут девочка моя выходит в обтягивающем черном платье по колено. Волосы распущены. На лице из косметики только помада. При виде ее фигуры соблазнительной, с совершенными изгибами, свежего, невинного лица, все заготовленные комплименты сразу из башки выскакивают. Пялюсь на нее, как дурак, в безвмолвном восхищении. Только руки развожу и признаюсь:

— У меня слов нет, как ты хороша.

Самохвалов рядом стоит, усмехается:

— Доверяю тебе свою доченьку. Надеюсь, Макс, доверие мое оценишь по достоинству и не подведешь!

Мира накидывает пальто, и мы выходим на улицу. К вечеру подморозило. Слякоть превратилась в скользкий, неровный лед. Девочка моя идет очень медленно, балансирует, как эквилибристка. Подхватываю ее за руку, чтобы подстраховать от падения, и довожу до машины. Всю дорогу молчим. Мира так внимательно в боковое окно смотрит, будто бестселлер в нем читает. Вырывать ее из своих дум не хочется. В тишине на нее поглядываю, люблюсь точным профилем.

Приезжаем в ресторан в центре города. На входе он выглядит обыкновенно. Но есть там особая комнатка, которой сегодня предстоит сыграть немаловажную роль.

Расторопный администратор проводит нас к столику. Предупреждает, что сейчас нам предстоит ужин в темноте. Показывает, как будут расположены столовые приборы. Просит

не доставать телефон, не махать руками и не делать резких движений. Нас проводят к раковине, чтобы помыть руки, а потом к двери, где велят построиться гуськом, положив руку на плечо впереди идущему. В начале нашей процессии идет официант с прибором ночного видения, затем Мира, а замыкаю шествие я.

В темной, практически черной комнате нас с Мирой рассаживают вокруг стола. Я настоял заранее, еще во время заказа, чтобы мы сидели как можно ближе друг к другу. Интересуюсь мнением моей птички, нравится ли ей происходящее.

— Ты однозначно меня удивил, Макс! Я еще ни разу не ела в крошечной тьме.

В голосе звучит осторожный оптимизм. Она напряжена, но бодрый настрой присутствует. Прошу ее:

— Скажи еще что-нибудь, я попробую оценить, насколько ты далеко.

Осторожно двигаю в темноте руками, пытаюсь определить ее местоположение. Но она вне зоны досягаемости. Черт бы побрал администратора! Ведь говорил же ему посадить нас поближе! Незаметно двигаю стул в сторону Миры. Пробую еще раз. Медленный взмах руками, и я натываюсь на ее нежную, теплую кожу. Слышу насмешливый голос:

— Твои руки на моей шее! Ты же не собираешься меня задушить, воспользовавшись темнотой?

Отвечаю ей в тон:

— Нет, конечно! Ты же мне не изменяла?

К своему удивлению, слышу, как меняется ее интонации. Ни капли легкости не остается. Серьезно меня просит:

— Макс, твои руки на моей шее... Мне не очень комфортно.

— Сейчас мы это исправим.

Обвожу пальцами линию плеч и медленно, осторожно спускаюсь к изгибу локтя, затем к запястью, и переплетаю наши пальцы. В темноте предрассудки стираются, размываются границы. Она отвечает мне легким пожатием и какое-то время мы держимся за руки. Эйфория предвкушения разливается по телу. Но я крепко держу себя в узде. Один неверный шаг и я все испорчу. Продвигаюсь сегодня неспешно, осторожно как сапер по минному полю.

Через какое-то время, мы ощущаем легкое дуновение воздуха от перемещения официанта. Он двигается беззвучно. До моего носа доносятся соблазнительные запахи морепродуктов.

Левой рукой шарю перед собой, нахожу тарелку, которую официант умудрился незаметно поставить напротив меня. Пальцы натываються на роллы.

— Нам принесли еду, — сообщаю вслух и немного отстраняюсь. Чтобы есть в темноте, потребуются обе руки. Каждому из нас.

— О! И мне тоже! Тепленькое что-то! — звонко щебечет моя птичка. — Меня только одно смущает. Зачем ты заставил меня вырядиться для клуба. Можно было сюда и в старом свитере прийти — все равно никто не увидит.

— Этот ужин — всего лишь начало, — обещаю. — Когда поедем, отправимся в клуб. Он здесь на втором этаже, долго идти не придется.

Мы нащупываем роллы, отправляем в рот и гадаем, какая у них начинка. Вкусовые рецепторы погружаются в рай. В темноте восприятие вкусов обостряется вдвойне, а то и втройне. Творение шеф-повара кажется как минимум шедевром.

Когда нам приносят десерт, приступаю к основному плану.

— Тебе нравится это белое вино? Хочешь, угадаю марку?

Недолгое молчание и неуверенный голос:

— Но это красное вино, Макс. Я, конечно, в винах не разбираюсь, в отличие от тебя, но уж белое от красного точно могу отличить!

— Не может быть! Неужели они нам разного вина налили? Протяни мне свой бокал! Я по запаху определю.

— Хорошо. Итак, приготовься. Я медленно вытягиваю свою руку. Все, мой бокал по максимуму приближен к тебе.

Быстро взмахиваю рукой, натываюсь на нее и чувствую, как влажная прохлада расплзается по рубашке и брюкам. Слышу растерянное:

— Ох! Макс! Прости! Я, кажется, на тебя вино расплескала?

— Ничего, — смеюсь. — Не переживай! Я сам хорош! Но в качестве расплаты с тебя поцелуй. Разрешаю не слишком прицеливаться. Куда попадешь — туда и ладно!

Теперь в голосе Миры слышу веселый азарт:

— Это даже интересно. Куда меня занесет? Так. Молчи. Не шевелись. Сейчас попробую тебя найти.

Ее руки медленно двигаясь, упираются в мое плечо. Продвигаются вверх легкими касаниями и доходят до шеи. От этих невесомых поглаживаний в теле вспыхивает нетерпеливый, жадный огонь. Штаны под ширинкой дымятся нешуточно. Даже влага, поначалу неприятная, вносит приятную изюминку в букет ощущений. Наконец чувствую ее губы на своем лице. Как крылья бабочки они порхают по коже, небрежно сметая последние остатки разума.

Чуть задираю голову и наши губы встречаются. Хочу ее прямо сейчас, прямо здесь! Схватить бы ее в охапку, прижать к себе всем телом! Целовать ее взахлеб, жадно, без остановки! Испить ее хочу, всю и до дна! Еле удерживаю стон. Нельзя поддаваться порыву, никак нельзя! Если испугаю ее сейчас своим напором, снова закроется в своей ракушке. И уже не с нуля, а с минуса придется начинать. Тогда весь тщательно спланированный, подогнанный кирпичик к кирпичику вечер коту под хвост! Пальцами хватаю край стола, приказывая непослушным рукам оставаться неподвижными. Наконец, ее легкое прикосновение улетает. Каждую клетку тела пронзает жгучее разочарование. Говорю хрипло:

— Вау!

Мира смеется звонко и беззаботно. Она уже на свое место уселась.

— Надеюсь, нас не снимают камерой ночного видения?

— Ну что ты! У этого заведения не осталось бы ни одного клиента, вздумай они так шутить!

Тяжело настроиться на ее легкую волну. Тяжело болтать, как ни в чем не бывало. Когда в висках стучит, молотом пульсируя только одна мысль. Я. Тебя. Хочу.

Нажимаю на болевую точку на запястье, это помогает прийти в себя. Боль пронзает тело и возбуждение медленно спадает. Приступаю к десерту. Я собран и сосредоточен. Ведь сейчас предстоит самое неприятное.

— Мира, есть одна тема, о которой я говорил до сих пор только с психиатром. Но я не хочу между нами секретов. Или каких-то табу в разговорах. Хочешь пооткровенничать?

Голос ее опять слегка напряжен:

— Ты меня пугаешь, если честно. Хватит ли мне познаний обсуждать тайники твоей

психики? Не задевая тебя за живое, — поспешно добавляет она.

— Мне не нужен сейчас психиатр. Я хочу доверия и готов открыться тебе первым. Если ты не против, конечно!

— Что же. Я тронута. Давай попробуем, — слышу ее серьезный шепот.

— Вопрос, который я ни с кем не обсуждаю, для меня все еще самый болезненный. Ты однажды случайно на него наткнулась. И, возможно, не раз еще это сделаешь. Раз уж мы общаемся.

Помолчал немного, глотнул побольше воздуха и выпалил:

— Моя жена умерла два года назад. Ее звали Аня. Я знал ее с детства. Мы ходили в один садик. Потом учились в одной школе. И всегда дружили. Она была частью моей жизни. Такой же неотъемлимой, как вода и солнце, — перед моими глазами вспыхивает лицо моей вечной любимой жены. И также быстро гаснет. — Но через год после нашей свадьбы она заболела раком. Мы обошли всех врачей. Ездили в Германию, Израиль на лечение. Но ничего не помогало. Она умирала. Медленно, но верно. Когда она уходила, я держал ее за руку. Все наши мечты разбились вдребезги. Ни детей. Ни совместных путешествий. Ничего. Осталась только пустота.

Слышу тихий всхлип. Кажется, Мира плачет. Сам еле сдерживаю слезы, дерущие глотку.

— Я ничего не прошу от тебя. Ни советов, ни слов утешения — мне ничего не надо. Я уже их слышался. Сыт по горло. Но если вдруг тебе покажется, что меня трудно понять, вспомни мои слова. И попробуй принять, если сможешь! Обещаешь?

— Конечно. Обещаю, — слышу тихий ответ. Эти простые, искренние слова окрыляют, давая некое подобие надежды на то, что у нас может все получиться. И шаг за шагом приближают меня к моей цели.

Глава 14. Мира

После ужина нас выводят наружу и я потихоньку открываю глаза. Даже мягкий свет ламп кажется теперь слишком ярким. Рядом с собой вижу Макса. Сейчас его белоснежная рубашка выглядит плачевно. В области груди и живота она вся покрыта темно-красными разводами. И брюки тоже запачканы, как после кровавого побоища. Какой там клуб теперь, в таком виде!

Макс осматривает себя в зеркало и, глянув на меня, улыбается:

— Нам придется подкорректировать планы. Теперь у нас остается два варианта. Первый — отвожу тебя домой прямо сейчас. Что было бы жаль, ведь сегодня в клубе неплохая музыкальная программа, а билеты уже куплены. Второй — мы заходим сначала в мой офис, расположенный в соседнем здании, я переодеваюсь в чистый костюм, и тогда мы отправляемся в клуб, где отрываемся по полной.

Не раздумывая, восклицаю:

— Конечно, зайдем к тебе в офис! Не пропадать же билетам!

Не хочу заканчивать вечер, так чудесно начатый, раньше времени. И еще надеюсь чуть больше узнать о Максе, побывав в его кабинете. Там, конечно, не квартира, но ведь какие-то отпечатки его личности там должны оставаться?

Мы одеваемся и идем по дороге, усыпанной щебнем. В промежутках между зданиями, там, где дворники схалтурили, натыкаюсь на голый лед и скольжу, потеряв равновесие. С благодарностью опираюсь на Макса. Без его поддержки, наверно, уже валялась бы на льду в синяках, побитая дорогой.

На этой улице я бываю редко. Деловой квартал. Офисы, высотки преобладают, хотя до старого города с его средневековой романтикой рукой подать. Буквально за проезжей частью, по которой и сейчас машины непрерывно снуют, заканчивается асфальт и начинается брусчатка. Как будто по стыку двух времен идешь. Одной ногой в прошлом, другой в настоящем.

Направляемся в соседнее здание. У входа столик вахтера, но почему-то пустой. Макс вытаскивает из бумажника электронный ключ и тоном заговорщика объявляет:

— Мы пройдем здесь, только если вплотную друг к другу прижмемся. Пробовала так делать в детстве?

Недоверчиво смотрю на турникет. Детство-то давно закончилось! А вместе с ним и весовая категория в тридцать кило, и легкомысленные выходки с одним лишь планом "А интересно, что будет, если я сейчас...". Спрашиваю робко:

— Может, я здесь подожду?

Упрекает, одновременно вызов бросая:

— Трусишь?

Макс встает за спину и обнимает меня за талию. Своим прикосновением подчиняет. Направляет. С мыслью сбивает. Шепчет:

— Не бойся, это будет забавно!

Подносит карточку к турникету, раздается писк и мы, плотно прижавшись друг к другу, проскальзываем внутрь.

Потом, взявшись за руки, опять же по пикнувшей карточке, поднимаемся на лифте. Проходим по длинному коридору, утыканному дверьми с табличками. Открываем нужную, и

в лицо ударяет яркий свет. Чувствую, как напрягается рука Макса.

За столиком перед дверью в следующий кабинет сидит девушка. Русые волосы зачесаны в пучок, из которого торчит воткнутый карандаш. Перед ней огромная чашка, пахнущая кофе. Глаза покрасневшие, с припухшими веками. Усталое лицо без всякого выражения смотрит на нас. Бедняжка так выдохлась, что даже появление испачканного босса с неизвестной девицей в неурочный час ее не удивляет.

— Добрый вечер, Максим Александрович!

— Что ты здесь делаешь, Регина? — неприязненно цедит Макс сквозь зубы. Лицо его — застывшая маска, изображающая сурового спартанца, наверно. Куда только делся молодецкий запал, две минуты назад меня на беспечную выходку толкнувший?

— Работаю. Документацию готовлю, как вы и просили.

— В пятницу? В десять вечера?

— Ну да. Вы сами сказали, что к понедельнику все должно быть готово. Вот я и готовлю. Еще и завтра придется прийти.

— И долго ты собираешься здесь... работать? — Макс выплевывает последнее слово, как грязное обвинение.

Бедная Регина кротко отзывается:

— До двенадцати, чтобы успеть на последний автобус.

Макс приказывает:

— Сейчас же отправляйся домой! В таком состоянии ты мне всю документацию перепутаешь! Отдохнешь и завтра вернешься со свежими силами!

Девушка то ли всхлипывает, то ли вздыхает. Но соглашается:

— Хорошо. Сейчас только уберу за собой и уйду, чтобы вам не мешать.

Макс опять ее неприязненным взглядом окатывает. Хочет, кажется, что-то резкое сказать, но в последний момент передумывает. Плотно рот сжимает и молчит.

Вскоре Регина уходит, то и дело спотыкаясь на высоких каблуках, и я сажусь на ее место. Собираюсь в этом предбаннике переждать, пока Макс передевается. Не удержавшись, упрекаю:

— Да ты тиран, оказывается? Подчиненных своих не щадишь?

— Это ее работа, — сухо отзывается Макс. — Если моя секретарша не справляется со своими обязанностями, то надолго она здесь не задержится.

— Но она же старается! Это невооруженным взглядом видно!

— Мне важны результаты, а не старания, — Макс открывает дверь в кабинет и вдруг гостеприимно предлагает:

— Хочешь зайти, осмотреться?

Я согласно киваю и захожу в просторную комнату. Здесь идеальный порядок. Строгая офисная мебель, шкафы. Никаких милых пустячков, в которых проявлялся бы характер хозяина. Макс подходит к окну и поднимает жалюзи. Любуюсь прекрасным видом из окна. Башни старого города в праздничной подсветке, улочки ухоженные, окна домов горят нарядными квадратиками. За спиной слышу какое-то шевеление и раздается голос Макса:

— Я пока переоденусь быстро, чтоб времени не терять.

Могу сейчас прижаться к стеклу и за городом неотрывно наблюдать. А могу повернуться и подсмотреть немного за Максом. Соблазн изнутри меня толкается, скребется неутомно, и я, не удержавшись, ему поддаюсь. Чуть развернувшись, кошусь назад.

Макс уже передел штаны — сейчас он стоит в темных брюках. И рубашку грязную

скинул на пол, ищет в шкафу новую. Вид его подвижных, рельефных мышц на спине завораживает. Как будто античная статуя ожила. В горле вдруг пересыхает. Мне бы водички сейчас! Стащив, наконец, с вешалки рубашку, он поворачивается ко мне и я заливаюсь краской. Стыдно, что подглядываю. А глаз отвести от него не могу! Его мощный торс весь бугрится мускулами, можно на уроке анатомии мышцы по нему изучать. Так и хочется потрогать, настоящий ли?

Он бросает чистую рубашку на стол, подходит поближе:

— Я тебя не смущаю?

Качаю головой из стороны в сторону. Смущаешь, конечно, — не то слово! Ты мою кровь бомбой атомной взрываешь! Я сейчас вся на молекулы распадаюсь. Все бывшие «правильно» и «неправильно» в небытие исчезают бесследно. И зачем я только обернулась? Зачем?

Он подходит ко мне вплотную и впивается в губы. Его горячая кожа мою жаром опалает. Током бьет, насквозь прошибает. С головы до пят. До кончиков пальцев.

В его объятиях патокой тягучей плыву, растворяюсь.

Время замирает в этой секунде. Все сжимая до него и меня.

Вдруг из нашей точки Вселенной нас вырывает резкий стук. Вслед за этим дверь открывается. Отпрянув от Макса, удивленно наблюдаю за происходящим. Сюр какой-то! Выдуманный чьей-то злой, коварной фантазией! На пороге стоит Регина и заявляет своим уставшим, бесцветным голосом:

— Забыла вам сказать, Максим Александрович! Я завтра к десяти в офис вернусь и немедленно приступлю к работе. Доброй ночи!

И, блеснув на прощанье довольной, торжествующей улыбкой, неторопливо удаляется.

Макс садится на край стола, кулаки сжимает. На губах недобрая ухмылка играет. Рычит еле слышно:

— Уволю с-суку!

Лицо его меняется. Наполняется злостью, черты лица ожесточаются. От напряжения на лбу выступают вены, проступает испарина. Кажется, я опять с его персональным мистером Хайдом столкнулась. Жутковато становится. Поговорить бы с его психиатром, чтоб про уровень саморегуляции узнать! Он на все неприятности так реагирует? Ежусь и тихо прошу:

— Отвези меня домой, пожалуйста! Я устала.

Время работает против меня. Миру все больше засасывает в зыбучий песок. Ее новоявленный донжуан — даже не песок, не топь болотная, а черная дыра. Попадешь туда — хрен вылетишь!

Узнав, как зовут эту гиену, первым делом гуглю: Максим Мартинсон, горуправа. В фейсбуке нахожу хронику горуправы. Сейчас все, кому не лень, даже госдепы, пиарятся в соцсетях. Его фамилия в ленте значится в сегодняшнем мероприятии. Разрезание ленточки в отреновированном доме культуры. Ответит на вопросы горожан, проведет экскурсию по зданию. С двух до трех — через полтора часа, значит.

Звоню в горуправу, чтобы узнать номер его кабинета. Мне обещают, что в его отсутствие можно связаться с его ассистентом.

Покупаю коробку конфет, корзину красиво упакованных фруктов и отправляюсь к нему на работу. Пока доеду, он как раз отправится свою ленточку разрезать.

На входе в горуправу четко называю, к кому иду, в какой кабинет. Пропускают без проблем. Поднимаюсь на лифте, Прохожу по длинному коридору к нужной двери, стучусь. Слышу вежливое «Войдите!» и захожу внутрь. Передо мной сидит девушка. В кремовой блузке, синих брюках. Классическая славянская красота. И незатейливая, и изысканная одновременно. Умная мордашка. Осведомляется любезно:

— Чем могу помочь?

— Меня интересуют условия участия в строительных тендерах.

Девушка протягивает мне бумажный квадратик размером с визитку и поясняет:

— На нашем сайте уже есть вся информация. Здесь значится точный веб адрес. У вас своя строительная фирма?

Проницательные серые глазки на меня смотрят очень внимательно. И смешинки в глазах порхают — понимает, видать, что никакой фирмы у меня и в помине не имеется! Улыбаюсь в ответ и включаю все свое обаяние:

— Пока фирмы нет. Но после университета обязательно появится! Могу я с господином Мартинсоном лично поговорить?

При упоминании о своем боссе, лицо у девушки серьезнеет. Она просит:

— Оставьте, пожалуйста, ваш телефон. Объясните цель вашего визита и я обязательно передам эту информацию Максиму Александровичу.

Изображаю некое сомнение. Объясняю, что через пол года я окончу университет, и передо мной встанет ребром вопрос. Основать свою строительную фирму или для начала на кого-то поработать, набраться опыта? Я хотел бы обсудить с ним перспективы открытия новой строительной компании в ближайшие годы. У него же в этой сфере опыта немерено! Захочет ли он откровенно об этом поговорить, посоветовать что-нибудь ценное?

Насмешливые глаза меня лучше детектора лжи прощупывают, оценивают.

— Молодой человек, уверена, ваши профессора тоже в курсе текущих дел в строительной сфере. А консультант по карьере прекрасно оценит ваш потенциал и даст необходимые советы. Зачем вы сюда на самом деле пришли? И почему бы вам свой тяжелый пакет не поставить куда-нибудь, пока мы общаемся?

Ее прозорливость только мне на руку. Думал, окольными путями придется крутиться, но с этой умницей нужно начистоту. Такая либо пошлет подальше, либо поможет, если

посчитает нужным. Достаяю из кстати упомянутого пакета фрукты, конфеты и ставлю перед ней на стол. Вижу удивленно приподнятые брови, недоверчивую улыбку. Нечасто ее, видать, такими подношениями балуют. Говорю ей, склонив голову, правду. Точнее, почти правду.

На самом деле мне нужна только ее помощь. Моя сестра встречается с ее боссом. Человеком весьма неоднозначным. Буду крайне признателен за малейшую подсказку, стоит ли с ним встречаться дальше? Достоин ли он доверия?

Девушка лукаво улыбается и непосредственно любит фруктами.

— Спасибо за угощение, конечно. Но вас интересуют личные темы. Обсуждать их в рабочее время я не имею права. Мой рабочий день заканчивается в шесть вечера. Вот мой телефон, — она протягивает мне визитку. Такую же кремовую, как ее блузка. — Если желаете, звоните, ближе к вечеру. Встретимся — тогда и поговорим!

Удаляюсь оттуда, торжествуя. Хоть какой-то результат!

Расчет мой прост. Такой хищник, как он, проявляет свою звериную натуру, в первую очередь, с подчиненными. Пообщаться с его секретаршей сам бог велел!

Устраиваюсь в соседнем торговом центре на скамейке рядом с эскалатором. Пока жду вечера, занимаюсь в нотбуке. В качестве подработки пишу на заказ курсовые. Помимо заказных работ приходится и свои задания отрабатывать на отлично. Сейчас каждая минута для меня — ценный ресурс. Тратить ее на ерунду — непозволительная роскошь. Погружаюсь в материалы с головой и вскоре перестаю обращать внимание на мельтешение людей. Сосредоточенно выделяю места, которые позже лягут в основу курсовой.

Через пару часов, когда башка закипает от перегруза, встаю, чтобы встряхнуться. Перекусив по-быстрому в бистро, пробую снова нырнуть в электронные книги, но на сей раз фокус не удается. Чем ближе встреча с Региной, тем тяжелее концентрироваться. За час до встречи сдаюсь и, запихнув нот в сумку, отправляюсь на выставку имбирных пряников. Особый шик — в без пяти минут сессию ходить по рождественской выставке, вдыхать пряный запах специй и таращиться на съедобные экспонаты наравне с остальными зеваками. Сравнить фигурные средневековые домики с объемными три д драконами и поражаться мастерству кулинаров.

К шести часам созваниваюсь с Региной, приглашаю ее в просторное кафе на первом этаже. Предварительно проверяю ассортимент на витрине. Выбор здесь огромный! От безглютеновых, безлактозных пирожных до веганских пирожков. Надеюсь, смогу угодить, и девушка разговорится.

Регина вскоре подбегает ко мне с моим же пакетом. Смеется:

— Я в течение дня твою фруктовую корзину сильно облегчила. Питалась одними фруктами, а значит могу позволить себе мучное.

Переход на «ты» обнадеживает. Хорошее начало. Мой неформальный вопрос требует неформального общения.

Ее указательный палец летает перед витриной со сладким, выбирает. Заказывает себе безглютеновое пирожное, как я и думал. У таких умных, целеустремленных девушек, как она, даже к еде отношение избирательное. Им обязательно что-нибудь да нельзя!

Повесив верхнюю одежду на вешалку, садимся за уютный столик. В центре него вокруг ярко-красной рождественской звезды горят искусственные свечи.

— Повтори-ка, пожалуйста, свой последний вопрос, — просит она, аккуратно отхлебывая зеленый чай.

— Ты бы посоветовала своей сестре такого мужчину, как наш общий знакомый?

Она хихикает.

— Если бы у меня была ненавистная мне сестра, то обязательно посоветовала бы!

— А что бы ты предложила любимой сестре?

Регина отрывается на миг от кондитерского чуда и внимательно смотрит на меня. Чуть прищуривает глаза.

— Она ведь не сестра тебе, да? Опиши-ка ту девушку, за которую ты беспокоишься!

— Красивая, стройная. Темные волосы, карие глаза, мне по плечо.

— Кажется, я ее в нашем офисе видела. В пятницу вечером. Они конкретно так с боссом сблизилась, но я их на самом интересном месте обломала. Рассчиталась с ним за обломанный пятничный вечер.

От этой новости дыхание сперло. Неужели и правда о моей Мире речь? Пытаюсь не думать об этом. Гоню прочь ядовитые мысли, беспощадно разъедающие мозг. Фокусируюсь на главном.

— Почему бы ты такого парня любимой сестре не пожелала?

— Да потому что он грубый деспот и доставучий педант с дурным характером, — на этих словах она принимается кромсать на куски салфетку с изображением гномов. — Его, похоже, вежливости совсем не научили в детстве! Слов «спасибо», «пожалуйста» он вообще никогда не произносит. Когда что-то надо, только приказывает. Причем в жесткой форме. При этом он становится совершенно другим человеком, когда надо кому-то понравится. Со своим начальством он воплощение харизмы и обаяния. Хамелеон, одним словом! Не знаю, как ему удастся сочетать в себе две противоположные ипостаси. Я иногда думаю: может, у него биполярное расстройство какое-нибудь? Или раздвоение личности?

Регина вопросительно смотрит на меня, как будто мне известны ответы. Но я лишь пожимаю плечами. И снова интересуюсь:

— Подкинешь примеров? Как бы ты свою сестру убедила в том, что он ее не заслуживает?

— Как, как?! Сказала бы, что красивая упаковка не компенсирует бомбу в подарок. Я тебе и так слишком много наговорила! Уж конкретных примеров, историй из жизни офиса рассказывать не буду, прости! Если хочешь узнать о нем больше, пообщайся с его родителями. Они в Виимси живут. От Таллинна недолго добираться. Его отец известный юрист Марек Мартинсон. До сих пор консультирует.

Она вдруг решительно подсакивает со стула, хватая свое пальто и начинает одеваться. Сплошной сгусток энергии! К тому же ума и проницательности палата! Мне в голову приходит неожиданный вопрос:

— Почему ты у него работаешь? Ты ведь с легкостью могла бы себе найти другую работу!

— Конечно, могла бы! Но я решила, что мне выпал прекрасный шанс научиться уживаться с сатрапом. Дала себе год. Если выживу, ничто и никто меня больше не сломит, — накинув шарф, она победно улыбается, — Ты прости, я должна бежать. Ко мне скоро подруга в гости придет. По дороге домой еще в магазин надо заскочить! Рада была поболтать! Если «сестра» тебя продинамит, звони! Номер мой знаешь!

Помахала небрежно рукой и убежала из кафе. Хорошая девочка. Ветерок весенний напоминает. Такая же свежая, теплая и легкая.

Инфы не много, но главное я услышал. Все мои опасения подтвердились. Он мою Миру в свой трофейный список не получит. Не заслуживает он ее, однозначно!

Глава 16. Мира

— В общем, странно я себя чувствую, Ир. С одной стороны, он классный, эффектный! В хорошем настроении, он даже засохший гриб умудрится очаровать. В такие моменты я теряю с ним голову. Но, когда голова включается, мне ужасно хочется от него отстраниться и наши отношения включить на минимальную мощность. Я ведь его так плохо знаю! По сути, только то и знаю, что он захотел про себя показать.

Мы сидим на широком подоконнике в длинном коридоре университета. Сбросив обувь, забрались на него с ногами и прижимаемся к прохладному стеклу. За окном уже темно, только фонари горят. Тихо, спокойно вокруг. Кто-то все еще учится, но большинство студентов разошлись по домам. У нас тоже должна сейчас идти лекция по истории искусства. Мы уже находились в аудитории, разложив перед собой конспекты, как вдруг представшая перед нами преподавательница, потирая покрасневшие глаза и сжимая ворох салфеток в руке, неожиданно прогнусавила:

— А хотите бесстыже прогулять эту пару? Предупреждаю, я сегодня слишком слабохарактерна, апчхи! и о вашем прогуле никуда сигналить не буду.

Неслыханная удача! Всех, конечно, как ветром сдуло! Никогда на моей памяти студенты из аудитории быстрее не исчезали! Заскочив в буфет, мы купили с Ирой по бутерброду и устроились на подоконнике секретничать.

Подруга склоняет голову, пока слушает мои сбивчивые откровения. Рыжие пряди при этом спадают ей на нос и она, смешно отфыркиваясь, отбрасывает их с веснушчатого лица. Пока я говорю, она оперативно справляется со своим бутербродом и теперь, стоило мне замолчать, спрашивает:

— Вы проходили в школе по природоведению такой цветок, венерина мухоловка называется?

Мотаю головой. Что-то не припомню.

— Очаровательный, необычный цветочек. Красный внутри и зеленый снаружи. Так вот, это создание привлекает к себе насекомых красивым красным пигментом, а также ароматной субстанцией, напоминающей нектар. Когда насекомое садится на цветок, он захлопывается и потихонечку переваривает своего гостя.

— Фу, — морщу нос, вообразив себе эту картину. — Почему ты сейчас об этом вспомнила? Планируешь испортить мне аппетит, чтоб мой бутер отобрать?

— Нет вообще-то! Твой парень разлюбезный мне сильно напоминает этот самый цветочек. Привлекательный прикид, но только для того, чтобы заманить в свои сети такую чудесную девочку, как ты! А потом слопать!

Она легонько щелкает меня по носу. Ее слова звучат так феерично и неправдоподобно, что на всякий случай уточняю:

— Ир, ты ведь мне не из зависти это говоришь?

Она смеется.

— Тю! Еще спрашиваешь! Конечно, я завидую и даже не скрываю! Я бы и сама хотела, чтобы ко мне подкатил какой-нибудь мажорчик и увез меня в голубую даль на алых парусах! Но моя зависть никоим образом не мешает смотреть на ситуацию трезво и тебя оберегать! Понимаешь?

Киваю и улыбаюсь в ответ. Ира честная, за это ее и люблю. Если завидует — говорит

открыто, если злится, то все об этом знают. Но и если нужно узнать адекватное мнение со стороны, то она для этого наилучший кандидат. Доедаю свой пирожок, облизываю губы и задумчиво говорю:

— И Влад мне то же самое талдычит. Родители наоборот уверяют, что Макс — моя самая большая удача. Выигрыш в лотерею. Вот и думай, кто из вас прав!

Ира смеется и несогласно качает указательным пальцем.

— Тут и думать нечего! Я права, конечно! И Влад тоже! Сама посуди! Нам с Владом от Макса ничего не светит. А твой отец сразу сказал, что парень влиятельный, тендеры распределяет. Твой предок — лицо заинтересованное, а значит и не слишком объективное!

— Даже если вы и правы, как мне с папой разговаривать? Все мои предчувствия и мелкие огрехи Макса для него не в счет!

— Ну так мы ж никуда не торопимся! Ты пока сильно своим бизнесменом не увлекайся! Понаблюдай за ним сначала, познакомься с его родней, с друзьями! Оцени его поведение в разных обстоятельствах. Вот и наберутся доказательства для отца. Сама увидишь!

Мы встаем с подоконника и идем к гардеробу одеваться. Помимо сегодняшних учебников, я набрала в библиотеке дополнительных книг по архитектуре. Рюкзак распух от солидных фолиантов и теперь сильно врезается в плечи ремнями. Скидываю его и несую в руке. Теперь уже лямки врезаются в ладонь и я недовольно морщусь. Орудие пыток какое-то! Если бы Влад шел рядом, он бы обязательно водрузил этот балласт себе на плечо! Но его здесь нет и его отсутствие обидно царапает настроение. Роняю рюкзак на пол и с досадой его пинаю. Проскользив пол метра по скользкому линолеуму, он останавливается. Со вздохом вскидываю его на спину и догоняю подругу.

Уже надевая куртку, крутясь перед зеркалом в вестибюле, Ира вдруг интересуется:

— Ну что, нашел твой Влад себе девушку?

— Не знаю. Вроде нашел. Но кто она, пока не сказал.

Вижу, как в зеркале отражается фирменная Ирина улыбка, с многозначительно приподнятыми бровями. Означающая: «Ага! Я так и думала!»

— И не скажет, пока ты с Максом мутишь!

— В смысле? При чем тут Макс?

Но она лишь пожимает плечами. Объяснять и не собирается. Ненавижу, когда она так делает! Говорит «А», а «Б» говорить отказывается.

Мы обнимаемся и расходимся в разные стороны. Ира живет почти в центре города, а я в спальном районе, и домой мы ездим с разных остановок. Вскоре подъезжает полупустой автобус, и я забираюсь на заднее сидение, поближе к окну. Еду и потерянно разглядываю мелькающие мимо пятиэтажки. Старые хрущовки — в такой моя бабушка раньше жила. Их все время в порядок приводят. То фасад реновируют, то трубы новые проводят. А дома все равно ломаются: сегодня одно откажет, завтра другое. Так и наши отношения с Максом. Все время их чинить приходится. Только одну неприятность исправим, как уже другая на подходе. Без передышки ремонтируем. Надолго ли нас хватит? Набираю номер Макса. Его обрадованный голос греет сердце. После первых приветствий предлагаю:

— А давай мы с тобой на этих выходных к твоим родителям съездим?

Слышу долгую паузу. В ней громко звучит невысказанное недовольство. Наконец, он кисло интересуется:

— Зачем это тебе?

— Как зачем? Хочу познакомиться с твоей семьей. Хочу с твоей мамой на диване

сидеть и твои детские фотки рассматривать! Обещаю, на самых откровенных буду зажмуриваться!

Он мой шуточный тон не поддерживает и не одобряет. Отвечает, как будто топором отрубает. Каждое слово — отказ с жирной точкой.

— Мира. Я не собираюсь тебя с ними знакомить. Нас связывают не слишком приятные воспоминания. Надеюсь, ты поймешь.

Бормочу, что да, пойму. Вновь прошу:

— Давай тогда с друзьями куда-нибудь сходим в субботу?

— Это значит, что одного меня тебе уже мало?

Строгий голос режет на части. Упрекает, обвиняет в том, чего нет. Мы скомканно прощаемся.

Хорошо ему. Когда что-то не нравится или не устраивает, заявляет просто: «Неприятные воспоминания. Ну ты же поймешь!» И ожидает, что я отступлю. Все приму и шагну навстречу. Буду кроткой, послушной, безропотной. В душе чувство протеста нарастает. Однобокая какая-то выходит справедливость! Для него слишком удобная! Если с ним останусь, мне всегда по такому сценарию жить придется? Всю жизнь?

Набираю номер Влада. Отвечает почти сразу. Голос встревоженный почему-то.

— Мира? Привет! У тебя все в порядке?

— Да, — подтверждаю с мрачной решимостью. — Хочу навестить родителей Макса без его ведома. Поможешь мне это проверить?

Глава 17. Мира

Мы с Владом уже пол часа, как в дороге. Он за рулем, а я на соседнем сидении за штурмана. Держу телефон, включив навигатор, просчитываю направление дороги. Непривычно. Несколько месяцев общаемся, а впервые с ним вместе куда-то едем.

Сегодня пятница. Мы пропускаем последние лекции перед сессией. Было совестно просить об этом Влада, но я дошла до пределов своей терпеливой эмпатии, за которой кончается лощеная дипломатия, и начинаются бои без правил.

Пятничным утром поток машин интенсивный. Неотрывно смотрю в боковое окно. По соседней полосе нас обгоняет синяя легковушка. К заднему стеклу прижимает свой носик улыбчивая девочка. Крошечной ручкой мне машет, что-то пытается сказать. Машу ей в ответ.

Проезжаем памятник Русалке. Жадно вглядываюсь в узкую полосу моря. Оно сегодня выглядит неприветливо под серым, нахмуренным небом. Воинственно гонит к берегу пену на оголенные нервы камней. Ежусь неуютно. Очень надеюсь, это не знамение, намекающее на предстоящий прием!

Механически отлавливаю изменение маршрута и предупреждаю:

— Через триста метров поворот направо.

Влад ловко перестраивается на правую полосу.

Оказывается, ему больше меня известно про родителей Макса. Например, как зовут его отца и кем тот работает. Откуда информация — не признается. Только смеется и говорит, что хороший филер своих источников не выдаст.

Отец Макса юрист, и меня это смущает. «Юрист» звучит властно, интеллектуально, денежно. Я его родителей совсем по-другому представляла, раз они на финансовом обеспечении сына.

Подъезжаем к двухэтажному дому, окруженному забором. Припарковав машину, выходим. На солидных коричневых воротах встроены домофон. Табличка по центру гласит: «Марек Мартинсон, юрист. Консультации по семейному праву.»

Нажимаю кнопку дрожащим пальцем, на Влада стараюсь не смотреть. Выгляжу, наверно, безумно. Он меня к себе за плечи разворачивает, ловит мой потерянный взгляд и обещает: «Иголка быстро в палец вонзится и все, боли нет! Чуть-чуть потерпишь, и скоро это закончится.»

Внезапно домофон то ли кашляет, то ли шипит. Затем раздается приятный женский голос:

— Здравствуйте! Чем могу помочь?

— Доброе утро! Я девушка Макса. Приехала с вами познакомиться. Можно?

Слушаю молчание в ответ. Тишина слишком давит. Начинаю зачем-то про себя считать. Раз, два, три, четыре, пять... Досчитав до семнадцати, слышу, как домофон начинает верещать. Пока я, вздрогнув слегка, привыкаю к резкому писку, Влад проворно открывает калитку. Пропускает меня, а сам снаружи остается. Так мы изначально договорились.

Прохожу внутрь по выложенной камнем дорожке. Жадно осматриваюсь. Ищу подсказок. Что за люди здесь живут? Машинально отмечаю изысканное сочетание темного сайдинга и белого камня на фасаде дома. Большие панорамные окна — дом сделан со вкусом и знанием дела. Радуют глаз зеленые, разлапистые кусты можжевельника, высаженные вдоль дорожки.

Дверь открывает приятная, миловидная брюнетка лет сорока пяти. Выглядит дорого и ухоженно. Слегка покрашена, укладка свежая на волосах. Поверх белой блузки накинут теплый бежевый кардиган. Нитка жемчуга на шее придает ей нотку аристократичности. Неужели она у себя дома так каждый день одевается?

Чем ближе к ней подхожу, тем шире открываются ее глаза. В них, как в калейдоскопе мелькает тревога и смятение. Почему мой вид ее так потряс? На миг ощущаю себя фриком, Франкенштейном в зеленом пальто и желтом шарфике.

Захожу в просторную прихожую. Темный дубовый паркет блестит от чистоты, светлые стены, вперемежку с белым вкраплением встроенных шкафов. Здесь красиво, светло, уютно. Чтобы такой уровень жизни поддерживать, нужны немалые деньги. Неужели Макс настолько щедр с родителями, с которыми даже свою девушку знакомить не хочет? Все сильнее диссонанс чувствую. Не совпадает картинка в этом пазле.

Женщина проводит меня к столику в гостиной, а сама удаляется на кухню, чтобы приготовить кофе. Тем временем я устраиваюсь на прохладной коже дивана.

Через десять минут на прозрачном кофейном столике стоят две дымящиеся чашки капучино и тарелка с имбирными пряниками. Обращается ко мне любезно:

— Меня зовут Ева. Мой муж, к сожалению, не сможет к нам присоединиться. А вас как прикажете величать?

Представляюсь. Ева бросает на меня быстрый взгляд и сообщает:

— Я, разумеется, ничего против вас не имею. Но предпочла бы, чтобы рядом с вами сейчас сидел мой сын.

— Здесь я с вами полностью солидарна, — отзываюсь кивая.

Отпив глоточек капучино, говорю виновато:

— Простите, что без предупреждения. Но мне казалось почему-то, что вы бы не согласились меня принять, позвони я заранее.

— Что же. У вас неплохая интуиция, — кивнула она. — Итак? Вы девушка Макса? Как давно вы знакомы?

— Недолго, несколько недель всего.

По лицу ее пробегает тень. Думает, наверно, что несколько недель в статусе девушки — это никакой и не стаж вовсе! По крайней мере, не повод, чтобы вот так внезапно к родителям парня заявиться. Полной дурой себя ощущаю. Начинаю от волнения тараторить бессвязно:

— Наверно, я чуть больше о себе расскажу, если позволите. Я студентка Галтехы. Учусь на архитектора. У моего папы строительная фирма, он с Максом на работе познакомился, а потом и нас познакомил. У вас такой красивый дом! При первом же взгляде на него испытала восхищение. Вы сами проект придумывали? Или дизайнер?

Ева улыбается, наконец-то.

— Вы угадали, Мирослава. Я сама придумала дизайн. И внешний и внутренний. Всю жизнь творила красоту для других, а на старости лет и для себя захотелось постараться.

— Удивительно красиво получилось! А Макс тоже нравится этот дом?

Она пожимает плечами небрежно и улыбается:

— Почему бы вам у него это не спросить?

Похоже, женщина не собирается откровенничать о сыне. Но я должна разобраться, понять для себя, есть ли у нас общее будущее! Каждая капелька информации о нем сейчас на вес золота. Спрашиваю снова:

— У Макса произошла в жизни трагедия, потеря жены. Хочу его поддержать, но не знаю, как себя вести. Могу ли я что-то конкретное делать или не делать, чтобы помочь ему забыть Аню? Ваш совет как мамы был бы мне очень кстати!

— Вы хотите помочь Максиму забыть Аню?

Она в недоумении таращится на меня.

— А кто вам сказал, что мой сын ХОЧЕТ ее забыть? Если бы он хотел, то точно вас бы не выбрал!

В ужасе ее слушаю. Чем я такие слова заслужила?

— Почему не выбрал бы?

Она вскакивает, несется к стелажу, снимает с верхней полки альбом и мчится ко мне. Быстро листает по дороге, фотки какие-то ищет. Вот уж не думала, что фотографии мне мама Макса в таком переполохе показывать будет. Протягивает мне тяжеленный альбом и торжественно восклицает:

— Извольте! Сами смотрите!

В исступлении хватаюсь за толстый картон страниц. С фотографии на меня смотрит девушка, как две капли воды похожая на меня. Тот же разрез глаз, овал лица, форма губ, бровей. Мой однозначный двойник. Однояйцевая близняшка, которая доверчиво к Максиму прижимается. Веселому и беззаботному. Провожу пальцем по матовой картинке. Стереть ее хочу, чтобы не видеть больше.

— Я не она, — зачем-то говорю.

Ева нетерпеливо кивает. На ее лице возникает непонятное выражение. То ли досада, то ли тревога. Раскаивается, что проговорила? Боюсь до жути, что сейчас она закроется и ничего больше не скажет. Спрашиваю ее без обиняков, чувствую, что терять мне больше нечего:

— Скажите, почему Макс к вам не хочет ездить?

Прежде, чем она успевает опустить глаза, замечаю в них боль. И злость. Понимаю, что попала в точку. Ева поднимается, разглаживает складки на юбке, заявляет:

— Полагаю, на сегодня достаточно вопросов, вы не находите?

Я тоже встаю с дивана, но уйти без ответов не могу. Переминаюсь с ноги на ногу. Спрашиваю:

— Макс вас содержит, но видеть вас не желает. Как такое возможно?

Лицо Евы искажает кривая усмешка:

— Содержит? Нас? Так вот что он вам наговорил?

Она кулаки сжимает так сильно, что костяшки беледнеют в тон лицу. Больно, наверно, когда сын о тебе небылицы выдумывает. И вдвойне больнее, когда слышишь их от практически незнакомки.

— Вы заблуждаетесь! Обо мне много чего говорили, но впервые в жизни объявили живущей за счет собственного сына!

— Но я не понимаю... Почему Макс так к вам относится? Почему говорит про вас неправду?

— Думаю, это его способ отомстить.

— За что?

— Не за что, а за кого! Когда Анечка заболела, мы опробовали все, чтобы ее вылечить. Заграницы, медицинские светила, доростоящие лекарства. Но ничего не помогло. Мы с мужем оплатили лечение, и об этом не жалеем. Мы очень любили девочку! Но незадолго до

ее кончины Макс попросил огромную, неподъемную сумму на какое-то лечение в Сибири. Голоданием, натуропатией и чистой экологией. Мы отказались. Все врачи утверждали в голос, что девочка скоро, уже на днях отойдет. И потом мы никогда не верили в бездоказательную медицину. Через неделю Аня умерла. Макс нам этого не простил. С тех пор винит нас в Аниной смерти. Вот вам ответ, который вы так ждали, — женщина передернула плечами, сложила руки на груди и на лицо непрístupную маску надела.

— А теперь настоятельно попрошу вас удалиться. Вы узнали от меня гораздо больше, чем я собиралась рассказывать.

Глава 18. Мира

Как сомнамбула сажусь в машину. Влад ни о чем не спрашивает, молчаливо заводит мотор, и за это я безмерно благодарна. Дает мне время прийти в себя, разложить мысли по кучкам. Из праха, из хаоса в голове вычленишь хоть подобие порядка.

Макс сломан трагедией, раздавлен в ошметки! Отрекся от родителей за то, что отобрали последнюю надежду в критичный момент. За то, что его жену похоронили и оплакали раньше времени. Такое тяжело простить и понять тому, кто до последней секунды надеялся. Теперь он еще и врет про них, пытаюсь подсознательно принизить их статус.

А меня он, как лекарство выбрал от своей боли. Но на деле я не лекарство, а наркотик ему заменяю. Тот, который теперь ему недоступен. Подойду ли ему, облегчу ли боль? Или только рецидив вызову? Никто не знает. Готова ли я вот так в омут с головой броситься? Лечить его. Терпеть его ранимость, закрытость. Сомневаюсь, конечно, но, может, и найду в себе силы. В каждой девочке есть материнский ресурс сострадания.

По идее, все, что узнала сегодня о Максе, могу понять и принять. Кроме одного. Вынести то, что он свою Аню мной заменить хочет, я точно не сумею. Я ведь навсегда для него останусь лишь подделкой настоящей любви. Ремейком. Суррогатом. И это пугает до дрожи и возмущает до трясучки.

Расстаться с ним надо. Но сердце плачет, тоской исходит, как только представлю, как ему прощальные слова говорю. Как будто беззащитному, ослабевшему от ран бойцу нож в спину вонзаю. В старую рану, в самое уязвимое, чувствительное место.

Исподтишка, подленько мысль кусает: а ведь больше не будет ни его объятий, ни поцелуев, выталкивающих в параллельную реальность, ни сладкой истомы в предвкушении встреч. Ни взглядов особенных, еще до прикосновения разжигающих огонь по коже. Все внутри сжимается от горькой досады.

На Влада, мельком взглянув, спрашиваю:

— Ты бы согласился встречаться с девушкой, с которой всегда будет сложно? Которую так жизнь потрепала, что она всегда на жизнь смотрит сквозь призму из боли?

Он, нисколько не колеблясь, отвечает:

— Если бы любил, то согласился. Всегда надеешься, что твоей любви хватит и на горе, и на радость. Но в реальности я бы таких отношений ни себе, ни тебе, ни даже врагу не пожелал! Это либо путь к святости, либо в самое пекло, на дно.

Его слова меня еще больше укрепляют в мысли, что пора с Максом завязывать. До святости, положим, я точно не дойду. Я ведь самая обычная. Нет у меня в наличии ни железных нервов для этой дороги, ни мудрости исключительной, ни жесткого внутреннего стержня, ни любви неземной! Мне к зрелости духовной, к твердому каркасу морали еще топтать и топтать! Не потяну я сейчас таких отношений.

Беру в руки смартфон, набираю номер Макса.

Его обрадованный голос по совести плетью бьет. Жжет каленым железом, подлой, малодушной эгоисткой клеймит. И все же, себя пересилив, выдавливаю из горла то, что задумала:

— Я хочу серьезно с тобой поговорить. Это довольно срочно. Можем сегодня встретиться?

Тон его сразу меняется. Слышится неприкрытая напряженность.

— Сегодня вечером я уезжаю в командировку. Билеты уже куплены, так что, прости! Никак не получится. Когда вернусь, тогда и поговорим.

— А когда ты вернешься?

— Через пару недель.

Вот черт! В отчаянии звонко хлопаю себя по коленке! Если сегодня с ним не расстанусь, то за пару недель еще сто раз передумаю. Встретиться надо сегодня и точка!

— Разговор будет недолгим, — обещаю. — Скажи мне, куда подъехать и во сколько? Ты же найдешь для меня минут пятнадцать?

Макс молчит, думает. Видимо, пытается сообразить, что за вопрос такой срочный, который никак подождать не может? Но при этом такой однозначный, что влезет в пятнадцатиминутный разговор!

— Можешь подъехать ко мне домой к семи. Пока я собираю вещи, поговорим.

Морщусь невольно. Уж лучше где-нибудь на нейтральной территории встретиться!

— Домой к тебе неудобно как-то. Может, выйдешь ненадолго? Около твоего подъезда все обсудим!

— Ну, во-первых, я не кусаюсь. Ни дома, ни около дома. А, во-вторых, у меня банально не будет этих пятнадцати минут. Я же объяснил, что иначе я собраться не успею.

— Хорошо, — решаюсь, наконец. Слишком важным мне кажется поставить точку в наших отношениях именно сегодня. Боюсь тянуть. Страшусь передумать. Через минуту он присылает мне свой адрес и я заявляю Владу:

— Собираюсь сегодня с Максом порвать.

Смотрю в его внимательные глаза, сейчас устремленные на дорогу. Хочу реакцию разглядеть. Нет ли там презрения, которое сейчас сама к себе испытываю? Его лицо светлеет, он даже улыбается почему-то:

— Решилась все-таки? Почему, расскажешь?

Отрицательно качаю головой, одновременно вбивая адрес Макса в веб планировщик маршрута.

— Может, попозже. Точно не сегодня. Мне надо вечером к Максиму домой ехать, а он в другой части города живет. На автобусе с тремя пересадками придется добираться. Больше часа в один конец. Ты сможешь меня опять выручить, довезти?

Влад кивает, но в лице снова появляется напряженность:

— Без проблем, конечно! А тебя не смущает выбор локаций для разговора? У него дома ты уязвима, как нигде. Не самое удачное место для расставания.

— Либо у него дома сегодня вечером, либо за две недели его командировки я могу передумать. Дискомфортно немного будет, сознаюсь! Но ничего, потерплю, буду настаивать на своем! Что он мне сделает? Не станет же к своей батарее приковывать!

Влад улыбается вымученно слегка и с тревогой на меня косится. Перестраховщик! Кругом видит опасность, даже там, где ее нет!

Подъезжаем к универу и оба успеваем на единственную оставшуюся пару в сегодняшнем расписании. Вбегаю в аудиторию в последний момент. Раскрываю тетрадь для конспектов. Пытаюсь записывать за лектором, но мысли утекают к предстоящему разговору. Соскальзывают то к Максиму, то к Еве все время. Вдруг ощущаю удар по локтю. Оборачиваюсь к Ире, с упреком на меня глазающей, шепчу:

— Ты чего?

— Нет, это ты чего! Нам сейчас вопрос объясняют, который точно в экзаменационных

билетах будет, а ты сидишь, ушами хлопаешь. Ничего не пишешь! Ну-ка соберись!

Ее укор приходится как нельзя кстати! Помогает сфокусироваться, возвращает с облаков на землю. А точнее, на пол аудитории. С этого момента прилежно строчу за преподам чуть ли не каждое слово. Даже Ира подглядывает и то, что не успела, переписывает.

Потом еду домой. Обед в себя быстро запихиваю и пытаюсь учиться. Мама постоянно в комнату заходит, уговаривает меня еще хоть одно хачапури съесть. Для кого она старалась? Папа по достоинству не оценит. Ему что покупные пельмени, что мамины хачапури — все одно! Отказываюсь раз за разом, и на третьей попытке мама понимает, что мой отказ окончательный. Со словами: «Ну, учись, учись тогда!» горестно уходит, тихонько прикрыв дверь.

Но, оставшись в одиночестве, легче не становится. В голове бардак. Валяюсь на кровати, обложившись книгами и конспектами. Вчитываться в буквы пытаюсь, но не получается. Буквы почему-то в лицо Маска сплетаются все время. Когда до меня доходит: я только что перепутала готику с барокко, понимаю, что это край, за которым учебы нет. Откладываю материалы в сторону и вместо них беру за смартфон. Пишу Ире:

— Пожелай мне удачи в бою! Сегодня поеду с Максом расставаться!

Моментально в ответ приходит смешная картинка:

— Дуракам везет, так что желать тебе удачи считаю излишним.

С улыбкой уже отвечаю:

— Дурак, понявший, что он дурак — наполовину гений!

— Ну, тогда удачи тебе, мой половинчатый гений!

К шести тридцати подхожу к маме на кухню. Уже в пальто и в шапке одета. Сумку на плече придерживаю. Торопливо чмокаю ее в щечку и говорю непринужденно:

— Мам, я еду с Максом встретиться. Это ненадолго, если что.

Расцветшая мамина улыбка мигом увядает на словах про «ненадолго». Эх, плохой из меня стратег, неумелый! Хотела успокоить, что скоро вернусь, что за меня волноваться не надо, а получилось наоборот. Мама хватает меня за руку, на лице тревога написана и подозрение в глазах сквозит:

— Погоди-ка! А почему ненадолго? Ненадолго — это когда соседка пришла соль занять или муку. А с парнем своим встречаться в пятничный вечер по-быстрому — это еще зачем?

— Мам, я у него муку быстренько займу и приеду!

Отшутившись, выскальзываю из ее рук. Обещаю:

— Потом поговорим, а то я опаздываю!

Подбегаю к темно-серой тойоте Влада, устраиваюсь на переднем сидении. В ожидании меня он сидит, уткнувшись в лаптоп, учится.

— Спасибо, — говорю, — что опять меня выручаешь! С меня тортик после сессии в знак моей вечной тебе благодарности!

Он тянет за какой-то рычаг, и мы трогаемся с места. Со смешком говорит:

— Нее, торт за мой развоз маловато будет. Обещай, что после сессии к моим родителям в гости съездим! Тогда будем квиты!

С улыбкой качаю указательным пальцем.

— Не проси невыполнимых вещей, чтобы реже слышать отказ!

— Отказав двадцать раз, ты устанешь отказывать и согласишься!

Затем серьезнеет:

— Мира, ты хоть подготовилась как-то? Шокер, надеюсь, с собой прихватила?

— Зачем? Сначала ошарашить парня своим отказом, а потом еще и шоком добить? Чтобы для верности?

Бравирую, куражусь, но, чем ближе к дому Макса подъезжаем, тем сильнее мне не хочется к нему домой заходить. Ненавижу людей расстраивать!

Нажимаю на домофоне номер его квартиры и, пока раздаются гудки, открываю дверь. Захожу внутрь, как в черную пропасть ныряю. Найду ли в себе силы сейчас точку поставить? Или опять многоточием встреча закончится?

Глава 19. Мира

Макс живет в новой высотке, на двенадцатом этаже. В подъезде стерильная чистота, даже пахнет приятно. Ароматом жасмина. Пока поднимаюсь по лестнице к лифту, мимо спускается женщина с дочкой. Обе приветливо мне улыбаются, вежливо здороваются. Какой-то сад изобилия и благоденствия просто! Со своими нерадостными новостями чувствую себя неуместной в этой идеальной картинке.

Когда выхожу из лифта, замечаю полуоткрытую дверь, откуда доносится спокойная, этническая музыка. На ней висит табличка с нужным мне номером. Постучав пару раз, захожу. В глаза бросается ослепляющий свет. Прищурившись, понимаю, что лампы здесь самые обычные, не прожекторы, но практически белые стены добавляют помещению яркости. Квартира оформлена в виде студии. Пространства здесь океан, но Макса нигде не видно. Замечаю три внутренних двери. Говорю нараспев, чуть повысив голос:

— Привет! Я пришла. Ты где?

Появляется Макс на пороге одной из комнат. Выглядит обалденно. Футболка подчеркивает фигуру атлета, мышцы на руках красиво играют при каждом движении. Джинсы сидят идеально, как влитые. Первый раз его вижу неформально одетым и при виде его сразу фантазия разыгралась. Голос какой-то нашептывает злорадно, искушает: любуйся, любуйся, пока можешь! Так бы он выглядел на прогулке в парке или на пикнике за городом. Столько мест, где вы с ним еще побывать не успели. А могли бы! Ну что тебе стоит сейчас передумать? Вместо новости дурной, обними его покрепче, скажи, что скучала!

Пока лихорадочно вспоминаю, почему я решила наши отношения закончить, Макс подходит вплотную, обнимает и быстро к губам моим прижимается. Щетина мои щеки ласкает, поддразнивает. Его губы горячую волну в теле пробуждают. Он не торопится никуда, мои губы исследует. Или мне только кажется так, потому что время замирает в этой точке? С трудом, еле-еле от него отрываюсь.

Все еще держа меня в объятиях, Макс захлопывает дверь за моей спиной. Слышу щелчок, и он от меня на шаг отстраняется. Предлагает снять верхнюю одежду, чтобы не перегреться. Пока стаскиваю сапоги, снимаю пальто, думаю, что сказать. С чего начать не знаю. Его поцелуй меня здорово с толку сбил. Оглядываюсь по сторонам. Идеальный порядок вокруг. Никаких следов сбров нигде. Спрашиваю:

— А где твои чемоданы?

- Планы поменялись. Командировку перенесли.

— То есть мы могли бы и завтра с тобой встретиться без всякой спешки?

Он улыбается, руки сложив на груди, своим видом напомним сразу рекламу в фитнес зале.

— Могли бы. Но, раз договорились, то зачем откладывать?

Галантно мое пальто принимает, вешает в шкаф-купе. Приглашает сесть на диван, пока он готовит нам чай. Обреченно вздыхаю. Ну, чай — так чай. Не могу же я ему по-быстрому буркнуть: «Нам с тобой не по пути. Больше мне не звони!» После всех его стараний в мой адрес, после пережитой трагедии он заслуживает большего.

В окно за белыми шторами с завыванием врезаются порывы ветра. Здесь тепло, уютно, а снаружи холод собачий! Вдруг с тревогой вспоминаю про Влада. Похоже, мои объяснения несколько затянутся. А у него сессия на носу. Строчу ему сообщение торопливо:

— Прости, я, кажется, задержусь. Не хочу больше у тебя время отнимать. Лучше я домой на такси вернусь! И спасибо, что подвез!

Тут же приходит ответ:

— Я тебя дождусь, не волнуйся! У меня с собой ноут, мне без разницы, где учиться!

Порываюсь Максу помочь чашки из кухни донести, но он меня на место усаживает:

— Мне приятно ухаживать за тобой. Хочу, чтобы ты рядом со мной расслабилась.

Милота какая! Все сильнее себя безжалостной садисткой ощущаю.

Когда чашки на столе стоят, а в прозрачном стеклянном чайнике, наполненном кипятком, медленно тонут чайники, Макс садится ко мне поближе и говорит:

— Прежде, чем ты начнешь, позволь мне тоже высказаться!

За руку меня взволнованно берет и продолжает:

— Чем больше я тебя узнаю, тем больше ты мне нравишься. Ты наполнила мою жизнь смыслом, который я однажды потерял. Казалось, после ухода Ани я никогда не смогу ощутить полноту жизни, но ты все изменила. И за это я безумно благодарен.

Карие глаза его так близко! С такой нежностью на меня смотрят! Сердце стучит, как проклятое. Ну почему все сложнее и сложнее становится?

Понимаю отчетливо вдруг, что осторожно, бережно разорвать с ним не получится. Придется по живому резать и анестезия для этого не предвидится. Говорю прямо, насилу из себя правду выдавливаю:

— Прости, Макс. Я не думаю, что у нас с тобой что-то получится.

Его глаза темнеют от боли. Лицо каменеет. Он отстраняется сразу. Резко вопросом стреляет:

— Почему?

— Я была у твоей мамы сегодня. И видела Анино фото. Я не смогу всю жизнь в роли чьей-то копии прожить.

Пока говорю, его лицо все больше искажается злостью. Становится страшно. Он вскакивает с дивана и неотрывно, сверху вниз на меня тарачится. Желваки на скулах играют, губы плотно сжаты. Чувствую, как от его взгляда в висках начинает болезненно вибрировать.

— Ты посмела к моим родителям без меня заявиться?! Мелкая, хитрая, подлая дрянь!

На этих словах холодею от ужаса. Это не он больше. Кончились обаяние, шарм. Притягательность растворилась в небытие. Со мной сейчас его альтер эго разговаривает. Жесткое, безжалостное и пугающее. Время для разговоров прошло. Поднимаюсь молча и направляюсь к выходу. Сейчас дойду до шкафа, достану пальто и уйду.

Вдруг голову резко обжигает невыносимая боль. Ощущение такое, будто с живой меня скальп снимают. Я теряю равновесие, падаю на пол, и он за волосы тащит меня к дивану, грубо чеканя:

— Куда собралась, тварь? Я еще не закончил!

Кричу от острой боли. От шока, неожиданной агрессии из глаз брызнули слезы. Пытаюсь вырвать волосы у него из руки, но он мой хвост на кулак намотал до самых корней. Дотаскив до дивана, с разгона бросает меня на пол. Подставив перед собой руки, защищаю от удара лицо. Но сила толчка такова, что все равно утыкаюсь скулой в пол. Униженно лежу, скорчившись на полу. Всхлипываю беспомощно. Голова раскалывается от мощной, пульсирующей боли.

Кожу лица холодит гладкий ламинат, стоя на котором я десять минут назад

раздумывала, не остаться ли мне с Максом. Почему я Влада не послушалась? Дура безмозглая и наивная!

Всхлипнув, утираю глаза и опускаю взгляд. Сажусь, ноги к груди поджимая, пытаюсь мелкую дрожь унять.

Смотрю, как мелькают его голые пятки в поле зрения. Только сейчас замечаю, что он босиком здесь расхаживает. Ступни у него огромные, как лапы медвежьи. Ходит передо мной туда-сюда и рассказывает, как подло я поступила. Втихую, змеей подкольной подобралась к его близким. Не говорит даже, рычит, что я сама все испортила. Нашу сказку в кошмар превратила. Он ведь верил в меня, как в светлого чистого ангела. И даже не подозревал, что под личиной ангела подлая сука скрывалась! Ну ничего, он меня воспитает! Он, в отличие от меня, своими отношениями разбрасываться не собирается. Ибо понимает, как тяжело найти и как просто потерять!

Весь этот бред слушаю молча. Страшная догадка мелькает, кто помог его бывшей жене заболеть раком. Зажав рот рукой, чтобы не кричать от безысходности, часто дышу. Не выдержав, скулю в отчаянии:

— Что ты хочешь от меня?

— Уважения. Ты должна меня слушаться и чтить, как своего мужчину.

Молчу. Лицо в коленях прячу, чтоб не выдать себя. Почтения у меня ни грамма к нему не осталось. Только страх вперемешку с отвращением.

Он затихает, на диван усаживается, прямо передо мной возвышаясь. Похоже, он немного начинает успокаиваться. Пелена гнева с глаз немного слетает, и он замечает мой потрепанный, жалкий вид. Что-то вдруг перещелкивает в его больном мозгу. Макс опускается передо мной на колени и лезет обниматься, захлеб бормоча:

— Девочка моя! Миленькая, сладенькая! Зачем ты так со мной? Я же любить тебя хочу! Обожествлять, баловать, лелеять!

Сижу ни жива, ни мертва. Статуей застывшей от ужаса замираю. Он меня целовать начинает, в лоб, голову, шею. Возмущенно его отпихиваю. Лепечу еле слышно:

— Пожалуйста! Не надо! Отпусти меня!

Когда он хватает мое лицо и, к себе повернув, впивается в губы, меня заполняет дикая ярость. Накрывает волна бешенства, сильнее, чем страх. Я не позволю себя поиметь, скотина! Сопrotивляюсь уже изо всех сил, дубася его беспорядочно, отталкиваю его, ору во весь голос:

— Отстань! Отпусти меня, животное!

Он меня играючи в своих лапищах сжимает, руки к полу пригвоздив. Навалившись сверху всем телом, меня обездвиживает. Я теперь лишь трепыхаюсь под ним, как птица. Головой кручу, от его навязчивых губ уклоняясь, и ору изо всех сил, до хрипоты.

В этот момент воздух пронзает звонкая трель, и я растерянно моргаю от неожиданности. Раздается взволнованный, приглушенный дверью, голос Влада:

— Макс, открой. Я не уйду, пока не увижу Миру!

Мой мучитель, оставив меня, подскакивает к двери. Открывает какую-то коробку в стене, нажимает туда, и верещание звонка резко обрывается.

Громяхают мощные удары в дверь. Макс стоит в центре комнаты, и его безумный взгляд перебегает от меня ко входу и обратно. Рывкает свирепо:

— Ты моей будешь или ничьей! Усекла?

— Отпусти меня, — прошу. — Меня родители дома ждут.

Удары в дверь усиливаются. К ним еще добавляются чьи-то голоса. Похоже, соседи по площадке вышли. Влад кричит:

— У меня хорошие новости! Сейчас твои соседи полицию вызовут. Как ты будешь открывать? С полицией или без?

Макс прижимает руки к лицу и ревет от неистовой злости. Понимает, что проиграл. В исступлении бросается ко мне с перекошенным лицом, глазами, горящими безумием, хватая грубо за плечи и шипит:

— Если хоть кому-то расскажешь про то, что здесь было, я твоих родных урою! Либо их, либо твою мордашку оболью кислотой! Еще не выбрал!

Подталкивает меня к выходу. Все еще не веря в собственное освобождение, семеню к шкафу, хватаю пальто, неловко, торопливо его натягиваю. Наклоняюсь, чтобы сапоги застегнуть, и его руки по-хозяйски прохаживаются по моим бедрам. С ненавистью на него взглянув, открываю дверь и выскакиваю с разбега прямо в объятия Влада.

Вокруг роятся растерянные женские лица. Они, видно, осознать пытаются, кто здесь хороший, кто плохой. Судя по тому, как крепко я хватаю Влада за руку и к лифту за собой тяну, их сосед теперь, скорее, выглядит плохишом. Но перед тем, как зайти в лифт, оглядываюсь и вижу харизматичную, обворожительную ипостась Макса. Он непринужденно смеется, объясняя соседкам, что у его девушки слишком суровый брат и слишком строгие родители. Что поделать! И в нашем современном обществе находятся консерваторы из прошлого века!

Оборотень двуликий! Ненавижу!

Глава 20. Макс

Ускользнула из моих рук! Прочь улетела в самый важный, переломный момент. Если бы не тот урод, которому нестерпимо хочется рожу расквасить, она бы уже моей стала по праву!

Хожу кругами по квартире, никак успокоиться не могу. Вбегаю в спальню. В святое святых. То место, где я собой могу быть.

На стене мои фотографии с Аней. Наши самые счастливые моменты. Она здесь в свадебном платье. Легкая, воздушная, манкая. Красавица моя. Но сейчас нет настроения с ней разговаривать.

Мозг кипит от бешенства. Злость меня за глотку схватила и держит цепко, не выпускает. Дышать не дает, давит жесткой удавкой. Пока от нее не избавлюсь, даже думать связно не в силах.

Приближаюсь к боксерской груше, висящей в углу, и луплю ее со всей мочи. Представляю на ней рожу того мудака, который мою птичку только что утащил. Пощады себе не даю, мочалю его до седьмого пота. Пока футболка не промокает насквозь. Пока костяшки пальцев не начинают саднить. Пока на белой груше от содранной кожи не появляются кровавые разводы.

Тогда злость свою хватку ослабляет. Но, хитро скалясь, далеко не уходит. Знает что в моей башке она частая гостья, хоть и нежеланная.

Сбросив одежду на пол, иду под душ. Горячие струи шпарят по коже, смывая из памяти картинки. Заставляю из прошлого погрузиться в реальность. Включаю воду на самый холодный режим. Ледяные потоки пробирают до костей. Чередую холод и жар раз за разом. Долго так стою, отмокаю, пока в башке не наступает долгожданный порядок. Вождеделение, усиленное разочарованием, утекает со струями воды, позволяя спокойно дышать.

Выхожу в чем мать родила из душа, валюсь без сил на кровать. Костяшки пальцев распухли, мышцы ноют от нагрузки. Радуюсь этой боли. Из-за нее не трупом ходячим, а живым себя ощущаю.

Мои девочки. Анечка. Мира. Обе должны мне принадлежать, и обе ушли. Утекли сквозь пальцы водицей непокорной. Одна спряталась туда, откуда не достать. Даже мне. А вторая все еще в зоне досягаемости. Но выцепить ее оттуда теперь непросто.

Беру свой смартфон с тумбочки. Опять сегодня звонил ее папка. Надоел со своими вопросами! Не собирался ему перезванивать, но после сегодняшнего придется. Надо узнать, вернулась ли Мира. И не растрепала ли она о нашей встрече родителям.

Набираю его номер. Он тут же отвечает, несмотря на одиннадцатый час. Радую его хорошей новостью — рассмотрение тендера перенесли на месяц. Появляется время подкорректировать его предложение. Нет, в ближайшие дни встретиться с ним не смогу, занят. Но к концу следующей недели можно. Он рассыпается в благодарностях. Значит, Мира ничего не рассказала. Если бы не вернулась, Самохвалов бы о ней спросил. Так что она однозначно дома и о нас умолчала. Хорошая девочка. Знает умничка моя, что я слов на ветер не бросаю!

После разговора с Самохваловым просматриваю неотвеченные вызовы. Нахожу три звонка от маман. Сколько раз я ее игнорировал, не перезванивал! Но сейчас при виде ее номера во мне снова загорается холодная ярость. Это она заварила кашу! Мою девочку от меня отвортила! Пусть теперь отвечает! Набираю ее номер. Слышу чуть надтреснутый,

старческий голос:

— Максик, привет!

— Не называй меня так! — холодно цежу сквозь зубы. — Ты виделась сегодня с моей Мирой. Наговорила про меня гадостей, и она от меня ушла. Я снова потерял любимую по твоей вине!

Долгая пауза. Думает, как ей извернуться. Как всегда, хочет невинной овечкой прикинуться! Говорит медленно:

— Ты сказал ей, что меня и отца содержишь? Это правда?

— Конечно! Я оплачиваю ваши счета. Тему не меняй. Я о другом говорил.

Но маман решила взбрыкнуть, настаивает на своем.

— Визит Миры — это сейчас наша тема. Ты сказал ей, что нас содержишь. Но ты же денег нам никаких не даешь! А сам живешь в отцовской квартире и оплачиваешь только коммуналку.

Закипать опять начинаю. Счастье, что все силы израсходовал. Язвительно отзываюсь:

— Я оплачиваю коммуналку квартиры отца. Счета его, не мои. Радуйтесь и ликуйте! На собственном сыне экономите! Скажи теперь, зачем про меня гадости Мире наговорила?

Вздыхает громко. Напоказ, разумеется. И уверяет:

— Гадостей не было никаких. Когда я ее увидела, я всего лишь поразились, как она на Анечку похожа. Вот и показала ей фотографию. Без злого умысла.

— Что еще ты ей наговорила?

— Ничего, сыночек. Ничего больше ей не сказала.

Всхлипывать начинает. Бессвязно оправдывается, бормочет:

— Она так неожиданно пришла. Не позвонив. Не договорившись. Я не смогла даже подготовиться, настроиться, тебе позвонить. Согласовать не получилось. Я так растерялась. Не знала, что делать. Гнать невежливо — это ведь ТВОЯ девушка. И по лицу ее понятно, что не врет. Поначалу даже испугалась, что это Анечка мне померещилась. Думала, что галлюцинации начались.

Обрываю ее:

— Только не надо опять слез разводить! Знаешь ведь, что я это ненавижу, — говорю с неприязнью и на этом отключаюсь.

Подхожу к бару, открываю дверку. Вожделенно смотрю на одиноко стоящую там бутылку вискаря. Забыться бы! Натрескаться так, чтобы вымести из своей черепушки всю горечь, все заковыки! Но желанное забытье, к себе манящее, не поможет мне Миру вернуть. Угрюмо бар закрываю и отправляюсь на кухню. Включаю кофеварку. Этой ночью еще долго не засну. Надо теперь думать, как мою птичку обратно ловить!

Глава 21. Мира

Едем в лифте. Здесь светло. Разглядываю в зеркале свой плачевный вид. Снимаю резинку с хвоста. Волосы, взлохмаченные, как воронье гнездо, приглаживаю щеткой, припасенной в сумке. Трех взмахов достаточно, чтобы привести их в нормальное состояние. Скула покраснела — наверно, будет синяк. Достая тональник, аккуратный слой на лицо накладываю. Замечаю, как взгляд Влада меняется. Он на меня таращится в недоумении.

— Зачем прихорашиваешься, Самохвалова? Ты от шока берега попугала?

Теперь я удивляюсь. Но на сильные эмоции нет энергии. Взглядом лишь по нему скользнуло и прошу:

— Отстань, а? Перед родителями не хочу побитой шавкой показываться.

— Какие родители? В полицию надо ехать! Заявление катать! На попытку изнасилования. Это ведь только попыткой закончилось?

Он пытливым на меня смотрит, ждет. Реакцию считывает. Ему важно понять почему-то, что именно со мной в этой мясорубке случилось. Киваю, подтверждая:

— Не успел он. Ты вовремя появился.

Мы уже приехали на первый этаж. Но мне все еще нужно зеркало, чтобы привести в порядок одежду. Прошу Влада лифт на месте придержать. Он ставит ногу в проем раздвижных дверей. Взбудораженный стоит и явно ждет от меня ответа. Того, которого дать не смогу.

Рассматриваю тем временем одежду. На любимой шелковой блузке пуговиц не хватает, рукав треснул не по шву. Придется выкинуть. Блузку так жалко, что реветь охота. Еле слезы сдерживаю. Или это не блузку, а себя жалко? Впрочем, не важно, наверно.

Неохотно объясняю:

— Он мне угрожал. Если кому-то расскажу о случившемся, мне конец. Или моим близким. Я буду молчать.

Влад и не собирается с моим решением соглашаться. Руками разводит возмущенно. Хмурится. Злится.

— Я сплю? Але! Ты у него на поводу пойдешь? Даже родителям ничего не скажешь? Как будто и не было ничего?

Отвечаю спокойно, пока из лифта выхожу:

— Конечно. Я его не трону и он меня не тронет. Таков уговор. Мне только того и надо, чтобы он от меня отстал. Хочу навсегда забыть его и сегодняшний вечер!

Влад выходит следом. Засунул руки в карманы джинсов, кипятится. Головой мотает, будто поверить мне не может. На повышенных тонах заявляет:

— Самохвалова, ты дура что ли?! Ничему тебя жизнь не учит! У него же крыша съехала! Он в полном неадеквате! Его наоборот прищучить сейчас надо!

Зажимаю уши. Это перебор. На меня уже орал сегодня. И нападали. Только не хватало от друга, от моей тихой гавани, прибежища крики выслушивать. Слезы из глаз брызнули, и сдержать их больше не получается. Жалобно поскуливая, прижимаюсь лицом в угол подъезда и реву. Сзади Влад подходит, руку на плечо опускает, просит тихо:

— Прости меня. Сам я дурак, раз орал на тебя в такой ситуации.

Разворачиваюсь к нему и утыкаюсь лицом в грудь. Меня трясет от рыданий. Говорить не могу. Думать не могу. Остановится не могу. Плохо так на душе, что следы самой себя

потеряла. Той себя, которая счастливая была когда-то в прошлой жизни.

Влад меня гладит по волосам, успокаивает. Шепчет тихонько, как ребенку, бессмысленные слова. Про «все будет хорошо», про «поплачь, малышка, станет легче». Мне и правда через какое-то время легче становится. Будто со слезами валун огромный из груди вытек.

Садимся в машину, припаркованную под яркими фонарями. Хочу поскорее до дома добраться, улечься в постель и из памяти сегодняшней день вычеркнуть! Пока Влад заводит машину, прогревает двигатель, разглядываю бронзовую монетку с непонятной, узорчатой гравировкой. Она висит на кожаном шнурке, зацепившись за зеркало заднего вида. Поймав мой взгляд, Влад поясняет:

— Мне эту монету сегодня Сэм вручил. Сказал, что это оберег. Ему плохой сон приснился про меня — вот и подарил на удачу. Я сначала в кармане куртки носил, а теперь решил сюда повесить.

Когда медленно трогаемся с места, спрашиваю:

— Как у тебя получилось настолько вовремя ко мне на помощь подоспеть?

— Сам не знаю. Тебя долго не было, и в какой-то момент меня что-то торкнуло изнутри. Тогда как раз женщина в подъезд заходила. Я следом за ней проскользнул. Решил подняться к Максy и прозондировать обстановку. Вышел из лифта и сразу твои крики услышал. Кричишь ты громко, а изоляция в этой новостройке никакущая.

Подъезжаем к моему дому. Чувствую себя выжатой и усталой. Все же опустошенность на душе немного орошена радостью. Теперь ведь я точно знаю, что правильное решение приняла, отказавшись от Макса. И пусть пришлось пережить адский вечер, чтобы увидеть его подноготную, но, в итоге, мы расстались окончательно. Он сегодня сам своей немислимой агрессией поставил жирную точку в наших отношениях.

Влад меня до двери квартиры доводит. Бойтся почему-то перед подъездом одну отпускать. Обнимаю его, задираю голову и смотрю в его серые глаза.

— Если бы не ты, — бормочу, — он бы меня сегодня уничтожил. Навсегда и без права восстановления.

Влад вздыхает и заявляет ворчливо:

— Не хочу каркать, но с твоей неисправимой наивностью и верой в людей, ты обречена попадать в передраги. Пора тебе записываться на курсы самообороны.

— Нет, Ерохин. Пока рядом мой рыцарь, не нужны мне никакие курсы!

Прощаюсь, наконец, и достаю из сумки ключи.

Поздно уже, почти десять. Родители могут спать, а могут на ночь какой-нибудь фильм смотреть, лежа в кровати. Не хочу с ними встречаться. Не нужны мне сейчас ни разговоры, ни вопросы. Захожу домой на цыпочках, как вор с украденным добром подмышкой. Прикрываю за собой дверь осторожно. Задвижка в лунку мягко заходит, почти без щелчка. Сразу в свою комнату проскальзываю.

Сбрасываю на кресло одежду. И, наконец-то, падаю без сил на кровать. Не рассчитав, произвожу шумное «бух». Замираю, морщась от досады, и жадно прислушиваюсь. Вскоре до меня доносится шуршание тапок. Поступь папина, тяжелая. Слишком рано расслабилась!

Сжавшись в комочек, забираюсь под одеяло и замираю лицом к стене, не шевелюсь. Вдруг сойду за спящую? Папа садится на край кровати, гладит меня по голове. И ласково, и грубовато выходит. До носа долетают алкогольные пары — кажется, он подшофе. В такие моменты его пробивает на душевные беседы. Везет мне, как покойнице!

Отец говорит тихо:

— Я знаю, что ты не спишь. Можешь не отвечать, просто выслушай.

Молчит недолго. С мыслями собирается.

— У меня на работе тяжелые времена. Может, помнишь, я тебе рассказывал про шпунт?

Такие специальные металлические доски, которые забиваются по периметру в котлованы. Чтобы предотвратить обрушения грунта и протекания. Ну, неважно, детали тебе не нужны.

Кровать проседает немного и голос его с другой стороны доносится. Он теперь от меня совсем отвернулся. Говорит как будто сам с собой. Или с пустотой.

— Так вот. Раньше этот шпунт у меня единственного был во всем городе. Заказов всегда немерено. Грунт в нашей местности влажный, неустойчивый. Ни одна стройка не обходилась без меня. Дела шли отлично. Но этим летом еще у двух фирм появился шпунт. Владельцы шустрые, пробивные ребята, хоть и молодые. Они каким-то образом всегда впереди меня оказываются. Заказов стало меньше в разы. Понимаешь, что это значит?

Он вздыхает тяжело.

— Я своих людей пачками в вынужденный отпуск отправляю. Прошу больничные брать. Не стесняться операции делать, если кто-то раньше откладывал. Видишь, до чего дошло? Если я сейчас этот городской тендер не выиграю, моя фирма — банкрот. Макс мог бы помочь, но он мне сразу сказал, что рисковать ради чужого человека не станет. Если породнимся — другое дело. Понимаешь, как много стоит на кону?

Не удержавшись, сажусь на кровати, поворачиваюсь к отцу. Папа сейчас только об одной чаше весов талдычит. Его фирма. Его успех. Его работники. А дочь? Счастье дочери здесь не в счет? Его грузный силуэт в лунном свете отлично виден. Жаль в глаза не посмотреть — придется со спиной разговаривать!

- Папа, прости! Не получится у меня с Максом ничего! При банкротстве, конечно, с деньгами будет туго. Но я постараюсь помочь. Устроюсь на работу куда-нибудь на пол ставки. По вечерам и по выходным. Мама тоже неплохо зарабатывает. Физиотерапевт — очень востребованная профессия! Я уверена, мы справимся! Ты тоже сможешь наверняка где-нибудь прорабом устроиться!

На этих словах он вздрагивает, как от удара. Поворачивается ко мне и ревет во всю мощь:

— Ты совсем сдурела или только прикидываешься? Я? Прорабом? Какому-то сопливому мальчишке подчиняться? И все ради чего? Чтобы дочь могла направо-налево жопой крутить! С кем попало якшаться, а достойного человека игнорировать!

Он вскакивает с кровати и выглядит устрашающе. Огромный, толстый, пьяный. Злой, как тролль. Вжимаюсь в стенку, закрываю лицо. Не хочу его больше видеть! И вообще никого не хочу! В этот момент в комнату вбегает мама. Слышу ее мягкий, примиряющий голос:

— Мы все сейчас вымотались. И соседи спят, наверно. Мы же не хотим, чтобы они полицию вызвали? Мира сейчас ничего не сообщает. На усталую голову глупости говорит. Вот поспит, отдохнет — другое дело! Пойдем-ка в кроватку, я тебе массажик сделаю!

Вижу, как она медленно папу под локоток берет и тянет прочь. Мама, возможно, единственная женщина на Земле, способная папу успокоить и вытерпеть с его закидонами. Неправильно так думать, наверно, непочтительно! Но иногда я втайне мечтаю о том, чтобы много лет назад утонченная, красивая мама не моего отца, а другого мужчину выбрала. Твердого, сильного, доброго. С железобетонным самообладанием и внутренним стержнем.

Воспитанного джентльмена, а не грубого тролля.

Это лишь мечты. Темные, плохие, но очень, очень сладкие. Убаюкивающие, как колыбельная на ночь. Как сказка, переносящая меня в другой, счастливый мир. Закрываю глаза. Надеюсь, у меня получится выбрать себе правильного парня. И мои дети совсем о другом будут мечтать, засыпая!

Глава 22. Мира

— Ты чего такой смурной? — интересуюсь у Влада. Под глазами синяки, лицо осунулось — то ли не высыпается, то ли от стресса. А может, и то, и другое.

— Меня сегодня в деканат вызывали, — сообщает неохотно.

Сейчас мы сидим в кафешке, наворачиваем плов. Точнее, я наворачиваю, а Влад механически в себя еду засовывает. Как робот. Это я его заставила сюда прийти, чтоб нормально поесть. Но он вот уже двадцать минут сидит, в тарелке ковыряется. Теперь, наконец, понимаю, почему.

— Декан велел одно объявление убрать из интернет-газеты. О том, что за разумную плату напишу курсовую. Там мои данные указаны: имя, фамилия, телефон. Ему кто-то очень добрый позвонил. Открыл глаза на мою незаконную деятельность.

Поперхнувшись, кашляю. Удивленно отрываю глаза от еды и с упреком на Влада смотрю.

— Ерохин, у тебя же соображалка работает! Зачем так подставляешься? Написал бы: «проконсультирую по поводу курсовой»! И с какой стати ты своими данными светил?

- Я не давал никакого объявления. Тех, кому за бабки пишу курсовые, всегда лично знаю. К тому же, у меня достаточно желающих, рекламировать себя ни к чему.

Глупо моргая, снова перевариваю его слова.

— То есть кто-то тебя подставил?

— Ага. Это мелочь, конечно. Но во время сессии неприятно. Каждая минута на вес золота. А тут идешь в деканат и пытаешься доказать, что объявление убрать не можешь, потому что не ты его постил. Бред.

Влад со звоном кладет ложку. Даже не стал, как обычно, хлебом тарелку подчищать. Пятерней взлохмачивает затылок. Интересуется:

— Твой отец мой номер телефона не спрашивал?

— Ты думаешь, это он тебя подставил? — округлив глаза, на Влада изумленно тарашусь. — Да быть того не может! Он прямой человек, гадить исподтишка не стает! Не понравишься — напрямую скажет, не постесняется.

— Самохвалова, не догоняешь опять. Он мой номер мог Мартинсону дать.

— Максусу?

Как ни странно, это имя сразу свое место в мозаике находит. Даже протеста в душе не возникает. Тем более, очень кстати вспоминается странное происшествие дома.

— Папа сегодня утром просил мой смартфон. Потому что его разрядился, а ему нужно было срочный звонок сделать.

— Ладно, не проблема. Пускай Макс развлекается. Главное, чтобы это не оказалось разминкой.

После обеда с тревогой покидаю Влада. Это что же получается? Макс не только псих неуравновешенный, но еще злопамятный и мстительный?

Иду в библиотеку. Сессия на носу, первый экзамен уже через неделю, а учиться со скрипом получается. Столько событий происходит в последнее время! Меня, как мелкое суденышко океан во время бури швыряет. Забавляется со мной, как хочет. А я ничего поделывать с этим не могу. Лишь безмолвно, безропотно барахтаюсь. Пытаюсь не утонуть в водовороте.

Замечаю, как за окном темнеет. Бросаю взгляд на часы. Я здесь, в библиотеке, уже пятый час сижу. А толку с гулькин нос. Такими темпами моя первая сесия окажется сразу последней. Вот бы найти таблетку для фокусировки внимания! Проглотил ее и думаешь, о чем хочешь. А остальные, лишние мысли в мусорку выкидываешь. Или куда-нибудь в далекий архив спрячешь! Я бы сейчас все, кроме геодезии, в архив отправила!

Когда голова становится чугунно тяжелой, а живот начинает до неприличия громко бурчать, поднимаюсь из-за стола, складываю книги в рюкзак, и отправляюсь домой. Пока жду автобуса, натаптываю тропинки по снегу. Всю эту неделю природа нас, горожан, из зимней сказки в осеннюю, слякотную тоску вгоняет. Изредка, правда, погода вспоминает про календарь и тогда снова холодает, как сейчас. Теперь иллюминация в форме снежинок над дорогами уже не выглядит так глупо.

Выпавший сегодня снег воспринимаю, как подарок. Любуюсь бриллиантовым блеском кристаллов в свете фонарей. Снежки леплю и бросаю в молодые сосенки, растущие неподалеку. Улегшись за павильоном, ангелов рисую, собирая косые взгляды старушек. Наконец, отряхнувшись, залезаю а автобус и устраиваюсь на заднем сидении.

В тишине между остановками вдруг различаю мелодию своего рингтона. После того, как с Максом порвала, меня теперь не щebet амадинов к телефону подзывает, а мощные аккорды «I'm free, free fallin'».

Это мама звонит, интересуется, когда я домой подъеду. Голос у нее напряженный. Надеюсь, папа не выпил и не запел свой вчерашний хит про вероятное банкротство!

Когда открываю входную дверь, мелькает мысль, что лучше уж папина песня, чем эти стоящие в прихожей знакомые ботинки! Бежать хочется, но куда деваться из собственного дома?

Мысли о побеге улетучиваются, когда в дверном проеме появляется папа. Он, конечно, выпил. Куда без этого? У нас же дорогой гость — надо компанию поддержать! Глаза его блестят пьяным, радостным блеском. Он в восторге, что дочь пришла. Хочет гостю угодить!

— Скорей, доча. Раздевайся и сразу в гостиную шуруй! Мама стол накрыла, — весело командует он.

— Я не голодна и мне учиться надо, — пробую отвертеться, но, как всегда, с папой это не работает. Линия его рта сурово выгибается. И он сухо приказывает:

— В гостиную топай! И без капризов!

Обреченно плетусь в гостиную. Я и в страшном сне вообразить не могла, что Макс после случившегося к нам домой заявится! Другой парень, наверно, от стыда не знал бы, куда деваться. Но только не этот наглый красавчик, невозмутимо сидящий за столом и блистающий белоснежной улыбкой, рекламой дантистов.

Подсаживаюсь к столу. Аппетит пропал. Даже живот не урчит больше. Адреналин в крови настроил все функции организма на выживание. Оказавшись в одной клетке с тигром, только об одном волнуешься — как бы самой обедом не стать!

Мама сразу суетиться вокруг начинает, мне в тарелку тушеные овощи с мясом накладывает. Спрашивает, буду ли салаты. Прошу ее не беспокоиться и нападаю первой:

— Я надеялась, наша последняя встреча все прояснила, Макс. Между нами ничего общего быть не может.

Он улыбается дальше, как ни в чем ни бывало. С салфеткой играясь, произносит насмешливо:

— Девушки — народ переменчивый. То влюблены, то охладевают. То обнимают, то

тебя чураются. По закону жанра, завтра ты снова будешь мне рада.

Замечаю, как мама тянет папу за рукав и что-то ему на ухо шепчет. Пытается, наверно, донести, что нам надо наедине поговорить. Папа поднимается нехотя и разворачивается к двери, намереваясь уйти. Невольно подскакиваю и прошу:

— Нет! Не уходите! Я буду говорить с Максом только в вашем присутствии.

Отец, как ни странно, в этот раз на моей стороне. Пытливо на меня смотрит, под кожу пытаюсь мне залезть, мысли считать. Не получается у него. И он садится, продолжает дальше в наш воинственный дуэт вслушиваться. Макс, конечно, кривится еле заметно, когда отец обратно на стуле устраивается. Но он же не у себя дома. По своим правилам играть не может! Заявляю твердо:

— Мой ответ «нет» в силе останется и завтра, и послезавтра.

— Ты давала уже мне обещания, которые не исполнила, — напоминает Макс. — Клялась быть понимающей когда-то.

Сознаю вдруг отчетливо, что мне его ни в чем не убедить. Мои слова, выводы для него — это прах, ничто. Это лишь инструменты, с помощью которых он своих целей добивается. Слушает своих собеседников только затем, чтобы просчитать варианты, как их к выгодной развязке подвести. Манипулятор, который чужие слова, как ниточки собирает. А потом за них умело дергает. С каждым словом ему все больше и больше власти над собой даю.

Молчу недолго и приступаю к еде. Насилу в себя запихиваю. Есть не охота, но и реагировать на него, бояться его больше не хочется. Не достоин он моих переживаний! Макс энергичным жестом указывает на мою тарелку:

— Рад, что к тебе вернулся аппетит, Мирочка. Видишь, немного разумных наставлений еще никому не мешали!

Молчу в ответ. Продолжаю мясо жевать через силу. Но, случайно поймав его самодовольный взгляд, не удерживаюсь, бью по больному:

— Макс, тебе когда в следующий раз к психиатру? Ты смотри, не затягивай, а то как бы обострение в хроническую форму не перешло!

Глава 23. Мира

Смотрю на лицо Макса. В темных глазах снова безумный огонь полыхает. Черты лица заостряются от гнева. Злой, как черт. Как тогда, в его квартире. И боюсь все это заново пережить, и предвкушаю с нетерпением. Пусть он свое истинное лицо перед родителями покажет! Ожидаю бешеного взрыва и он происходит. Только шандарахнуло совсем не того, о ком думала.

Отец резко обрушивает кулак на стол. Посуда от этого удара высоко подпрыгивает, испуганно звякнув. Он тяжелым взглядом меня буравит и заявляет:

— Моя дочь в моем доме гостей оскорблять не станет. Она будет делать все, что отец говорит. Понятно?

Киваю, вилку в тарелку поставив аккуратно. Взгляд опускаю. Еда в горле застревает от таких папиных напутствий.

— В глаза мне посмотрела! Быстро!

Поднимаю на него глаза и вижу, как тяжелое, жестокое нутро в его зрачках плещется. Он меня сломать настроен. Своей воле подчинить любой ценой. Либо прогнусь, либо катком раздавит так, что и мокрого места не останется. Здравый смысл, с малодушием сговорившись, приказывает подчиниться. Сердце другое велит. Меня сейчас на части раздирает от замешательства и паники.

Никогда я против родителей не бунтовала. Мама говорила, что даже в подростковом возрасте я идеальной дочкой была. А теперь не могу больше, как раньше.

Вскакиваю со стула, бегу в прихожую. Впрыгиваю в сапоги, сумку хватаю, шапку, шарф накидываю и выбегаю в подъезд. Хорошо, что переодеться в домашнее не успела! Уже на пороге до меня долетает мамин встревоженный голос:

— Мира, вернись!

Дверь за собой захлопываю и меня сразу холодом окутывает. Дрожащими руками пытаюсь пальто побыстрее застегнуть. По лестнице вниз слетаю и натыкаюсь с разбега на тетю Олю, которая как раз в этот момент заходит в подъезд. Она испуганно вздрагивает. Но, узнав меня, улыбается. Конечно, ей, как всегда пообщаться хочется. Показывает мне наверх, мычит что-то. В гости, кажется, приглашает.

Не такая уж и плохая идея — спрятаться у нее. Там меня точно никто искать не станет. Киваю и поднимаюсь за ней следом на третий этаж.

Она достает из своей фуфайки ключи, открывает дверь аккуратно, неторопливо. Хочется поскорее к ней домой забиться, как в невидимую норку и затаиться. Чтобы никто не нашел. Получить долгожданную передышку.

Оказавшись внутри, оглядываюсь. Здесь чисто, хоть и очень бедно. Пахнет старыми вещами, сигаретами и хлоркой. Обои на стенах древние, выцветшие. Лет двадцать, а то и тридцать никто ремонта не делал. Пол покрыт бежевым линолиумом в коричневую крапинку. Кое-где он содран и через дырки просвечивают старые доски. Мебели мало, только самое необходимое. Стол деревянный. Две табуретки на кухне. В единственной комнате виднеются шкаф, сервант и кровать. На окнах пестрые, ситцевые занавесочки в цветочек.

Слышу из своей сумочки знакомый рингтон, поющий про свободу. Горько улыбаюсь. Не так я себе свободу представляла! Достая телефон, вижу пять пропущенных звонков от мамы

и два от папы. Ставлю беззвучный режим и убираю смартфон обратно.

Тетя Оля приглашает меня на кухню, указывает на табуретку. Потом достает пачку черного чая и с вопросительным видом ее демонстрирует. Я киваю. Чай буду, да.

Она снимает с верхней полки шкафа две чуть покоцанные белые кружки в красный горошек с золотистым ободком. Двигает одну ко мне поближе, другую к себе и в чайник кипяток заливает. Ставит стакан с сахаром на стол и присаживается рядом.

Смотрит на меня участливо, по доброму. Спрашивает, как дела.

Говорю медленно, чтобы она успевала читать по губам.

— Плохи мои дела. Родители меня заставляют с Максом встречаться. А я не хочу.

Она кивает. Достает из ящика старую, помятую тетрадку в линейчку, сильно сточенный карандаш и пишет аккуратно, разборчиво:

— Плохой характер. Его жене трудно придется. Надеюсь, не тебе.

Спрашиваю:

— Тетя Оля, а вы как? Он же вас к сурдологу обещал устроить! Вы уже ходили?

Она мотает расстроенно головой и снова пишет:

— Нет. Уже два раза визит переносили. Почти не надеюсь попасть.

В груди возмущение зреет на Макса. Неужели он осмеливается бедной женщине голову морочить? Подразнил надеждой, обещанным перед носом покрутил, и на этом все?

Тетя Оля рукой машет. Мол, пустое. Потом указывает в сторону окна с улыбкой. Взглянув на ее подоконник, замечаю, что он весь усеян засохшими бутонами роз. Поначалу даже не поняла, что это цветы. Тетя Оля берется за карандаш:

— Не могу выкинуть красоту! Засушила себе на зиму. Буду смотреть и радоваться.

— Это те цветы, которые вам Макс подарил?

— Да.

Сжимаю чашку в ладонях. Чай уже немного остыл и я по чуть-чуть отхлебываю. Терпкий, приятный вкус. Сорт хороший, качественный. Спрашиваю виновато:

— Тетя Оля, можно я у вас переночую?

Она напрягается вся. Новая надпись в тетради:

— Тебе уже восемнадцать исполнилось?

— Да.

- Тогда оставайся!

Радуюсь, ликую. Не удержавшись, хлопаю в ладоши. Знаю, конечно, что глобально это проблемы не решит. Скорее, наоборот. Ночь, проведенная вне дома, моего строгого отца на дыбы поднимет. Но я боюсь возвращаться. Вспоминаю папины глаза и страшно становится. Ощущаю себя беззащитной букашкой с ним рядом. А мне до жути хочется себя человеком почувствовать, хоть ненадолго.

Мою посуду после чая, убираюсь на кухне. Тетя Оля готовит мне нехитрое спальное место. На раскладушке стелит ватное одеяло, сверху накидывает заштопанную в нескольких местах простынь, и шерстяной плед протягивает. Синий в белую полосочку. Пишет:

— Прости, подушки для тебя нет.

— Ничего, — говорю. — я свой свитер скатаю в трубочку вместо подушки.

Умывшись, устраиваюсь на раскладушке. Шерсть пледа жестко покалывает кожу, но мне в радость новые ощущения. Они как будто мне новую жизнь обещают. Непростую, ухабистую, но самостоятельную и свободную. Тетя Оля ложится на узкую кровать, отворачивается к стене и затихает. Я же долго не могу заснуть. Кручу свой смартфон в руках.

Хоть и зла сейчас на отца, но совесть гложет. Не хочу, чтоб мама переживала всю ночь. Отправляю ей сообщение:

— Со мной все в порядке. Ночую у подруги.

Мама снова пытается мне звонить, но я не отвечаю. Сообщение отправляет: «Вернись домой! Мы за тебя волнуемся!»

Усмехаюсь криво. «Волнуемся», как же! Мама, может, и волнуется, а папа только злится и бесится! Что посмела его послушаться!

От нечего делать открываю галерею. Рассматриваю последние фотки. Мы с Владом в библиотеке — наше селфи на фоне книжной ели. А вот мы в буфете, кривляемся с пирожками в руках. На заснеженной полянке стоим рядом с собственноручно слепленным снеговиком. С улыбкой снежные кубики пресса разглядываю — мы его тогда качком решили сделать.

В груди щемить начинает. Сколько я Влада не видела? Несколько часов всего? А уже скучаю, как ненормальная. Хочется с ним поговорить, пожаловаться на отца, на Макса. Его мнение услышать. Но звонить ему сейчас не смею.

Строчу ему торопливо, пока не передумала:

— Ты как-то говорил про семейное общежитие, помнишь? Твое предложение еще в силе?

Тут же ответ приходит:

— Да. Можем хоть завтра подать заявку.

Улыбаюсь довольно и пишу:

— А сколько ждать надо, чтобы заселиться?

— Если квартира есть, то несколько. Оформляемся, платим и заезжаем.

Еще чуть-чуть поколебавшись, спрашиваю:

— А ты точно не против?

— Самохвалова, не тупи! Я не предложил бы тебе то, с чем не согласен! (хохочущий смайл)

С облегчением отправляю последнее сообщение:

— Тогда завтра в десять встречаемся в универе на нашем месте!

Глава 24. Влад

Вот уже неделю мы живем вместе с Мирой. Это самая насыщенная неделя из всех мною прожитых.

Квартиру нам дали сразу, без проблем. Комната, кухня, туалет и ванная отдельные. Вся внутренняя отделка новая, подогнанная под евро стандарты. Мебель тоже есть. Даже датчик дыма имеется. В первый же день мы отвлеклись на видео звонок Сэма и напугали соседей верещанием пожарного датчика. У нас подгорели оладьи и во все дыры попер густой, едкий дым.

В последние дни я почти не спал. Днем — переезд, магазины, покупки нужных вещей, учеба. Ночью — только учеба. Несколько часов сна, две чашки эспрессо, взгляд на мою спящую девочку, ради которой живу, — и снова, как огурчик.

Первый день в новой квартире Мира прожила без своих вещей. У нее ни учебников, ни зубной щетки не было. Домой идти наотрез отказывалась. Пробовал ее уговорить поделиться с родителями своими планами, но какое там! Бедняжка так своего отца боится, что при одном упоминании о нем, на лице появлялось категорическое «нет».

В первый вечер она позаимствовала у меня футболку на ночь. Только долю секунды ее видел, прежде чем она нырнула под толстое одеяло, но и этого оказалось достаточно. Дыхание сперло от восхищения и желания. Еле собрался, отозвался на ее ласковое «спокойной ночи!» Пошел на кухню учиться. Разложил на столе ноут, заварил кофе. А сам сидел и думал, ну не дурак ли я? Добровольно себя на такую муку подписал! Она мне доверилась, вместе жить согласилась, и я теперь не вправе ее даже тронуть. Мира в шаге от меня, но при этом стала еще недоступнее, чем когда-либо. Решил, в итоге, что я идиот. Но у влюбленных идиотов своя железная логика — любой ценой стать ближе к объекту своих чувств. Хоть мы и спим на разных кроватях, но перед тем, как отрубиться, я хоть пару минут себе позволяю на нее полюбоваться. Такую нежную, уязвимую во сне. И такую соблазнительную.

На следующий день, после того, как мы въехали в квартиру, помог Мире перетащить вещи из дома. Нам пришлось битый час сидеть в машине рядом с подъездом, караулить, пока ее родители отправятся на работу. Мы зашли в квартиру с рулоном пакетов для строительного мусора. Девочка моя очень нервничала, как бы отец внезапно не нагрязнул. Вся дрожа, на нервах, быстро покидала в пакеты свою одежду, учебники, документы, еще какую-то мелочь, уместившиеся в одиннадцать мешков. Пришлось два заезда делать, но нам повезло. Родители не застукали.

Предложил готовить по очереди, но Мира наотрез отказалась. Сказала, что из чувства благодарности и в оплату своего проживания будет готовить и убираться одна.

Ее ужасно смущает, что ей пока нечем платить за квартиру. Говорил же двести раз, что деньги — фигня, пусть не парится! Но нет. Обещает сразу после сессии найти работу, и с первой же зарплаты выплатить мне весь свой долг до копейки. Эти слова меня выбесили ужасно (какие копейки с моей несчастной девочки, внезапно ставшей беженкой в собственном городе?!), но пришлось с ней согласиться. Уважить право на собственные решения, пусть для меня и дикие!

Готовит она кстати отлично! В первый же день натушила мясо с овощами и специями. Картошку запекла. Я такую вкуснотищу только дома у мамы ел! Предложил Мире разослать

свои резюме по ресторанам. А на собеседование притащить пару ложек этого райского яства. Она довольно улыбнулась и щедро подложила мне добавки.

Мне теперь стало непросто выходить из квартиры, пока там моя девочка, магнит мой ненаглядный. Кайфую от каждого момента с ней рядом. Пусть даже только молчим, каждый в свой ноут уставившись, но столько эйфории в этой тишине рядом с любимой!

На третий день после переезда произошла неприятность, нарушившая хрупкую идиллию совместной жизни. Наша квартира расположена на первом этаже. В час ночи мы услышали звон стекла. Оказалось, какие-то гады разбили нам окно булыжником. В разгар зимы те еще заморочки! Заклеили дырень газетой, скотчем. Наша уютная квартирка обрела страшный, послевоенный вид. В тот же день вставили новое окно. Двойная плата ушла за срочность.

На следующую ночь около пяти утра нам снова выбили окно. Администрация общаги начала подозрительно коситься в нашу сторону, и это понятно. До меня и самого уже дошло, что кто-то целенаправленно нам гадит. И даже догадывался, кто, но доказательств не было. Опять заказал окно, заплатил вдвойне.

Вечером разрешил себе несколько часов сна, а ночью пришлось бодрствовать, затаившись в кустах под нашими окнами. Часы шли ужасно медленно. Замерз, как черт. Хорошо, что заранее подготовил себе термос с горячим чаем. Грелся сладким питьем да надеждой поймать неуловимого паскудника. Когда к шести утра проснувшиеся улицы заполнились людьми и машинами, я понял, что одурачен. Кто бы он ни был, этот урод сегодня провел ночь, нежась в кровати.

На следующую ночь снова вышел нести караул, хоть Мира и пыталась меня убедить, что разбиватель окон больше не явится. Погода мерзкая. Вечером похолодало и стало ужасно скользко. Вчерашняя растоптанная жижа превратилась в бугристый ледяной каток, который дворники еще не успели присыпать ни щебнем, ни солью. Каждый шаг грозился закончиться кувырком на спину.

Несколько часов провел на улице. Окоченел совсем. Ни горячий чай, ни активная зарядка уже не помогали. Каждая минута тянулась часами. К трем утра ужасно хотелось пойти в горячий душ отогреться. Но вместо этого заставил себя стоять до конца из злого, тупого упрямства, присущего мне с детства. Решил — значит, сделаю, не отступлю!

И, как оказалось, мучился не зря.

После трех к общаге подъехала машина. Припарковалась с другой стороны — я только мотор услышал. Вскоре из-за угла здания появился высокий мужик в черной куртке, черных штанах и с капюшоном, натянутым на лицо. В тусклом свете фонаря много не разглядишь, но телосложение крепкое, спортивное.

Когда он метров на десять приблизился к нашему окну, я увидел в его руках булыжник и, уже не медля, выскочил из кустов.

Он поначалу оторопел, а потом бросил в меня камень и бросился бежать. Я отклонился немного, иначе бы камень разнес мне пол башки. Хорошая реакция спасла. От своего быстрого разворота мужик потерял равновесие и спланировал на лед. Не играл, видимо, в детстве в хоккей, в отличие от меня. Добежав до него в два прыжка, сделал подсечку, чтобы опять на лед сбросить.

Он рухнул на спину, и я, наконец, увидел его лицо. Кто угодно, но точно не безумный Макс! Тот смазливый пижон, а этот громила весь в шрамах, с перебитым носом.

От растерянности, ненадолго замер. Воспользовавшись этим, кривоносый меня тоже на лед сбросил, схватил за грудки и попытался долбануть по лицу. Поставил блок рукой,

вывернулся, сам вдул ему по роже. Так мы и вертелись, лупцуя друг друга на скользком льду. До тех пор, пока окно не открылось и сонная Мира не высунулась в проем.

— Вызываю полицию! — пискнула она испуганно и решительно в то же время. И, кажется, начала набирать какой-то номер.

Не успел я обрадоваться ее решению, как кривоносый сумел как-то извернуться и врезал мне по левому плечу. Место удара пронзила адская боль и в ту же секунду рука повисла бесполезной плетью. Не-макс прытко вскочил на ноги, размахнулся, чтобы меня пнуть, но я успел сгруппироваться и на лету схватил его ногу. Он рухнул вниз, но, отпихнув меня, отполз немного и снова поднялся. Я мельком успел заметить размазанную по роже кровь. Он, неуклюже балансируя руками, поспешно заскользил прочь, все время неловко прихрамывая. Попытался рвануть за ним, но перед глазами все поплыло. Похоже, в пылу драки все-таки основательно приложился об лед. Послышался шум мотора. Убежал из капкана волчара! Жаль. Но в следующий раз надеюсь на реванш!

Глава 25. Мира

Слышу скрежет ключей в замке. Подбегаю к двери и вижу Влада. Он в крови. Не сразу понимаю, что левая рука свисает обездвиженная. В ужасе замираю. Да лучше бы нам еще десять раз окно разбили, чем такое!

Помогаю ему дойти до стула, аккуратно усаживаю, прислонив к стене. Бросаюсь к телефону. Сейчас только об одном думаю — надо в травмопункт ехать! У него мутный взгляд, и, похоже, с координацией беда. Боюсь, что он здесь же и отрубится. Или в такси. А вдруг ему надо сейчас лечь и не шевелиться? Вдруг по дороге ему еще хуже станет?

Звоню в скорую и тут же, с телефоном у уха, бросаюсь переодеваться. Я ведь в розовой пижаме с желтыми звездочками по квартире бегаю. Минут через десять они уже на месте. Короткий осмотр и диагноз девушки в красно-желтой форме:

— Вывих плеча. Вправлять едем в больницу. Похоже, еще сотрясение.

Они его окровавленному лицу ничуть не удивляются. Ведут себя так, как будто это не живой человек перед ними, а манекен в анатомичке. Их спокойствие помогает мне собраться. Хватаю куртку, на себя натягиваю. Еду с ними. Влада на носилках переносят. Затем аккуратно завозят в травмопункт на каталке.

Белый коридор больницы, зал с табло и сиденьями. Хотя и глубокая ночь, а людей немало. Прямо перед нами сидит мама, которая свою крошку дочь успокаивает на коленях. Та скулит, к маме прижимается. Все время на свой распухший пальчик дует. Бедненькая! Она-то как ночью умудрилась пораниться? Расстроено оглядываюсь по сторонам. Придется немало здесь посидеть.

Ждем свою очередь в молчании. Когда на табло появляется наш номер, заезжаем в кабинет на рентген. Сильных повреждений нет. К счастью, обошлось без переломов.

Затем врач делает укол, вправляет плечо и накладывает шину. Черные ремни фиксируют руку близко к телу. Нам дают инструкции и отпускают домой. Вызываю такси. Влад встает с кресла-каталки, пересаживается в машину. Морщится бедняга, непросто ему.

— Это был Макс? — спрашиваю, как только мы оказываемся дома.

— Нет, — он ловит мой взгляд и добавляет, — Поначалу я тоже удивился. Но сама посудите. Было бы странно, если бы богатый, влиятельный мужик сам выполнял черную работу. Так?

Угрюмо киваю.

— Ты почему полицию не вызвала?

Отвожу глаза и молчу. Стыдно признаться, но я испугалась, что в отместку за полицию он напакостит мне или моим близким.

Помогаю Владу раздеться. Снимаю с плеч куртку. Стягиваю ботинки, довожу до кровати. Он остается в футболке и джинсах. Шина зафиксирована поверх футболки. Смотрю на джинсы. Не знаю, что теперь делать? Сам разденется или помочь?словно в ответ на мои мысли, заявляет:

— Самохвалова, перестань на меня с такой жалостью пялиться! Это все фигня. Заживет, как на собаке.

И неловко при этом валится на кровать. Глаза закрывает устало и бормочет:

— Мне просто нужно поспать.

И, кажется, сразу проваливается в сон. Отрубается, как есть. Одетый.

Я однажды спала в джинсах на Новый год. Такого опыта и врагу не пожелаю! Ткань врезалась в кожу на месте швов, зажимая ее на месте сгибов. Не комфортно до ужаса! Никакого полноценного отдыха в ту ночь не получила. С сомнением смотрю на парня. Что делать-то? Затем, махнув рукой, плюю на свою стеснительность.

Подхожу к Владу и неуклюжими от волнения пальцами расстегиваю на нем ремень, а затем и пуговицу. Открываю ширинку, чувствуя себя непутевой воровкой, и осторожно, сантиметр за сантиметром стаскиваю штанины. Он лежит неподвижно. Надеюсь, проснувшись, подумает, что сам во сне разделся! Ведь сотрясение мозга может немного и на память повлиять, наверно?

Когда до стянутых полностью штанин остается совсем чуть-чуть, Влад открывает глаза и насмешливо интересуется:

— Самохвалова, ты-таки решила воспользоваться ситуацией?

Краснею ужасно и резко сдергиваю с него джинсы. Теперь, когда меня застукали на месте преступления, можно не церемониться. Говорю виновато:

— Прости. Я тебя хотела поудобнее на ночь устроить.

— Да ладно. Не тушуйся! Все нормально.

Накрываю его одеялом. Предлагаю воды, но он отправляет меня в кровать:

— Тебе тоже поспать надо. А то будет завтра кисель вместо мозга.

Но меня что-то держит с ним рядом, не дает отойти. Тревога за него, нежность, облегчение, наверно. Не хочу от него отрываться. Почти физически ощущаю желание оставаться тут же, чувствовать его с собой поблизости. Контакта кожа к коже вдруг хочу так же сильно и неотвратимо, как вдоха. Робко прошу:

— Подвинься, пожалуйста?

Он удивленно подкатывается поближе к стене. Тихо спрашивает:

— Почему?

— Не знаю, — пожимая плечами, аккуратно устраиваюсь рядом. Бережно глажу его по русым волосам, по лбу, вокруг раны над бровью, залепленной пластырем. — Я сейчас поняла кое-что. Ты мне самый близкий человек на земле. Когда я тебя увидела в крови, то ужасно испугалась тебя потерять! Можно я сегодня рядом полежу?

Он задумчиво кивает.

— Если пообещаешь мне руку во сне не отдавить.

— Не жадничай, Ерохин. У тебя, если что, запасная есть!

Потом уже на полном серьезе Влад сообщает:

— Ты в курсе, что играешь с огнем?

— Я не против обжечься, — и тянусь к его губам. Он меня прижимает к себе крепко. В мои губы жадно со стоном впивается. Снова прикосновение его бороды. Оно меня выше неба уносит. Вышибает из реальности напрочь. Дразнит кожу, над былыми страхами смеется. Здоровой рукой он меня за шею, затылок у своих губ удерживает. Изучает меня изнутри, по-новому совсем. Так, как никогда раньше. Отпускает нескоро.

— Мирка, ты издеваешься! — шепчет он ласково. — Меня мутит. Еле соображаю. Все, как в тумане. Рука одна не действует. Пусть наш первый раз будет другим! Хочу обе руки. Хочу ясность в башке. Чтобы навсегда каждый момент впечатался!

Улыбаюсь ему довольно. Мне нравится его план. И все же одна мысль меня тревожит.

— Ты мне говорил как-то, что давно уже себе девушку выбрал. Но имя ее так и не назвал.

— Твоя тетка, — сообщает, с улыбкой к себе прижимая. Потом обводит пальцем мои скулы, подбородок — Вы с ней похожи, как две капли воды. Просто одно лицо!

— Почему ты ничего не говорил? Партизан!

— Я говорил. Не словами, а поступками.

— Ты ведь не обидишься, если я тебе вдруг не отвечу?

Глаза закрываются сами, против воли.

С первыми лучами солнца мы засыпаем.

Глава 26. Мира

До Нового года остается три часа пять минут. Настроение праздничное, яркое, поэтому стараюсь не думать, что до первого экзамена по геодезии четыре дня. Завтра об этом вспомню и снова накинусь на книжки!

Сегодня я впервые позвонила домой. Поздравила маму с наступающим Новым годом. До этого только сообщения ей присылала, чтоб сильно не волновалась. Она меня домой звала. Уговаривала прийти таким грустным голосом, что я даже колебаться начала. Скучаю ужасно по маме, по своим птичкам. Но, когда услышала на заднем фоне голос отца, сразу все желание навестить родные стены пропало. Не пойду туда, где этот работороговец живет и властвует!

Я кручусь на кухне уже несколько часов. Привыкла, что по праздникам стол должен ломиться от угощений. Наготовила салатов, испекла пирог, маринованное мясо в духовке запекается. Приготовила овощные и фруктовые нарезки, пленкой прикрыла. Влад рвался мне помочь — не пустила. Не хватало еще, чтобы последнюю здоровую руку обжег или порезал! Зато доверила ему уборку. Пылесос и тряпка для пыли ему руку не откусят — так что пускай наводит порядок!

Странно себя ощущаю. С одной стороны, он мой парень вроде бы. Поцелуи, объятия, химия волшебная. По вечерам, вконец устав от учебы, мы садимся перед компьютером и смотрим легкие комедии. Он меня обнимает здоровой рукой. С волосами длинными играет, на коже кончиками пальцев чувственные узоры выводит. В нежности его бездонной тону. Чувствую себя его принцессой, Мирославой Прекрасной. А с другой стороны, спим по-прежнему, в разных кроватях. Самообладание у него железобетонное, как у монаха со стажем. И упрямство такое же прочное. Говорит, не для того он так долго меня ждал, чтобы первый раз получился, как попало.

Одно время я его поддразнивала. Мимо него в бра проходила, полуодетая. Дверь в ванную "забывала" закрыть. Он тогда сразу деловито собирался и топал в библиотеку. Ничего не говоря, ставил на место. Как врачи обещают, до заживления плеча остается еще две недели. И мы оба ждем этого дня с голодным предвкушением.

Вздыхаю, утираю слезы, набежавшие от порезанного лука, и снова принимаюсь за нарезку. Еще чуть-чуть — и оливье закончу. Со спокойной душой тогда усядусь на диван и во всем этом праздничном великолепии стану ждать гостей.

Через час к нам придет Сэм со своей девушкой Мариной. Мы впервые с ней увидимся. Давно хотелось с этой отважной девушкой поближе познакомиться.

Отважной — потому что ее родители из эстонской глубинки. Они чернокожих парней только по телевизору видели. И уж никогда даже во сне помыслить не могли, что их дочь, умница и красавица, свяжет свою судьбу с нигерийцем!

Я считала себя очень смелой, когда решила от родителей уйти. Остаться без их поддержки. Но Марика меня в этом переплюнула. Там не только вызов родителям брошен, но и всем окружающим заодно. Ее будущие детки мулаты будут в садик и школу ходить, удивлять других, не привычных к межрасовым бракам родителей.

После уборки Влад отправляется в душ. Сейчас все друг друга поздравляют, желают счастья. Наши телефоны то и дело гудят. Вот и его телефон вдруг опять начинает вибрировать. Сообщаю ему сквозь дверь:

— Тебе снова кто-то написал!

Влад открывает дверь и просит принести телефон. Любуюсь его мощным торсом над полотенцем, рельефными мышцами на руках, пока вручаю гаджет. Вскоре Влад выходит из ванной. Уже в брюках. Приближается вплотную и целует в макушку со словами:

— Прости, мне придется ненадолго уйти.

Больше ничего не говорит. Хмурится, напряженное лицо выдает волнение. Помогаю ему заново закрепить шину. Поверх футболки натягиваю ему серый кардиган, один рукав болтается пустым. Аккуратно застегиваю пуговицы. При этом растерянно на Влада поглядываю.

В самый разгар праздника от своей девушки уйти? Он человек вольный и умный, конечно. Раз решил — значит так надо. И все же не удерживаюсь от вопроса:

— Кто тебе написал?

Он отвечает сухо, без подробностей:

— Тот, кому прямо сейчас нужна моя помощь.

Накинув поверх куртки шарф, вызывает такси и уходит ждать машину на улице. Наверно, от новых вопросов спасаясь.

Меня волна паники скручивает. Царапает острыми когтями. Хочется за Владом бежать, чтобы узнать, к кому он на ночь глядя мчится. Опускаться до расспросов, звонков нельзя, это неправильно. Но узнать так сильно хочется, что больше ни о чем думать не в состоянии.

Не удержавшись, хватаю свой телефон и звоню Владу. Собираюсь плюнуть на гордость и спросить, можно ли с ним поехать? А вдруг и моя помощь пригодится таинственному отправителю?

Но спросить не получается. Потому что знакомый рингтон из Севильского Цирюльника слышен совсем рядом, в прихожей. Влад забыл телефон, наверно. Или специально оставил. Хватаю его и несусь на улицу. Хочу догнать и телефон ему вручить. Но не успеваю. Такси уже приехало и увозит теперь Влада в неизвестном направлении.

Стою под козырьком подъезда, вглядываюсь в темноту. Брошенной, одинокой себя ощущаю. Первый наш совместный Новый год грозит обернуться полной катастрофой.

Возвращаюсь домой, усаживаюсь на диване, верчу в руках телефон. Он запаролен. Меня так и подмывает проверить, не имя ли мое в качестве пароля стоит? Пробую «Мирослава». Не подходит. «Мира» — тоже не то. Мой день рождения — мимо. Меня охватывает боевой азарт. Забываю про Влада, про его странный, необъяснимый уход. Про то, что по чужим телефонам шастать нехорошо. Передо мной стоит задача — подобрать ключик к шифровке и я это сделаю! Вспоминаю день нашего знакомства, записываю дату и вуаля! Телефон, наконец, поддается. В груди успевает мелькнуть теплое чувство. Приятно до ужаса, что он именно эти циферки для пароля выбрал!

Но когда дисплей открывается, он во всей красе демонстрирует мне фото девушки в белом, кружевном negligé. Прелестная, изящная блондинка по имени Света ему пишет:

— Ты обещал подумать про Новый год, помнишь?

— Я забронировала для тебя место, а от тебя ни слуху, ни духу.

— Скоро праздник и мне одиноко.

— Либо ты приедешь, чтобы разбавить мое одиночество, либо это сделает за тебя бокал шардоне. И ты сам знаешь, чем это закончится.

— Даю тебе право решить мою судьбу, дорогой. У тебя один час. Время пошло. Тик-так. В ужасе падаю на диван. Чувствую себя преданной. Опустошенной и оплеванной.

Так запросто бросить меня ради какой-то оголенной девицы? Понимаю, конечно, он молодой, здоровый парень. Вынужденно живущий в воздержании. Но ведь это было его решение! Сам так захотел! Или он думает, что со мной как попало нельзя, а с ней можно?

В голове бардак. Мне плохо. Трясет от возмущения. Дрожащей рукой наливаю себе воды. Немного проливается мимо, и я бегу за тряпкой. Поскальзываюсь и падаю на пол, ушибив локоть. В отчаянии реву, сидя на луже. Не ожидала от него такого!

Слышу, как пищит будильник на телефоне. Я сама себе напоминание поставила — когда надо будет переодеться, чтобы гостей встретить при полном параде.

Заставляю себя собраться, сфокусироваться на настоящем. Поднимаюсь, к шкафу иду. Натягиваю красное платье, эффектно облегающее фигуру. Слезы катятся из глаз. Так хотелось Влада этим нарядом очаровать, соблазнить, заморозить этой ночью! Может, он просто мстит мне за то, что его во френдзоне долго держала? Приказываю себе об этом не думать.

Умываюсь ледяной водой, слезы и минорное настроение смываю. Затем накладываю косметику, потихоньку из хорошенькой превращаясь в красавицу. Последний взмах пуховкой — и я довольно люблюсь собой в зеркало! Пожалуй, я совсем не хуже той девицы. Даже наоборот. Такое лицо достойно очутиться на обложке журнала.

Раздается звонок в домофон и я иду встречать гостей.

Заходит Сэм, радостно улюлюкая и смешно коверкая праздничные кричалки про елочку, снегурочку и базуку. За ним скромненько заходит Марика, его девушка.

Красивая, фигуристая и чем-то на меня похожая. Тот же овал лица, цветотип. Рост и фигура мои. Даже платье тоже красное. Может, мне мерещится уже на фоне травмированной психики? Но нет. Марика восклицает:

— Ого! Мы похожи! Обалдеть, как прикольно!

Подскакивает ко мне поближе, обдавая сладким, чуть приторным флером духов. Вертится рядом, за руку меня хватает и требует:

— Сэм, зацени-ка! Похожи, как сестры, да?

Тот согласно кивает. Достает телефон и запечатлевает нас на фоне накрытого стола. Гости проходят, усаживаются за стол. Сэм заявляет, что сразу начнет с подарков и торжественно протягивает мне какой-то металлический кулон в форме монеты, прикрепленный к кожаному шнурку. На меня при этом очень весомо смотрит, хочет момент подчеркнуть. Своей щедростью упивается. Как если бы он мне сейчас шикарный дом дарил.

Улыбаюсь вежливо. Но носить эту узорчатую монетку не собираюсь. Я не слишком жалую в одежде этнический стиль. И вообще у меня от долгого контакта с металлом на коже начинается покраснение. Не моя это стихия! Непринужденно откладываю монетку в сторону. Но Сэм мое движение замечает и качает указательным пальцем. Мол, так не пойдет!

— Ты должна насит это всигда!

И начинает чушь нести. Мол, сейчас я под ударом какого-то демона. И если монетку не надену, то мне кранты. Он специальный ритуал провел, чтобы моих добрых предков вокруг этой монеты собрать. А если я их отвергну, они обидятся и демон меня осилит.

В ужасе на него смотрю. Парень умный же, без году инженер, и верит в такую чушь! Но настроение праздничное. Не хочется его портить пустыми спорами. Мама меня учила, что люди по сути своей не меняются. Из утенка не сделаешь куренка. Вот и Сэм, проживший всю жизнь среди суеверий, впитал их каждой своей клеткой. Мои тирады, воспевающие

здравый смысл, он воспримет как узкомыслие и зашоренность. Надеваю шнурок на шею, обещая себе, что сниму его при первой возможности.

Марика тем временем активно накладывает себе салат с креветками и смеется:

— Он и мне такую же штучку хотел всучить, но я не согласилась.

— Почему?

— Да я в зал хожу. Сильная, яко лошадь. Мне эти защитки ни к чему! Сама за себя постоять сумею.

— Сэм, а помнишь ты Владу такой же оберег дарил? А ведь ему недавно плечо выбили! — торжествуя, припоминаю я.

Парень ни капли не смущен. Напротив. Возмущается и негодует с позиции собственной правоты:

— Он снял. На машину одиел. Машина — в парядак, Влад — в бальницы.

Марика интересуется, где же, собственно, Влад. Смущенно молчу.

Не отвечать же, что он чем-то помогает полуголой девице.

После сегодняшнего дня даже и не знаю, останемся ли мы вместе.

Глава 27. Влад

Когда увидел Светкины сообщения, в ужас пришел. Они, как контрольный выстрел в голову. Оттуда, откуда не ждешь.

Новый год вместе с ней? Да я про нее и думать забыл! И уж тем более не собирался с ней праздник встречать.

Стыдно. Пользуюсь людьми. Бросаю слова на ветер. Забываю об обещаниях. Теперь придется платить по счетам. Развязывать запутанные узлы, раз долбаный бумеранг прилетел. Вот почему еду туда, куда не собирался.

Пока такси везет меня по заснеженным улицам, вспоминаю глаза моей малышки. Испуганные, растерянные, печальные. От этой картины на душе еще паршивее становится.

Подъезжаю к Светке. Расплатившись с водилой, выхожу из машины. План мой прост. Объясню, что у меня есть девушка, с которой теперь живу вместе. Извинюсь, что не смогу с ней остаться и отпраздновать. И все. Недомолвок больше не останется, как и ложных надежд. Страницу переверну и вернусь к моей Мире.

Звоню в домофон. Он новый, еще блестит ярким, металлическим блеском. Светка в шикарной новостройке живет в центральной части города. Видать, хорошо ей платят в банке, раз осилила кредит на квартиру в таком районе!

Вскоре слышу жужжание, дергаю за ручку двери и захожу внутрь. Ждать лифт неохота. Предстоящий разговор заранее напрягает, бодрит. Нервы щекочет. Понижаю уровень адреналина, бегом взбираясь на седьмой этаж.

Стучусь. На секунду дверной зрачок темнеет и тут же щелкает задвижка. Вижу Светку. Она все так же хороша. Пахнет умопомрачительно: чем-то тонким, нежным и еле уловимым. Белый кружевной наряд невесомым облаком струится по загорелому телу. Каштановые локоны, длинные, аж до пояса, при каждом ее движении упруго скользят. Искушают свой блестящий шелк потрогать. Она многозначительно манит пальцем, зовет зайти. Приглашает в свой фильм 18+.

Шагаю в квартиру, внутренне собравшись. Как в западню. В волчий капкан. Здесь красиво, стильно, уютно. Стол накрыт на двоих. Закупоренное вино на столе, бутеры с икрой, салаты. Повсюду откровенные намеки на интим. Лепестки роз на полу валяются, свечи зажженные горят. А главный намек стоит передо мной, прозрачно одетый. Давит на похоть еле прикрытой грудью и призывом в глазах.

Раз она весь свой арсенал задействовала, цацкаться с ней не стану. Придется рубить с плеча. Сразу перехожу к делу.

— С наступающими! Извини, что не смогу остаться. Меня дома девушка ждет.

Она непринужденно улыбается:

— Пусть еще немного подождет! Ты же не разочаруешь хозяйку, которая ради тебя всю эту красоту пол дня готовила?

— Я не собираюсь *свою* хозяйку подводить, а до других мне фиолетово. Давай по чесноку! Я люблю другую. Прости, что рушу твои ожидания, но я не останусь.

Грубостью не ее, себя на место ставлю. Светка приближается вплотную. Слишком близко. Ее доступность и близость мозги поджаривают. Крышу сносят. Снизу вверх смотрит прямо в глаза, томно густыми ресницами хлопает. Неторопливо наматывает локон на палец и чувственно мурлыкает:

— Ну хоть вино открой! Сама я уже сноровку потеряла.

- Хочешь вернуться к вину — твое право. Но помогать тебе в этом не стану. Удачи!

Развернувшись, распахиваю дверь и шагаю на лестничную площадку. Снаружи — самоуверенная непоколебимость, а внутри — бегу, поджав хвост, от диких соблазнов.

Какой-то парень, лет двадцати пяти, одетый в темную парку, нажимает на кнопку вызова лифта. Нахмурившись, пялится в стенку, думает о чем-то своем. Нервно позвякивает ключами, надетыми на палец.

Света выбегает за мной на площадку как есть, в своем кружеве и кричит, отчаянно взмахнув руками:

— Не хочешь меня — так зачем мне тогда звонил, в ресторан водил? Я тебя забыла почти! Думала, что заново научилась жить без тебя! А ты, как с игрушкой со мной! Придурок! Медведь толстокожий! Чурбан бесчувственный! Идиот!

Понимаю, что ей надо пар выпустить. Развернувшись к ней, молча слушаю поток ругательств. Не возражаю, не спорю. Пусть кричит. Парень, ожидая лифт, косится то на Светку, то на меня. И вдруг предлагает:

— Слушай, соседка, у нас походу одна беда. Меня тоже одна няха только что кинула. Вот сейчас за вискарем иду, чтоб нажраться. Хочешь, вместе свои душевные раны заполируем?

Света с вызовом на меня смотрит, злорадно улыбается и заявляет новоявленному гостю:

— Знаешь что? А почему бы и нет! Свято место пусто не бывает! Сходи в магазин и вместо вискаря тащи минералку, фруктов и презики! Жду!

И, соблазнительно ему улыбнувшись, тут же гневно охаживает меня взглядом и закрывает дверь.

С облегчением вздыхаю. Все прошло куда лучше, чем я надеялся. Хочу вызвать такси, лезу в карман за телефоном, и понимаю, что его нет. То ли в машине выпал, то ли дома забыл. Вот засада! Как я теперь домой к полуночи успею?

Прошу незнакомца, с которым спускаемся в лифте:

— Слушай, будь другом! Я телефон где-то выронил, сможешь мне такси вызвать?

Он хитро ухмыляется:

— Да на здоровье! Кому скажу — не поверит! Ты мне потрясную телочку подогнал, я тебе такси. Классный бартер, бро!

Глава 28. Макс

Ненавижу ее! Эту грязную, похотливую сучку, живущую с другим! Столько разбитых надежд! Столько растоптанных желаний! всю мою душу наизнанку вывернула. Искромсала на части и выплюнула на помойку. Тварь!

Хожу по квартире. В приступах дикой, неудержимой ярости расколотил вчера стулья и шкафы. Вокруг теперь руины. Щепки, бруски, покореженный металл повсюду.

Приходила соседка. Интересовалась, почему столько шума. Еле сдержался, чтоб ее не послать. Не прибить. Не придушить. Сам не знаю, как смог извиниться. Неестественным голосом прохрипел, что у меня умерла любимая девушка. Эта дура сочувственно на меня посмотрела и сгинула.

Хватаю чудом нетронутый стул и швыряю об стену. Он рассыпается на части. Белым фонтаном с места удара брызгает штукатурка.

Падаю на колени. Ору. Крик переходит в глухой рев.

Раздается громкий стук. Опять соседка. Теперь не одна. Говорит с кем-то за дверью. Бросаю взгляд на кухонный стол. Там в беспорядке разбросаны ножи. Один из них огромный. Остро заточенный. Рука сама к нему тянется. Если стучать не прекратят, если не оставит меня в покое, я за себя не ручаюсь! Как будто услышав мои мысли, соседки уходят.

Я пытался Анечку вернуть. Изо всех сил. Но она ушла во второй раз. Предала меня. Бросила. Если в первый раз от нее только могилка осталась, то теперь она жива и здорова. Каждый день со своим вырожденком милуется. Смеется надо мной. Дразнит. Издевается. Одним фактом своего существования.

Хочу ее мучить, истязать так же, как она меня. Хочу терзать ее каждый день так, чтоб молила о пощаде. Умоляла униженно в слезах, в ногах у меня валяясь. Чтоб признала меня своим хозяином и покорилась. Но пока с ней этот гад рядом, ничего не выйдет.

Заплатить бы снова Вовану, моему однокашнику! Чтобы он решил проблему, избавил от этой скотины. Но ему до сих пор худо. Лежит в больнице с переломом ребер. Когда его проведаль на днях, он скаламбурил: "Стекла им бил до тех пор, пока самого не побиили." Придется своими силами справляться.

За окном свистят и выстреливают россыпью искр первые салюты. Бросаю взгляд на часы. Уже одиннадцать. Многие русские таллинцы празднуют Новый год по московскому времени. На час раньше положенного.

Лихорадочно вышагиваю по полу, усыпанному мусором. При мысли о том, что они сейчас вдвоем, что им хорошо, выть хочется.

Подбегаю к столу, хватаю нож. Это единственный выход.

Всего лишь пара ударов, а там, как карты лягут. Либо реанимация и месяцы в больнице. Либо новая могила на кладбище. Если придется, угощу ножевым и ее хахалю.

Прижимая к телу острую сталь, прячу ее под пальто. Спускаюсь к машине. Нажимаю на брелок сигнализации, сажусь в салон. Мороз пробирает до костей. Но я трясусь не от холода. От нервов. От предвкушения. От горечи своих обид и сладости предстоящей мести.

Еду осторожно, медленно. Аккуратно выкручиваю на поворотах, уступаю, как положено, справа едущим на равнозначных дорогах. Я на взводе, но должен добраться до Миры без происшествий. Чтобы довести начатое до конца.

Она говорила, что очень любит фейерверки. Значит, надо успеть до полуночи. В

двенадцать, после бокала шампанского она выйдет на улицу. Любоваться разноцветными вспышками в ночном небе. Умереть под салюты. Торжественно и драматично.

Подъезжаю к их дому. Родителям Мира не сказала, где теперь живет. С трудом ее адрес нашел. Пришлось задействовать старого знакомого в полиции. Подкинул ему денег в размере месячного оклада и тот, как миленький, все разузнал.

Натаптываю у входа круги. Благо люди вокруг снуют с бутылками в руках. Орут радостно «С Новым Годом!» Сильно не выделяюсь.

Нервно поглядываю на часы. Без пяти двенадцать. Скоро свершится правосудие. Продолжаю прятать нож за пазухой. Жду. Достаяю флягу из кармана пальто. Выпиваю весь коньяк до капли.

Снова свист. Россыпи искр и света в небе. Дверь подъезда открывается и оттуда выбегают жильцы. Первые ласточки, летящие на салюты. Теперь на улице у дома много зевак, потенциальных свидетелей. Задрав головы, любуются зрелищной картиной. Незаметно захожу внутрь подъезда, прячусь в углу, где почтовые ящики. Здесь тусклый свет, и мне это на руку. Тяжелее меня разглядеть. Присматриваюсь, с какой стороны живет Мира. В тот же миг дверь открывается. Слышен ее голос.

— Секунду! Сейчас ключи найду только и пойдём! Ура! Салюты!

Раздаются шаги. Легкая поступь. Стройный, девичий силуэт. Темные, длинные волосы, ее черты. Выскакиваю из своего укрытия и замахиваюсь ножом. Она неожиданно резко и быстро бьет меня по руке. Нож бы вывалился, если бы не многолетние тренировки. Крепче сжав рукоятку, молниеносно вонзаю клинок в ее плечо. Вскрик боли сладостной музыкой раздается в ушах. Еще замах, но она ловко ускользает от лезвия, пригнувшись. Топот ног на лестнице, возгласы. Но кто идет, не успеваю увидеть. Разбираюсь с амазонкой, сильной и вертлявой, как демон. Внезапно получаю удар в пах. Каждая клетка тела взрывается болью. Сгибаюсь в три погибели. Не чую ног, плетусь на выход. Это проигрыш. Разгром. Унижение. Но не от Мира. Это другая — ее двойник. Неужели Анечка вернулась? Неужели это возможно? Уйти не успеваю. Получаю мощный удар по голове. Свет гаснет, и я валюсь с ног. Прежде, чем вырубиться, вижу в тумане нежную Анину улыбку. Ее насмешливый шепот приговором звучит в голове. "Попался! Мой хитрый, злобный мальчик! Как же долго я этого ждала!"

Глава 29. Мира

Мы так и сидим втроем за столом. Как могу, гостей развлекаю. Расспрашиваю об их планах. Когда свадьба? Трудно ли будет Сэму постоянный вид на жительство получить? Но сама вполуха ответы слушаю.

Думаю, где сейчас Влад. То и дело перед глазами мелькает картинка красотки-искусительницы из его телефона. Загорелая, гладкая кожа на фоне ослепительно белых кружев. Пухлые губы, пышная грудь. Четвертый размер, не меньше! Чем они сейчас занимаются? Стараюсь об этом не думать, но не получается. Никогда не ревновала, но сейчас места себе не нахожу.

Десять сорок. Влада нет. Сэм просит карты и показывает карточный фокус. Находит загаданную мной карту. Натянуто смеюсь и хлопаю в ладоши. В горле пересохло. Отпиваю глоток сока.

Быстрый взгляд на часы. Десять сорок семь. От тревоги щемит в груди. Движение секундной стрелки на настенных часах тугими, пульсирующими щипцами сжимает виски. Марика перехватывает мой взгляд и спрашивает:

— Эй, подруга! Признавайся! Нам Влада ждать или как? Вы же еще вместе? Не расстались?

В ответ нахожу силы улыбнуться и мотаю головой. Жалкая, кривая ухмылка выходит, наверно.

Марика сочувственно пожимает мне руку и принимается болтать о себе. Кажется, хочет отвлечь от печальных мыслей. Рассказывает про то, как на последних соревнованиях по фри-файту завалила всех парней в своей весовой категории. У судей там чуть глаза из орбит не повылезали. Не говоря уже о самих спортсменах. Городские снежинки! А попробовали бы они на себе много лет мешки с картошкой на хуторе таскать! Или куриц, убегающих от супа, ловить. Или быка на ручную случку вести. Или на лошади скакать. Тогда бы их нипочем не завалить было после трех лет занятий!

В одиннадцать тринадцать в прихожей щелкает замок. Это Влад, больше никому! Волна облегчения накрывает с головой, смывая подступавшую тесным кольцом панику. Встаю из-за стола, несусь к нему. Алчно вглядываюсь в его родные глаза. Пытаюсь по ним прочитать: было или не было? От сомнений нутро разрывает на части.

Влад подходит вплотную. От него веет морозом и свежестью. Еще нежностью, силой, надежностью. Обхватывает меня рукой, своими губами к моим прижимается. Жадно, настойчиво, по-хозяйски целует. Последние сомнения в пепел сжигает. Так никто не целует, только-только с другой утолив свой голод.

Успокоившись, отстраняюсь. Спрашиваю:

— Где ты был?

— Закрывал долг. В Новый год не хотелось старые недоделки тащить. Это все, что тебе надо знать, — отвечает он. И я ему верю.

Садимся за стол. Суечусь вокруг любимого. Подкладываю в его тарелку горы салатов, мясо, овощные нарезки. С удовольствием, наблюдаю, с каким аппетитом он ест. Наконец, напряжение спадает и атмосфера наполняется праздником. Ровно в полночь мы вчетвером торжественно поднимаем бокалы. Влад произносит:

— Пусть в Новом году наша и ваша (быстрый взгляд на Сэма и Марику) любовь

расцветет полным цветом. А все старое и отжившее останется в прошлом!

На его словах ощущаю небольшой укол тревоги. Я-то Макса давно в прошлом оставила. Но оставил ли он меня, нас? Нехорошее предчувствие нарастает. Злюсь на себя. Расслабься, дурочка! Не порти себе праздник дурными мыслями!

Слышатся выстрелы фейерверков. Одеваемся, чтобы бежать на улицу, любоваться россыпью огней. Марика собирается первой, по-армейски быстро. Сэм очень некстати отправляется в туалет. Влад теперь со скоростью черепахи одевается. Неудобно, когда одной рукой все приходится делать. А помогать себе он позволяет редко. Этот вывих — единственная неприятность, которую он с собой из старого в новый год прихватил.

Одевшись, залезаю в сумочку, но ключей найти не могу. Вспоминаю, что я сегодня мусор выносила и где-то на кухне их оставила. Ношусь между столов, шкафы открываю, повсюду пропажу ищу. Кричу:

— Секунду! Сейчас ключи найду только и пойдем! Ура! Салюты!

Слышу, как щелкает дверной замок. Это Марика устала ждать, наверно. Жарко здесь стоять, решила нас на улице подождать. Через минуту нахожу потерявшуюся связку в кухонном ящике с вилками и ложками. Как они там оказались? Хватаю их в кулак и бегу на выход.

Вижу два силуэта внизу, у подножья лестницы. Марика стоит, склонившись над каким-то парнем в темном пальто. Подхожу поближе и в груди холодеет. Это Макс! Рядом с его пальцами на бетоне валяется окровавленный нож. Сам он на меня жутким, безумным взглядом таращится. Шепчет: «Анечка!» и закрывает глаза.

Марика вздохнув начинает объяснять, что случилось. Она в шоке, но держится умничкой для той, кого только что чуть не убили.

Бедняжка осторожно снимает куртку, закатывает рукав блузки. В плече глубокий порез, из которого обильно сочится кровь. Девушка морщится и просит перекись. Бросившись за аптечкой, замечаю краем глаза, как только что вышедший Влад достает из кармана телефон и вызывает полицию. Пока обрабатываю Марике рану, Сэм спускается к Максиму. Приседает и основательно, неторопливо осматривает ему голову.

Мы разбираемся с полицейскими на лестнице. Мимо нас то и дело шныряют соседи. Вверх-вниз, вниз-вверх. В десятый раз интересуются, что случилось. Марика опять пересказывает молодому, внимательному парню в форме, как все происходило.

Добавляю к ее показаниям, что Макс мой знакомый. Что я была раньше его девушкой. И живу в этой квартире я, не Марика. Макс планировал напасть на меня, а не на мою гостью. Только я бы, в отличие от нее, за себя постоять не сумела. Лежала бы уже хладным трупом в морге. Счастливый случай свел нас сегодня всех вместе. Мне просто повезло.

Сэм обнимает Марику, которую уже перевязали фельдшеры в оперативно приехавшей скорой. На этих моих словах он несогласно качает головой. Пальцами многозначительно стучит себя по груди. В точности по тому же месту, где у меня висит его кулончик. «Это не так», — говорит его взгляд. «Случайностей не бывает!»

Глава 30. Мира

Прошло чуть больше трех недель. Нападение Макса привело его на скамью подсудимых. На слушании дела он сидит невинной овечкой. Широко открытыми, честными глазами смотрит на судью, уверяя, что исправится. Что он пережил временное, одноразовое помутнение рассудка. Его адвокат, холеный дядька с пронизательным прищуром, в дорогущей одежде толкает душераздирающую речь про смерть любимой жены. Про личную драму подсудимого. Про все его предыдущие заслуги и образцово-показательную жизнь.

Я надеюсь, что за содеянное его запрут за решеткой. Но не тут-то было! Его отец, являясь признанным юристом, дергает за нужные нити, и Макса подозрительно быстро выпускают из камеры. Присуждают условный срок, принудительные визиты к психиатру, штраф и общественные работы. Мне до сих пор не верится, что этот псих на свободе! Надеюсь, ему достанутся для отмывки самые грязные унитазы!

Как-то раз, находясь у Сэма в гостях, мы с Марикой отправляем его в магазин за кофе и ненадолго остаемся одни. Она вдруг принимает таинственный вид и шепчет:

— Я тебе сейчас покажу кое-что. Но только пусть это останется между нами!

Вынимает из шкафа Сэма какую-то примитивную куклу. Из тряпок и, кажется, веток. Такие куклы, наверно, делали несколько сотен лет назад маленькие дети.

— Короче, прикинь! Сэм своровал у Макса прядь волос, пока тот был в отключке. И сделал из них куклу вуду. Он теперь у Сэма под колпаком.

Под ложечкой противно сосет. Так ведь нельзя! Хотя скептицизм к колдовству никуда из меня не делся, но я верю, что мысли способны влиять на окружающих. На душе становится неуютно. Спрашиваю:

— И что это значит?

— Это значит, что Макс теперь для тебя безопасен. Он больше не сможет тебе причинить вреда. Понимаешь?

В этот миг становится по-настоящему его жалко. Если Сэм хоть чуть-чуть умеет влиять на людей, то я Максиму не завидую. Никому не пожелаю такой участи!

Теперь мы с Марикой часто ходим друг к другу в гости. Вместе пережитые трудности сближают гораздо крепче, чем радости.

Через неделю после нападения она бодрячком отправляется в клуб заниматься. Но тренер, узрев под ее рашгардом повязку и узнав о ранении, посылает ее домой. Велит раньше, чем через месяц не возвращаться. Сейчас ей ужасно не хватает своих ежедневных тренировок.

Она вдруг по доброте душевной решает, что просто обязана научить меня самообороне. На наших домашних встречах теперь пытается то меня придушить, то повалить на пол, то скрутить. Сильно стараться ей не приходится. Я как тонкий податливый пруттик — согнуть легко, а уж сломать и того проще. Но мою новую подругу это нисколько не смущает! При каждой возможности устраивает потасовки и я вынуждена это терпеть. Я ведь ей жизнью обязана, а долги полагается отдавать. Пусть даже в такой странной, футуристической форме.

И все же мне ужасно надоело ходить побитой, покрытой уродливыми, разноцветными синяками по всему телу. Теперь дома даже в соблазнительных шортиках и открытых топах не пройдешься! Прячусь от Влада под длинными штанами и рукавами.

Вскоре после случившегося я звоню маме. Рассказываю обо всем, ничего не утаивая.

Она своим ушам не верит! Как такое возможно? Приличный, обстоятельный молодой человек набросился с ножом на незащищенную девочку! Требует, чтобы я тут же пришла домой и повторила то же самое отцу. Мне не хочется видеть человека, из-за которого началась вся эта заварушка с Максом. Но он мой отец. Моя кровь. Во мне его ДНК, его гены. Я продолжение его истории, а он начало моей. Просто так эту связь не выкинуть. В итоге, соглашаюсь на встречу.

Отец слушает меня, уставившись на стол. На словах о том, что Марика сумела отбиться от нападения Макса, он интересуется:

— Может, это не Макс, а твоя подружка на парня напала?

Мне кажется, я ослышалась. Переспрашиваю и слышу то же самое. Несколько секунд молчу. Раздумываю: может, мне сразу уйти, если отец мне не верит? Какой толк что-то доказывать, если его собственные концепции о людях важнее ему, чем жизнь дочери?

Но тут я ловлю на себе умоляющий мамин взгляд. «Пожалуйста, прости его! Не уходи!»

Я собираю волю в кулак, вздыхаю поглубже и отвечаю:

— Тогда почему только отпечатки пальцев Макса остались на окровавленном ноже? И почему его нож вошел в девушку, ужасно похожую на меня? В том самом подъезде, где живу я?

Отец хмуро на меня взглянув, пожимает плечами. В последнее время он сильно сдал. Морщины на лбу, еще пару месяцев назад почти не заметные, сейчас бороздятся глубокими впадинами. В глазах угас былой огонек, появилось усталое равнодушие. Он молчит недолго и произносит:

— Не стоило вас знакомить. Уверен был, что он тебе отличная партия.

Наверно, в глубине души я надеюсь на теплые слова. На извинение, сочувствие, удивление. На хоть какие-то живые эмоции, черт побери! Но вместо этого получаю скупое «не стоило вас знакомить». Видимо, для отца это потолок раскаяния, его крыша. Сажу ради мамы еще пол часика, а потом направляюсь в прихожую, на выход. На прощание отец просит:

— Заходи к нам почаще. Хоть птичек своих проведешь. Они по тебе скучают.

Он даже признаться не может, что сам скучает! На птичек стрелку переводит! И все же меня так трогают эти слова, что разворачиваюсь и кидаюсь отцу на шею, утирая набежавшие слезы. По дороге домой, в общагу, чувствую, что это шаг вперед. И для меня, и для папы.

Сессия почти закончена. Большая часть экзаменов сданы на отлично. Осталась еще парочка не слишком сложных зачетов — и можно выдохнуть!

На радостях, предвкушая скорую свободу, рассылаю резюме в несколько фирм. В основном, в рестораны и в кафе. В тот же день приходит ответ от управляющего уютным кафе неподалеку от нас. Им требуется повар. Назначают собеседование на следующую неделю.

Вчерашний день стал особенным. Врач разрешил Владу снять шину, и от счастья мне хочется петь! Плечо еще, конечно, нужно восстанавливать. Бассейн, реабилитация, нагрузка по нарастающей. Но в целом любимый из однорукого пирата перевоплотился обратно в двурукого парня. Невероятно привлекательного и желанного.

Вот только как же мои синяки, опустившие ниже плинтуса самооценку? Наши поединки с Марикой продолжатся еще две недели, пока не возобновятся ее тренировки в клубе. Она уговаривает потом в свой клуб записаться. Хочет меня в такую же воительницу превратить, как и она сама. Я совершенно не против. Но планирую сделать небольшой

перерыв. Синяки сойдут и тогда устрой Владу горячий сюрприз.

Вспомнив в очередной раз про Свету из телефона, захожу в магазин и покупаю себе кружевного белья. Хочется уже из соседки по комнате превратиться, наконец, в настоящую, любимую и днем, и ночью, девушку. Хочется переехать в его кровать и больше оттуда не выезжать.

Слышу, как щелкает задвижка двери в прихожей. Бросаюсь туда и с восторгом встречаю Влада. До сих пор непривычно, что вместо одного рукава у него теперь заняты оба. Он только что с экзамена. Довольно улыбается, хватая меня в объятия и говорит:

— Опять отлично! Это надо отпраздновать!

Я радостно пишу:

— Поздравляю! Ты просто нереальный гений! Хочешь, в честь твоих успехов испеку сегодня торт?

Влад смотрит мне в глаза, и я вижу в них неуголенное желание. Слышу его шепот:

— Я хочу по-другому отпраздновать. Мы и так силишком долго ждали. Больше я тянуть не собираюсь.

И прижимается к моим губам. Успевает мелькнуть малодушная мысль про уродливые синяки. Про белье, припрятанное в шкафу. Но тут же про все забываю. Есть только он и я. И мы так долго этого ждали!

Больше книг на сайте - www.litlib.net